

ФОЛЬКЛОР И АНТРОПОЛОГИЯ ГОРОДА

URBAN FOLKLORE
& ANTHROPOLOGY

№ 1
Т. IV 2021

ТЕМА НОМЕРА:
**ИСТОРИЧЕСКАЯ
ПАМЯТЬ**

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ НОМЕРА — Н. В. ПЕТРОВ

URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY

№. 1
V. IV 2021

SPECIAL ISSUE: HISTORICAL MEMORY

EDITOR FOR THE ISSUE: NIKITA PETROV

Редакция

- С. Ю. Неклюдов — главный редактор, профессор, доктор филологических наук, главный научный сотрудник ЛАБОРАТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, научный руководитель Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- Д. А. Радченко — заместитель главного редактора, кандидат культурологии, директор Центра исследований фольклора и антропологии города **МВШСЭН**, старший научный сотрудник ЛАБОРАТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, заместитель руководителя Центра городской антропологии **КБ Стрелка**, Москва, Россия
- М. И. Байдуз — ответственный секретарь, научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города **МВШСЭН**, старший научный сотрудник ЛАБОРАТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, заведующий редакцией журнала «**Шаги / Steps**», Москва, Россия
- Е. Ф. Югай — научный редактор, кандидат филологических наук, доцент **LIBERAL ARTS COLLEGE ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия
- М.-В. В. Моррис — редактор английских текстов, кандидат юридических наук, научный сотрудник ЛАБОРАТОРИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ **ШАГИ РАНХиГС**, доцент кафедры культурологии и социальной коммуникации **ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия
- В. Ф. Лурье — художественный редактор, ведущий специалист издательского отдела **ШАГИ РАНХиГС**, Москва, Россия

Редакционная коллегия

- М. Д. Алексеевский — кандидат филологических наук, руководитель Центра городской антропологии **КБ Стрелка**, Москва, Россия
- А. С. Архипова — кандидат филологических наук, руководитель исследовательской группы «Мониторинг актуального фольклора», старший научный сотрудник ЛАБОРАТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- М. В. Ахметова — кандидат филологических наук, заместитель главного редактора журнала «**Шаги / Steps**», старший научный сотрудник ЛАБОРАТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, Москва, Россия
- К. А. Богданов — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы **РАН (Пушкинский Дом)**, Санкт-Петербург, Россия
- И. Броди — PhD, президент Ассоциации фольклористов Канады, главный редактор журнала «Современная легенда», доцент, Университет Кейп-Бретона, Сидней, Канада
- С. Грэхэм — PhD, доцент, Школа славянских и восточноевропейских исследований (**SSEES**), Лондон, Великобритания
- Н. В. Петров — кандидат филологических наук, заведующий ЛАБОРАТОРИЕЙ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, старший научный сотрудник Центра исследований фольклора и антропологии города **МВШСЭН**, доцент Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- Д. Руайе-Уилоуби — PhD, президент Международного общества по изучению современной легенды, профессор, заведующий кафедрой современных и классических языков, литератур и культур, Университет Кентукки, Лексингтон, США
- Э. Такер — PhD, почетный профессор, Бингемтонский университет, Вестал, США
- И. В. Утехин — кандидат исторических наук, профессор Европейского университета, Санкт-Петербург, Россия
- О. Б. Христофорова — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ЛАБОРАТОРИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ **ШАГИ ИОН РАНХиГС**, директор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва, Россия
- П. Янечек — PhD, заместитель заведующего кафедрой этнологии, факультет искусств, Карлов университет в Праге, Чехия

EDITORIAL STAFF

GENERAL EDITOR — PROF SERGEI NEKLYUDOV (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)

DEPUTY GENERAL EDITOR — DR DARIA RADCHENKO (MOSCOW SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES, RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, STRELKA KB, MOSCOW, RUSSIA)

EXECUTIVE SECRETARY — MARINA BAIDUZH (MOSCOW SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES, RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)

EDITOR — DR ELENA YUGAI (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)

EDITOR OF THE ENGLISH SECTION — DR MARIA-VALERIA MORRIS (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)

ART EDITOR — VADIM LURIE (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)

EDITORIAL BOARD

DR MIKHAIL ALEKSEEVSKY (STRELKA KB, MOSCOW, RUSSIA)

DR ALEXANDRA ARKHIPOVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)

DR MARIA AKHMETOVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA)

PROF KONSTANTIN BOGDANOV (INSTITUTE OF RUSSIAN LITERATURE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES, SAINT PETERSBURG, RUSSIA)

DR IAN BRODIE (CAPE BRETON UNIVERSITY, SYDNEY, CANADA)

DR SETH GRAHAM (UNIVERSITY COLLEGE OF LONDON, LONDON, UNITED KINGDOM)

DR PETR JANEČEK (CHARLES UNIVERSITY, PRAGUE, CZECH REPUBLIC)

PROF OLGA KHRISTOFOROVA (RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)

DR NIKITA PETROV (MOSCOW SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES, RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA)

PROF JEANMARIE ROUHIER-WILLOUGHBY (UNIVERSITY OF KENTUCKY, LEXINGTON, UNITED STATES OF AMERICA)

PROF ELIZABETH TUCKER (BINGHAMTON UNIVERSITY, VESTAL, UNITED STATES OF AMERICA)

PROF ILYA UTEKHIN (EUROPEAN UNIVERSITY AT SAINT PETERSBURG, SAINT PETERSBURG, RUSSIA)

ДЕТАЛИ ГОРОДА

Раздел «Детали города» располагается на разных страницах журнала. В этом номере журнала «Детали города» дополняют статью о Переславле-Залесском. На нескольких разворотах представлены фотографии разных слоев исторической памяти города, сохранившиеся в разной степени, но важные для горожан. Автор фотографий и подписей — Вадим Лурье.

The “Urban Details” section can be found on various pages of the journal. In this issue it accompanies an article on Pereslavl-Zalessky. Photos of various layers of the town’s historical memory, in varying states of preservation but equally important to the townspeople, are presented on several two-page openings. All photos and captions by Vadim Lurie.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

- 7** *Никита Петров.* «Две границы, три столицы»: народная история российских городов

СТАТЬИ

- 14** *Дарья Радченко.* С видом на Евросоюз: практики пограничья в Советске

МАТЕРИАЛЫ

- 42** *Эста Матвеева.* Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей
- 76** *Мария Гаврилова.* «Столица русского Чернобыля»: нарратив жителей Новозыбкова о катастрофе на Чернобыльской АЭС
- 94** *Ольга Христофорова.* «Есть на свете три столицы...»: история и «городской текст» Луховиц в рассказах горожан

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

- 158** *Наталья Петрова, Надежда Рычкова.* «Его никто никогда так не называл»: дискуссионные локусы в Рязани
- 174** *Арина Куприянова, Дарья Агапова, Яна Поцелуйко.* Монастыри Переславля-Залесского как точки притяжения и коммуникации
- 192** *Яна Павлиди.* «Жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться»: Никита Петров об индивидуальной памяти человека и проекте «Народная история России». Интервью с Никитой Петровым
- 202** *Маргарита Тихонова.* Научные ассоциации по изучению памяти и их онлайн-ресурсы: Memory Studies Association и Oral History Association

C O N T E N T S

HISTORICAL MEMORY

- 7** *Nikita Petrov.* “Two borders, three capitals”: The people’s history of Russian cities

ARTICLES

- 14** *Daria Radchenko.* A view on the EU: Border practices in Sovetsk

MATERIALS

- 42** *Esta Matveeva.* Folk history of Sortavala in local residents’ stories
76 *Maria Gavrilova.* Novozybkov residents’ narrative about the Chernobyl disaster
94 *Olga Khristoforova.* “There are three capitals...”: History and “urban text” of Lukhovitsy according to the townspeople

LOCAL IDENTITY

- 158** *Natalia Petrova, Nadezhda Rychkova.* “Nobody has ever called it that”: Disputed loci in Ryazan
174 *Arina Kupriyanova, Daria Agapova, Yana Potseluyko.* Monasteries in Pereslavl-Zalessky as points of attraction and communication
192 *Yana Pavlidi.* “A life you’ve been allowed to briskly touch”: Nikita Petrov on individual memory and the project “The People’s History of Russia”
202 *Margarita Tikhonova.* Sites and online resources of the Memory Studies Association and Oral History Association

«ДВЕ ГРАНИЦЫ, ТРИ СТОЛИЦЫ»: НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ

НИКИТА ВИКТОРОВИЧ ПЕТРОВ ^{[1], [2], [3]}

✉ PETROV-NV@RANEPA.RU

ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1] РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

^[2] МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, МОСКВА, РОССИЯ

^[3] РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ

“TWO BORDERS, THREE CAPITALS”: THE PEOPLE'S HISTORY OF RUSSIAN CITIES

Nikita V. Petrov ^{[1], [2], [3]}

✉ PETROV-NV@RANEPA.RU

ORCID: 0000-0002-2467-9535

^[1] RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

^[2] MOSCOW SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES, MOSCOW, RUSSIA

^[3] RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA

В последнее десятилетие в России вышло неприлично большое количество исторических, антропологических и социологических работ, посвященных национальной и городской идентичности, осмыслению культурного наследия локальных и государственных политик памяти. Федор Николаи сравнивает этот «мемориальный бум» с описанным Мишелем Фуко «дискурсивным взрывом» Нового времени, связанным с сексуальностью [Николаи 2021]. Привлекательность и больше — соблазнительность тематики не обошла и редакцию журнала «Фольклор и антропология города». Так, в 2019 году был выпущен номер «Память в городе / память города» (Vol. II, № 1–2), посвященный пересборке прошлого и коммеморативным практикам в городе. В новом номере большую часть составляют статьи и материалы, напрямую относящиеся с осмыслением данных электронного архива, собранного в 2018–2021 годы в рамках проектов «Историческая память городов» и «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций»¹. Над проектом работали и работают более 50 участников, волонтеров и привлеченных исследователей. Проект реализуется в Московской высшей школе социальных и экономических наук и в Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва). Ранее его материалы и результаты публиковались в ряде работ [Гаврилова, Петров, Матвеева 2021, Матвеева, Петрова, Петров 2021, Матвеева, Радченко, Петров 2021, Петров 2021, Петров и др.

¹ Pastandnow.ru поддерживался с 2018 по 2021 год Фондом президентских грантов, основная часть команды работает, используя финансирование фонда, некоторые интервью собирают, расшифровывают, корректируют и вносят в базу данных волонтеры [pastandnow.ru].

2019, Петров, Павлиди 2021, Петрова 2021, Петрова, Воробьев, Петров 2021, Петров, Гаврилова, Радченко 2021, Радченко, Петров 2021].

Участники проекта задаются вопросами: как работают коллективная и коммуникативная «памяти»? как изменяются личные нарративы с течением времени? как конструируется репутационный статус пространства в рассказах, записанных от разновозрастных собеседников интервьюерами с разным опытом жизни? Включая в проект новые города, публикуя материалы интервью и собственные выводы, исследователи полагают, что такое знание позволит увеличить варианты использования культурного потенциала российских территорий маркетологами, антропологами и акторами памяти (библиотекарями и краеведами), исследователями *oral history* и *memory studies*.

Наибольший интерес среди записанных текстов представляют «городские нарративы о прошлом и настоящем». Это самые разные тексты, которые рассказывают в семье, районе, городе: личные и семейные истории, исторические и квазиисторические нарративы, легенды, предания, описания стандартизованных практик, слухи и страхи, шутки, анекдоты, репутационные и интеграционные тексты и т. п. Помимо вопросов про городское пространство, в гайде интервью есть блоки, касающиеся личной жизни рассказчика, которую он вспоминает через призму исторических событий. В течение 2018–2021 годов записано более 600 интервью в 25 городах России (от 10 до 50 интервью в каждом городе) и более 500 интервью в Москве; в базе данных более 1200 рассказчиков, только часть интервью вывешены в открытый доступ, так как все материалы проходят длительный процесс обработки и проверки (расшифровка, проверка расшифровки собирателем, вычитка корректором, иногда рассказчиком, разметка).

Большая часть собранного материала накладывается на карту (pastandnow.ru), и воспоминания оказываются привязанными к определенной точке в пространстве. В то же время в разделе «Рассказчики» вывешивается полная расшифровка интервью, куда входят и данные, которые не привязаны к географическим координатам. В результате получается набор медиализированных воспоминаний жителей российских городов.

Проект 2018 года был посвящен устной и семейной истории, которую рассказывают жители Москвы. В 2019 году собраны коллекции интервью из нескольких городов Центральной России: Рязань, Нижний Новгород, Иваново, Луховицы, Выкса и Шуя. В текущем номере журнала представлены два текста с подборкой и интерпретацией интервью из Рязани и подмосковных Луховиц.

Наталья Петрова и Надежда Рычкова в материале «“Его никто никогда так не называл”: дискуссионные локусы в Рязани» собрали подборку текстов о городских парках и памятниках. Выбор этих городских объектов обусловлен, с одной стороны, их популярностью, с другой — обилием дискуссий относительно их названий и функционирования в пространстве города. Как показывают авторы, памятники и парки чаще, чем другие объекты городского пространства, становятся предметом споров и обсуждений: разные группы (возрастные, социальные) высказывают свои взгляды на исторический и актуальный статус этих мест, происхождение их названий и на практики освоения.

В работе *Ольги Христовой* «“Есть на свете три столицы...”: история и “городской текст” Луховиц в рассказах горожан» публикуются тексты о неофициальном пространстве города. В частности, интересен феномен

«Соцгорода» — так местные жители называют образованный в начале 1950-х годов поселок Новый при строившемся авиационном заводе. Поселок возникает как классический соцгород сталинской архитектуры и формирует «парадный» облик Луховиц. Кроме этого, в подборку вошли тексты о городских и природных объектах, важных событиях и праздниках города, нарративы о детских играх и молодежном досуге в разные годы, истории о летнем отдыхе. Проблематизируют материал размышления автора о столичном нарративе Луховиц в связи с его ресурсным потенциалом («столица огурцов и МиГов»), небольшим размером города и пограничным положением между Москвой и Рязанью.

В 2020–2021 годы интервью собирались как в небольших городах России (Переславль-Залесский, Урюпинск), так и в пограничных регионах России: в Калининградской, Псковской, Ленинградской, Архангельской и Мурманской областях, в Республике Карелия. Участники проекта фиксируют сложную память, связанную с разрушением и установлением границ этих территорий. При этом границы понимаются широко: это могут быть как историческое и административное деление, так и соприкосновение «сакрального» и «светского».

Понятию «граница» и его осмыслению в нарративах жителей пограничного города посвящена работа *Дарьи Радченко*. В ней в связи с проблемным полем border studies рассматривается идентичность Советска — города в Калининградской области, который находится рядом с Литвой и связан с ней системой торговых, инфраструктурных и социальных отношений. Демаркационная линия между Россией и Литвой в этом месте неустойчива, изменяется во времени и описывается как процесс. Особенное внимание в статье уделяется переходам между официальными границами, темпоральным и социальным точкам их пересечения. В нарративах жителей Советска/Тильзита важными оказываются тексты о так называемых регионавах — серферах границ: контрабандистах, торговцах, менялах.

Арина Курпирянова, Дарья Агапова и Яна Поцелуйко в работе «Монастыри Переславля-Залесского как точки притяжения и коммуникации» публикуют тексты, посвященные социальной роли монастырей в пространстве Переславля-Залесского в советский и современный периоды. Авторы рассматривают Феодоровский и другие монастыри как места, в которых происходит коммуникация между сакральным и светским. Рефлексируя о метафоре границы, авторы полагают, что материальным воплощением ее могут быть монастырские стены, «пограничниками» — насельницы монастыря, которые вовлечены в коммуникацию с прихожанами. Любопытны и особенности вовлечения исследователей в монастырское поле, которые показывают проницаемость «сакрального» и «светского».

Кроме «пограничности», авторы этого номера размышляют над ключевыми мотивами и общими местами рассказов, связанных с определенными событиями, которые сыграли роль в формировании городской идентичности.

Мария Гаврилова в статье «“Столица русского Чернобыля”: нарратив жителей Новозыбкова о катастрофе на Чернобыльской АЭС» показывает, как взрыв на АЭС в Чернобыле 26 апреля 1986 года влияет на формирование локального нарративного шаблона. В статье показывается, что за более чем 30 лет, прошедших после события, воспоминание совершает эволюцию от мемората к фабулату. Кроме того, оформляется своеобразный «канон» такого рассказа с общими местами и мотивами, коллективными эмоциями и оценками произошедшего.

В работе *Эсты Матвеевой* «Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей» описываются ключевые мотивы исторической памяти Сортавалы, которая включает финский, советский и российский периоды. Автор пишет и о столичном самоопределении Сортавалы, которое оказывается результатом внутреннего осмысления собственного прошлого. Жители Сортавалы рассказывают о «провинциальности» на уровне благоустройства, «столичности» в самоощущении и богатом историческом потенциале, связанном с «финскостью» и «советскостью» территории.

Многоаспектность работ, представленных в этом номере журнала, связана с научными наработками исследователей в области устной истории и исследований памяти. *Маргарита Тихонова* сделала обзор двух исследовательских ассоциаций — Memory Studies Association (Нидерланды) и Oral History Association (США). Читатели узнают, как стать членами ассоциаций, что можно найти на их сайтах и как использовать найденное.

В конце публикуется записанное *Яной Павлиди* интервью с Никитой Петровым о замысле проекта «Народная история России», любимых рассказчиках и концептуальных сложностях, с которыми сталкиваются исследователи, занимающиеся устной историей.

Литература

- Гаврилова, М. В., Петров, Н. В., Матвеева, Э. Г. (2021). *Город в историях людей — Выборг: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Матвеева, Э. Г., Петрова, Н. С., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей — Мурманск: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Матвеева, Э. Г., Радченко, Д. А., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей — Сортавала: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Николаи, Ф. (2021). Режимы памяти, национальные нарративы и политики идентичности: Открытое будущее исследований памяти. *Новое литературное обозрение*, 167(1). Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2021/1/rezhimy-pamyati-naczionalnye-narrativy-i-politiki-identichnosti-otkrytoe-budushhee-issledovaniy-pamyati.html>
- Петров, Н. В. (2021). Цифровые архивы частной памяти. *Шаги/Steps*, 7(1), 29–56.
- Петров, Н. В., Матвеева, Э. Г., Радченко Д. А., Байдуж, М. Э., Петрова, Н. С., Рычкова, Н. Н. (2019). *Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью*. М.: Неолит.
- Петров, Н. В., Павлиди, Я. И. (2021). *Город в историях людей — Архангельск: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Петрова, Н. С. (2021). Олимпиада, данная нам в ощущениях (по материалам проекта «Народная история России»). *Шаги/Steps*, 7(1), 136–150.
- Петрова, Н. С., Воробьев, В. А., Петров Н. В. (2021). *Город в историях людей — Печоры: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Петров, Н. В., Гаврилова, М. В., Радченко, Д. А. (2021). *Город в историях людей — Новозыбков: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.
- Радченко, Д. А., Петров, Н. В. (2021). *Город в историях людей — Советск: Избранные тексты и методические рекомендации по сбору интервью*. М.: Неолит.

References

- Gavrilova, M., Petrov, N., Matveeva, E. (2021). *City in people's stories – Vyborg: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Matveeva, E., Petrova, N., Petrov, N. (2021). *City in people's stories – Murmansk: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Matveeva, E., Radchenko, D., Petrov, N. (2021). *City in people's stories – Sortavala: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Nikolai, F. (2021). Regimes of memory, national narratives and identity politics: The open future of memory studies. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 167(1). Retrieved from <https://magazines.gorky.media/nlo/2021/1/rezhimy-pamyati-naczionalnye-narrativy-i-politiki-identichnosti-otkrytoe-budushhee-issledovaniy-pamyati.html> (In Russian).
- Petrov, N. (2021). Digital archives of private memory. *Shagi / Steps*, 7(1), 29–56. (In Russian).
- Petrov, N., Matveeva, E., Radchenko D., Baiduzh, M., Petrova, N., Rychkova, N. (2019). *People's stories in digital format: Methodological recommendations for collecting and visualizing interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Petrov, N., Pavlidi, Ya. (2021). *City in people's stories – Arkhangel'sk: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Petrova, N. (2021). Olympic games recounting via feelings (based on materials of the project “The people's history of Russia”). *Shagi / Steps*, 7(1), 136–150. (In Russian).
- Petrova, N., Vorobyev, V., Petrov, N. (2021). *City in people's stories – Pechory: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Petrov, N., Gavrilova, M., Radchenko, D. (2021). *City in people's stories – Novozybkov: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Radchenko, D., Petrov, N. (2021). *City in people's stories – Sovetsk: Selected texts and methodological recommendations for collecting interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).

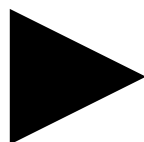
ДЕТАЛИ ГОРОДА ▼

Первый слой памяти Переславля-Залесского, самый древний и важный, связан с русской историей XII–XVII веков. Городские объекты, отсылающие к этому периоду, являются визуальными символами Переславля и важными точками притяжения. Город основан князем Юрием Долгоруким в 1152 году, об этом периоде напоминают крепостные валы высотой 11–12 м, любимое место прогулок горожан и туристов (на фото внизу слева). В 1220 году здесь родился князь Александр Невский (на фото вверху слева). И, наконец, в 1688 году царь Петр I на Плещеевом озере начал строительство потешной флотилии, что стало началом российского военного флота. На фото справа Петр I как раз и показывает на Плещеево озеро и музей ботика «Фортуна» (открыт в 1803 году, первый провинциальный музей России), по местной легенде, построенного самим царем-плотником.

СТАТЬИ

С ВИДОМ НА ЕВРОСОЮЗ: ПРАКТИКИ ПОГРАНИЧЬЯ В СОВЕТСКЕ

ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА РАДЧЕНКО ^[1]

✉ DARRADCHENKO@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-9298-7783

^[1] РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

Радченко, Д. А. (2021). С видом на Евросоюз: практики пограничья в Советске. *Фольклор и антропология города, IV(1)*, 14–39. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-14-39.

Исследование постсоветского пограничья невозможно без осмысления истории взаимодействия жителей соседних государств, на протяжении десятилетий являвшихся республиками СССР. Именно таков случай границы между Республикой Литва и Калининградской областью РФ, один из пропускных пунктов через которую находится в черте г. Советска. Жизнь на неустойчивой границе, изменявшей свои географическое положение, статус и характер, оказывает непосредственное влияние на жизненные стратегии и практики горожан: трансформируется порядок посещения тех или иных городских локусов, появляется целый ряд «приграничных» профессий, вырабатываются практики «регионавтики» — постоянного трансграничного перемещения с целью получения выгоды от различий территорий по обе стороны границы, появляются лазейки, позволяющие осуществлять такие перемещения с минимальными затратами ресурсов. Представленное исследование основано на нарративах советчан, содержащих воспоминания о советском и постсоветском прошлом города. В статье представлены результаты полевой работы, проведенной в рамках проекта «Народная история России», поддержанного Фондом президентских грантов.

Ключевые слова: исследование пограничья, «регионавт», городская антропология, Советск, Калининградская область

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20-1-036197)

A VIEW ON THE EU: BORDER PRACTICES IN SOVETSK

Daria A. Radchenko ^[1]

✉ DARRADCHENKO@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-9298-7783

^[1] RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

RADCHENKO, D. (2021). A VIEW ON THE EU: BORDER PRACTICES IN SOVETSK. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY, IV(1)*, 14–39. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-14-39. (In Russian).

Studying of post-Soviet borderlands is virtually impossible without reflection on the history of interaction between citizens of neighboring countries that both used to be Soviet republics for decades. A perfect example of such borders is the border between Lithuania and Russia's Kaliningrad region; one of its checkpoints is situated in the town on Sovetsk. Life on an unstable border that used to change its location, status and character directly affects the life strategies and practices of the townspeople: attendance of certain town loci is transformed, a whole range of

Илл. 1. Мост Королевы Луизы, место пересечения государственной границы.
Фото: Дарья Радченко

“border” occupations emerges, the rules of “regionautics” — constant transborder travel making use and profit of various territories both sides of the border — are formulated, and loopholes allowing to conduct such travel with minimal costs emerge. This research is based on the narratives of the townspeople of Sovetsk dwelling on the memories of both Soviet and post-Soviet past of the town. This article presents the outcomes of the fieldwork conducted within the project “The People’s History of Russia” supported by the Presidential Grants Foundation.

Keywords: border studies, regionaut, urban anthropology, Sovetsk, Kaliningrad Region

На открытках, изображающих довоенный Тильзит или послевоенный Советск, чаще всего встречается его наиболее известный архитектурный памятник — мост Королевы Луизы, переброшенный через реку Неман и соединяющий Калининградскую область Российской Федерации с Таурагским уездом Республики Литва (Илл. 1). Он является не только главным узлом городской жизни, но и важным символом, метафорически отражающим ключевые проблемы локальной идентичности и культурной памяти. Мост, по выражению жительницы города, “соединяет нас с другой стороной, соединяет нас с прошлым. Такой мост, который перекинут в прошлое. Мост много значит»¹.

Процитированное высказывание емко характеризует идентичность постсоветского города, существующего одновременно в двух измерениях пограничности. С одной стороны, это город, который живет в инфраструктуре, созданной в прошлом людьми, не имеющими с современными советчанами ничего общего; нижние границы обыденной памяти города заканчиваются массовым переселением сюда советских граждан в 1945–1947 годы, а

¹ ШАИ — ж., 1970, музейный работник, активист. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

Илл. 2. Интервью с Э. Б. Мачехиной проводит Анна Козлова. Фото: Юлия Вакс

Илл. 3. Улица Ленина и памятник тильзитскому трамваю. Фото: Дарья Радченко

историческая (хотя и «чужая») память простирается вплоть до средневековья. Характерный пример работы с памятью в городе — трамвай-памятник на улице Ленина, увековечивающий знаменитый тильзитский трамвай, существование которого прекратилось за несколько месяцев до взятия города советскими войсками (Илл. 3). С другой, на протяжении своей истории город не раз менял государственную и территориальную принадлежность: по Неману проходили границы между регионами одной страны, между странами, а иногда эта граница и вовсе становилась невидимой или сдвигалась относительно города на несколько километров.

При этом граница, на который ныне расположен Советск, отличается от многих государственных границ. С территорией по другую сторону Немана Советск разделяет общее прошлое и общую повседневность [см. Бредникова 2008]; соседнее государство не вполне «чужое», оно тесно связано с Советском торговыми сетями, социальными связями и узами памяти. Ситуация, характерная для границ между бывшими советскими республиками, усиливается здесь территориальной близостью: между Советском и ближайшим зарубежным городом нет обширной полосы незаселенной земли². Жизнь на границе накладывает своеобразный отпечаток не только на повседневность, но и на историческую память города.

Подвижная и проницаемая

Как уже было замечено выше, граница, на которой расположен Советск, и характер проживающего в городе населения неоднократно менялись на протяжении последних ста лет. Территория, на которой расположен Советск (до 1946 года — Тильзит), входит в состав исторической области Малая Литва (Восточная Пруссия). Современная граница Калининградской области, в непосредственной близости от которой расположен город, до определенной степени является продуктом Версальского договора 1919 года. Согласно ему, немецкоговорящие территории Восточной Пруссии отошли к Германии, литовскоговорящие — к Литве, а Клайпедский край, или Мемельланд (в том числе Тильзит) был выделен в автономную территорию под управлением французской администрации. Граница была проведена по р. Неман, причем правобережная часть города была выделена в пригород под названием Убермемель. В 1923 году после Мемельского восстания край вошел в состав Литвы, и в этот период Убермемель приобретает современное название — Панемуне. В 1939 году Мемельланд был аннексирован Германией, после чего Тильзит временно утратил свой пограничный статус, а Убермемель опять стал частью Тильзита. В этот период множество литовцев покинули город, и он приобрел более выраженный немецкий характер.

После взятия Тильзита в 1945 году советскими войсками Клайпедский край вошел в состав СССР как часть Литовской ССР, а граница между анклавной Калининградской областью и Литовской ССР была проведена по Неману. Тильзит был переименован в Советск, а Панемуне приобрел статус самостоятельного населенного пункта (с 1968 года — поселок городского типа). При этом небольшой отрезок Базарной улицы на правом, литовском, берегу Немана все еще относился к территории Советска.

После распада СССР граница между республиками стала государственной границей, причем была проведена по фарватеру р. Неман (Илл. 4). Советск

² Аналогичная ситуация наблюдается на границе Ивангород — Нарва, где российский и эстонский города разделяют лишь река и пограничный пункт на мосту.

окончательно утратил контроль над правобережными территориями и превратился в приграничный город. В 2004 году Литва стала членом Евросоюза, что привело к существенному ужесточению правил по пересечению границы. Хотя положение границы в пространстве не изменилось, она стала менее проницаемой — и потому более заметной.

Эта ситуация довольно типична и хорошо отражена в рамках *border studies*. Во-первых, граница всегда неустойчива, склонна к изменчивости во времени — и поэтому должна описываться как процесс, а не как объект. Во-вторых, она не является непреодолимым препятствием для мобильности [Alvarez 2012, Troschenko 2016]. Приграничное население и находящиеся в его распоряжении объекты пересекают ее регулярно: легально, нелегально, полулегально, причем для жителей пограничья нередко вводятся облегченные (по сравнению с остальным населением) правила пересечения границы. Люди и вещи, находящиеся по обе стороны границы постоянно взаимодействуют между собой. Это наблюдение привело исследователей к формированию концепции «пористой» границы (в противоположность представлению о ней как о замкнутом и слабо проницаемом контуре), и понятию «трансграничного / кросс-границного гражданства»: «Границы также могут простираются порой далеко вглубь стран, которые они разделяют, образуя пограничную область, которая включает население, проживающее вдоль рубежа» — территорию, на которой действуют акторы, получающие прибыль непосредственно от трансграничных товарных потоков [Холцленер 2009]. Поэтому изучение практик приграничного населения требует проведения работы по обе стороны границы [Alvarez 1995].

Как замечает Карлос Дуарте-Эррера, приграничную территорию можно описать при помощи нескольких понятий: как регион (исторически сложившуюся политико-экономическая область), культурную область (территорию, где людей объединяет общая культура, причем границы — а точнее, фронтиры — такой территории могут пролегать по обе стороны и поперек государственной границы), или как «гиперпространство» (*hyperspace*) [Duarte-Herrera 2001]. Последнее определяется как сумма географических мест (иногда удаленных друг от друга и от официальной границы), в которых живут сообщества, пересекающие границы и переопределяющие фронтиры. Гиперпространство/гиперреальность границы создается дискурсами и практиками вовлеченных в нее социальных акторов, причем для каждой группы последних она может иметь различный смысл [Duarte-Herrera 2001]. Эти отношения, кроме того, локально специфичны и зависят от исторического, культурного и экономического контекста: например, замечает Ольга Вендина, «Отношение к границе у жителей Забайкальска принципиально иное, чем в городах Крыма или Троицке: она рассматривается как источник доходов и основное место приложения труда» [Вендина 2019: 50].

Граница в Советске также не означала (и не означает) непреодолимого препятствия. Мы предлагаем взглянуть на нее как на способ связи, элемент сети взаимоотношений, пространство практик. В статье мы обсудим нарративы горожан о трансформирующихся во времени практиках жизни на неустойчивой границе, о повседневных взаимодействиях с ней во всех ее проявлениях — от условной демаркации на карте до специфической пограничной инфраструктуры: ограждений, шлагбаумов, контрольно-пропускных пунктов и таможенных постов, систем слежения и контроля, правил и документов, регулирующих пересечение границы, магазинов беспошлинной торговли, сотрудников постов и т. д.

Поле во время пандемии

Исследование проходило в рамках проекта «Народная история России»³, который ведется в МВШСЭН с 2018 года. Целью проекта является сбор вернакулярных исторических текстов о городах и их картографирование [Петров и др. 2019], а задача этапа, который осуществлялся в 2020–2021 годы, заключалась в работе с пограничными областями России. Советск был выбран в качестве поля как один из ряда городов, расположенных в непосредственной близости от государственной границы⁴. Сбор данных методами интервьюирования и включенного наблюдения проходил во время краткой экспедиции в Советск в сентябре 2020 года⁵. Период проведения интервью стал причиной двух особенностей материалов, которые нам удалось собрать.

Во-первых, из-за небольшого срока экспедиции интервью проходили прежде всего с людьми, которые работают с прошлым города, как советским, так и досоветским, и заинтересованы в посвященных ему проектах. В том числе среди них были старожилы⁶ и люди старшего возраста, участвующие в мероприятиях городской библиотеки, краеведы, работники сферы культуры, журналисты, коллекционеры и т. д.⁷ В результате во многих интервью в центре разговора оказались не частные, «семейные» истории, а историко-краеведческие нарративы, посвященные «досоветскому» прошлому Советска.

Во-вторых, наши встречи с советчанами проходили в очень специфический период. Из-за пандемии COVID-19 в первой половине года в области соблюдался локдаун, к моменту нашего приезда свобода передвижения по стране была восстановлена, но граница с Евросоюзом все еще оставалась закрытой (кроме перемещения товаров). Это сильно изменило повседневную жизнь города: отсутствовали очереди перед въездом на мост Королевы Луизы, площадь перед таможней пустовала, был закрыт магазин Duty Free, а жители чувствовали себя в непривычной ситуации тотальной непроницаемости границы. Поэтому вопросы о жизни в пограничье задавались в прошедшем времени, что, безусловно, повлияло на характер нарративов. Вместе с тем эта особенность позволила нам эксплицировать чувство тревоги и даже клаустрофобии, возникающее в анклав в условиях закрытых границ и ограниченных возможностей перемещения даже внутри страны.

Как правило, беседы с участниками исследования проводились в формате полуструктурированного интервью. Но многие наши собеседники изъявляли желание показать нам город и его наиболее значимые места, поэтому часть интервью была проведена в формате go-along (и даже drive-along, когда такая импровизированная экскурсия осуществлялась на автомобиле). Поэтому интервью проводились в самых разных местах города: в квартирах наших собеседников, на улицах и в парках города, в библиотеке, в кафе, а также в иных местах, связанных с повседневностью участников исследования: офисе, музыкальной студии, костеле, штаб-квартире

³ <https://pastandnow.ru/opisanie-proekta>

⁴ Кроме Советска, на этом этапе осуществлялся сбор материала в Печорах (Псковская область), Сортавале (Республика Карелия), Выборге (Ленинградская область), Новозыбкове (Брянская область) и др.; материалы исследований представлены в текущем номере журнала и планируются к публикации в следующем.

⁵ Состав экспедиции: Дарья Радченко, Анна Козлова, Юлия Вакс.

⁶ Понятие «старожила» очень важно для городской идентичности Советска. В настоящее время под старожилами понимаются не только «переселенцы» — жители города, переселившиеся в него сразу после окончания войны и в процессе или после выселения немцев (или родившиеся в нем в послевоенный период), но и люди, которые прожили в Советске несколько десятков лет.

⁷ В анонимизированном перечне информантов мы указываем основные сведения о наших собеседниках, которые, как кажется, определяют границы опыта жизни в городе: пол, год рождения, род занятий и длительность проживания в Советске, наличие опыта жизни в других городах.

мотоклуба. Помимо записи интервью, мы фиксировали при помощи фотосъемки городские ландшафты и объекты, места проведения интервью, городские практики, а также документы и фотографии, которые предлагали нашему вниманию собеседники. Эти материалы в исследовании носят вспомогательный и иллюстративный характер.

Город на прозрачной границе

Особенностью пограничья в Советске является его всеобъемлющий характер. Калининградская область является анклавом; на практике это означает, что из любой ее точки расстояние до ближайшего погранпункта на границе со страной Евросоюза (Литвой или Польшей) составляет менее часа езды на машине. После распада СССР население Калининградской области, и раньше ощущавшее свою обособленность от РСФСР, стало транслировать представление о том, что область, с одной стороны, является фронтирной территорией, а с другой — своего рода островом, оторванным от «материка»⁸, как в обиходе иногда называют остальную территорию Российской Федерации. Литва и Польша чаще посещаются жителями области, а потому оказываются для них ближе и в некотором смысле понятнее, чем «материк».

Да, говорят — Калининградская область в центре Европы. Ну, мы действительно в центре Европы, хотим мы этого или не хотим, но так оно есть. <...> Но у нас, мы в кольце находимся. Вот эта замкнутость... <...> Особенно сейчас, особенно вот этот год, вот эта пандемия — все, мы закрыты⁹.

При этом непосредственное соседство с Литвой делает Советск не просто одним из городов приграничья, а городом сплошной пограничной зоны — если не в официальном смысле, то в ощущении жителей. С точки зрения советчан, определяющим для характера города во многом является тот факт, что другое государство (в этом случае — Литва) находится буквально в пешей доступности.

Можете от центра дойти до, грубо говоря, до Литвы за 15–10 минут. Еще чем привлекает город, что очень быстро мы можем оказаться в Литве¹⁰.

Но один раз мне с утра написал друг: «Я давно не дышал европейским воздухом. Как ты смотришь на то, чтобы пойти пешком в Пагегай?» Это 10 километров отсюда. Я говорю: «Пошли». Мы собрались с утра, он зашел за мной, мы пошли до границы¹¹.

Некоторые из жителей города отмечают, что именно это обстоятельство стало причиной выбора города в качестве места жительства — либо потому, что близость «к Европе» упрощает трансграничные перемещения, либо потому, что в Литве у них есть те или иные связи и обязательства: семейные, дружеские, деловые.

Это в буквальном смысле прозрачная граница, позволяющая «оптически пересечь» ее [Troschenko 2016]: «А я жила на десятом этаже, и мы с балкона с

⁸ Такая ситуация довольно типична для городов пограничья, которые являются удаленными от столицы или крупных городов [Бредникова 2008], но в Калининградской области она усугубляется географической оторванностью от основного пространства страны: поездка за пределы области на автомобиле или поездом подразумевает необходимость пересечения двух государственных границ.

⁹ МКЛ — представители мотоклуба «Легион», м., 40–50 лет, уроженцы Советска. Собиратель: Дарья Радченко.

¹⁰ КАС — м., архитектор. Переехал в Советск в 2010-е годы. Собиратели: Дарья Радченко, Анна Козлова.

¹¹ ЖДП — ж., 2003, школьница, экскурсовод-любитель. Уроженка Советска. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

Илл. 4. Река Неман: прозрачная граница. Фото: Дарья Радченко

Илл. 5. Музей военной техники. Фото: Дарья Радченко

папой считали ветряки на литовской стороне»¹². Эта прозрачность границы, ее визуальная проницаемость в обе стороны вызывает двойственные чувства. С одной стороны, городские властные акторы периодически производят (или пытаются произвести) визуальные маркеры, обозначающие «российскость» этой территории таким образом, чтобы эти маркеры были видимы с противоположного берега Немана — в некотором роде создать символический барьер, защищающий «свое» от «чужого». Это может быть установка памятной таблички о взятии Тильзита (на литовской стороне моста Королевы Луизы), огромный флаг на набережной или предложение раскрасить в цвета государственного флага РФ три девятиэтажки, хорошо видные с литовской стороны в момент пересечения моста¹³. С другой, эти визуальные маркеры нередко встречают отторжение у горожан. Так, негативные отзывы звучат в адрес еще одного начинания — музея военной техники под открытым небом на ул. Дружбы, созданного в мае 2014 года (Илл. 5). Одна из основных претензий сводится к тому, что стволы стоящей почти на границе¹⁴ военной техники направлены в сторону Литвы — а значит, выражают внешнюю агрессию России и разрушают доверие, от которого так много зависит в пограничье. В отличие от многих других приграничных зон [Вендина 2019] близость границы не воспринимается советчанами как источник опасности, и эта демонстрация военного потенциала кажется многим горожанам не вполне уместной.

Кто первый раз посещает Советск, особенно иностранцы, кто въезжает со стороны Литвы, только пересекли границу — и на тебе, сразу танки и тут все... самолеты, пушками все направлено на Евросоюз. То есть так милитаризовано как-то¹⁵.

Однако консенсуса по этому вопросу нет: часть жителей относится к экспозиции вполне позитивно.

На протяжении многих лет положение приграничной территории оставалось неустойчивым. В течение длительного периода советчане жили в ожидании если не войны, то возможности обратного переселения («Тогда все ждали, что вот — нас сейчас отсюда выгонят. Вот завтра нас отсюда уберут — да пошло бы это все на фиг!»¹⁶), из-за чего Советск воспринимался частью горожан как временное место жительства (ср. [Манюк 2019]).

Эта неустойчивость, достаточно характерная для ряда пограничных территорий (ср. в Гаграх «Сегодняшнее пограничное состояние ("мы находимся в состоянии ни мира и ни войны"; "мы в состоянии войны, вдруг что...", — говорят местные жители» [Ткач 2010]), особенно ярко проявилась в начале 1990-х годов, в период турбулентности границ. Условия существования границы постоянно меняются, и жители города фиксируют эти изменения правил игры. Например, многим бросился в глаза порядок перехода от общего государства к разделению в 1990-е годы: инициатива по установке «таких вагончиков, якобы что-то вроде таможни»¹⁷ литовцами при первых

¹² ЖДП.

¹³ АЕН — ж., 1979, дизайнер. Переехала в Советск в 2010-е годы. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

¹⁴ Ул. Дружбы перпендикулярна набережной Немана и выходит на нее; размещенные на ней объекты, таким образом, могут быть видны с противоположного берега.

¹⁵ ВИБ — м., 1970, журналист. Переехал в Советск ребенком. Собиратели: Дарья Радченко, Юлия Вакс. Запись 12 сентября 2020.

¹⁶ МКА.

¹⁷ ЖАБ — м., 1956, художник, краевед. Переехал в Советск в 1989 году из Азербайджана. Собиратель: Дарья Радченко.

признаках распада Союза, установка БТР российскими войсками на литовской стороне, перемещение границы по мосту (на разных этапах демаркационная линия проходила то по одному из берегов, то посередине моста), изменение порядка пересечения границы:

Тут несколько этапов было. Тут сначала был российский паспорт. Потом российский паспорт, в него ставили отметку. Потом в российский паспорт с вкладышем. То есть был специальный вкладыш такой, там как портянка, если ты часто ездишь в Литву, то есть, ну, ты даже паспортов не напасешься. Потом уже как бы вот уже загранпаспорта, потом какой-то там, по-моему, вкладыш. Я уже не помню, был или не был загранпаспорт. Наверное, не был¹⁸.

В то же время Литва и ее население не воспринимаются как «чужие», в том числе и потому, что в Советске и вокруг него проживает множество литовцев и смешанных семей. Это как коренное население Малой Литвы, так и потомки людей, которые в советский период вынуждены были поселиться за пределами республики: репрессированные литовцы, не имея права прописаться в Литве, селились максимально близко к ней, в том числе в Советске. Некоторые в этих условиях сохраняли свою идентичность, другие стремились интегрироваться в преимущественно русскоязычную среду выходцев из РСФСР, УССР, БССР — например, некоторые литовцы давали детям русские имена, меняли фамилии или отчества; существуют семьи, в которых у одного ребенка русское отчество, а у другого — литовское. Кроме того, немногочисленное оставшееся в регионе немецкое население в целях безопасности иногда микрировалось под литовцев, принимая соответствующие фамилии.

Я знаю семьи, в которых у мамы, допустим, литовское гражданство, у папы — русское, российское. Ребенок с российским гражданством¹⁹.

И даже что некоторые немцы оставались, брали литовские фамилии. Ну тут же как бы все было ну, Литва, Россия — это ж все СССР было. И где-то там на хуторах брали литовские фамилии, оставались здесь жить как литовцы уже. Ну, немного, конечно, но какая-то часть оставалась²⁰.

Члены семей, в результате репрессий или миграций поселившиеся по разные стороны Немана, обеспечивали и обеспечивают существенный трансграничный поток; в настоящее время многие из них имеют двойное или литовское гражданство. После распада Союза литовское правительство стимулировало литовцев Калининградской области к возвращению к национальным корням — а потом и в страну — путем языковых курсов, программ поддержки, религиозной деятельности и т. п.

Благодаря наличию тесных связей, в том числе семейных, внутри города, межэтнические отношения воспринимаются как максимально спокойные. Кроме того, наши собеседники отмечали «литовскость» пограничных территорий вокруг Советска, выраженную в особом характере местного населения²¹.

В городе никаких националистических, вот, никогда не было, потому что тут само по себе население смешанное. У всех, чуть ли не через одного, родственники в

¹⁸ ТСВ — м., 1974, предприниматель. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

¹⁹ АЕН — ж., 1979. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

²⁰ КС — м., 1973, художник. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

²¹ Даже на уровне архитектуры оказывается, что часть зданий Советска построена по литовскому проекту — типовому проекту, разработанному в Литве.

Илл. 6. Здание ложи «К трем патриархам», в настоящее время — Центр развития творчества. Фото: Дарья Радченко

Илл. 7. Скульптура «Лось». Фото: Дарья Радченко

той же самой Литве, очень большая диаспора литовская в городе. Тут и поляки, и литовцы, и белорусы живут. Многонациональный, как говорится, народ, и... Я не видел никогда никаких проявлений, жили и жили²².

У нас, в отличие от наших соседей по ту сторону Немана, у нас очень терпимый город²³.

При этом в постсоветских меморатах (особенно — хотя не исключительно — связанных с периодом борьбы Литвы за независимость) нередко встречается устойчивый мотив некомфортного ощущения отчужденности, игнорирования и неприязни со стороны литовцев при посещении литовского берега: будь то поездки за покупками или с рекреационными целями. При этом наши собеседники практически не сталкивались с собственно враждебными действиями, но на эмоциональном уровне часто ощущают, что литовскоговорящая среда их отторгает. Это переживание, по-видимому, является результатом нереализованного ожидания: именно потому, что литовцы не ощущаются советчанами как в полной мере «иностранцы», их нейтральное или тем более неприязненное отношение замечается и оказывается болезненным.

А когда наши приезжали за продуктами в те же самые литовские магазины — ну, как-то не особо хотели продавать, ну, хотя и продавали. <...> Но делали вид, как будто не понимают ничего по-русски²⁴.

Ну, на пляж ходили. Я два раза тонула. Я почему вот... теперь всю жизнь боюсь плавать, воды боюсь. А литовочки стоят такие... рядом вот стоят женщины, между собой беседуют; им вот посуда, а я-то <...> ребенок, я вся туда с головой. Как это вот я еще... ноготками так зацепилась... «Тетеньки, спасите!» Они, главное, видят, что я тону... и отвернулись²⁵.

Это ощущение особенно ярко актуализировалось в период распада СССР и установления государственной границы на месте слабо рефлекслируемой границы между союзными республиками.

Если мы ездили туда за продуктами, потом мы перестали ездить. Стало просто опасно ездить. [Почему опасно?] А так это, знаете, мы чувствовали отношение литовцев к нам. Если не открыто враждебное, то такое довольно-таки недоброжелательное. Если спросишь улицу там возле Вильнюса тогда, то обязательно укажут в противоположную сторону или куда-нибудь вообще в Тмутаракань²⁶.

Да, мы с подружкой, помню, поехали на эту гору — Рамбинас — еще когда у нас «Ракета» ходила. Сейчас я скажу, какой вам год... Где-то, наверное, [19]90-й год. Мы с ней приехали туда, а там все на литовском. Человека три только выгрузилось с «Ракеты». Раньше, знаете, на эту гору на День молодежи столько народу! А тут только три, из них только... и мы две, две такие дурынды приехали <...> вот это вот у них национализм такой вообще: они песни поют на литовском, флаги развеваются у них там. О, вот я струхнула серьезно²⁷.

²² ВИВ.

²³ ЕВА — м., 1973, журналист. Переехал в Советск в 2016 году. Собиратель: Дарья Радченко.

²⁴ ВИВ.

²⁵ БЗС — ж., 1946, пенсионерка. Приехала в Советск ребенком после войны. Собиратель: Дарья Радченко.

²⁶ СВТ — ж., 1941/43, пенсионерка. Переехала в Советск с родителями в 1946 году из Смоленской области. Собиратель: Юлия Вакс.

²⁷ ЛНБ — ж., 1979, сотрудник библиотеки. Уроженка Советска. Собиратель: Дарья Радченко.

Спустя 30 лет после распада СССР о современной границе в Советске говорят как о «домашней», «соседской». После создания Евросоюза пограничные институты, например, в Нарве стали форпостом не просто страны, но и всей европейской территории [Martinez 2020]. Однако в нашем случае граница ощущается скорее как граница с Литвой (в некотором смысле «своей» и понятной), а не с Европейским союзом в целом.

О последнем вспоминают только в контексте получения шенгенской визы и сложностей с перемещением по ней: услугами литовского консульства в Советске нередко пользуются для ускорения этой процедуры (в том числе и потому, что в небольшом городе со служащими консульства завязываются неформальные связи), но затем люди склонны игнорировать требование «первого въезда» или проведения основного времени на территории страны, выдавшей визу. Таким образом, «соседская» граница оказывается не столько барьером, сколько лазейкой, ведущей к более отдаленным территориям.

А здесь консульство литовское. Если не закроют сейчас, оно есть пока. Конечно, легче здесь. Здесь мы уже знаем всех²⁸.

ПРАГМАТИЧНОЕ СОСЕДСТВО

Люди, которые живут в пограничье и осваивают его при помощи постоянных перемещений, вырабатывают определенную культуру и навыки, становятся «регионавтами», умеющими использовать миры по обе стороны границы [O'Dell 2003: 31], на основании локального знания, проистекающего из «близости к границе, общей истории, культуры и языка» [Ruotsala 2009]. Как отмечает шведский антрополог Орвар Лёфгрэн, «Регионавты перемещаются и в физическом, и в ментальном пространствах региона, исследуя всевозможные различия — от правовой системы до условий рынка. Этот тип низового конструирования региона нередко противоречит намерениям политиков и стратегов и может включать творческие изменения существующих условий: игры с правилами и поиски обходных путей» [Lofgren 2008]. Кеес Терлоу называет это же явление «серферами границы» — людьми, чья повседневность разворачивается по обе ее стороны [Terlouw 2012].

Очень много людей, которые живут на несколько государств у нас. То есть на Литву. В Советске, как правило, Литва это. И это не только люди, которые, как-то исторически сложилось, что они тут так, на два государства живут. Многие компании, которые кормят город — это, например, «Вичюнай», раньше это был лакокрасочный завод — они предпочитают, чтобы административные должности занимали литовцы. Все иностранные компании любят, чтобы литовцы были во главе. И они, потому что, им оплачивают дорогу, они на выходные уезжают домой обратно²⁹.

В полной мере «регионавтами» в Советске можно назвать только часть населения, однако практики «регионавигации» характерны в той или иной степени для большинства. В результате сложилась определенная идентичность «людей пограничья» [Alvarez 1995], в которой «своими»/«соседями» называются в том числе жители зарубежных поселений невдалеке от границы.

²⁸ ДСВ — ж., 1963, культурный работник. Переехала в Советск в советский период. Собиратель: Анна Козлова.

²⁹ ЖДП.

Мы как-то ездили на концерт Стинга в Каунасе, и там, в общем, с парковкой была беда. «...» И мы поворачиваем и спрашиваем этого человека, который за эту парковку ответственный. Папа начинает с ним говорить, он говорит: ну вот, мы опоздали, так и так. Он говорит: «А вы откуда?». Ну, номера русские увидел. Мы говорим: «Из Советска». — «Так я из Таураге, мы соседи — проезжайте!» И он открыл дорогу, мы заехали³⁰.

Это ощущение соседства сложилось в результате длительной истории взаимодействия. В советский период жители РСФСР и Литовской ССР постоянно ездили в соседние регионы для реализации самых разных повседневных задач — в основном, для покрытия товарных и сервисных дефицитов. Так, Калининградская область была самым атеистическим регионом СССР, в ее границах были разрушены или закрыты все культовые объекты. Жители Советска в этом смысле оказались в привилегированном положении: как католики, так и православные могли посещать службы или отправлять требы (например, крестить детей — именно так были крещены некоторые из наших собеседников) на территории Литвы (см. также [Шишаченко 2020]). Еще одним ресурсом, создававшим потоки «регионавтов», было образование. Русскоязычные семьи, жившие в Литве (например, в военном городке в Пагегяе), отправляли детей в школы Советска — СВТ вспоминает, как для этих целей был организован автобус. В свою очередь, литовцы старались обеспечить своим детям школьное обучение на литовском языке. По воспоминаниям ШАИ, репрессированные литовцы, которым было запрещено возвращаться на родину, селились в Советске, потому что это ближайший город к границе, и в результате имели возможность как ездить в Литву самим, так и записывать детей в школы ближайших литовских городов — Панемуне и Пагегяе.

Наконец, как и для многих других приграничных территорий, для Советска характерен длительный и интенсивный обмен товарами с соседней страной. Он зависит от многих факторов: если в советский период он был связан с системой плановой экономики и распределения товаров (например, по рассказам советчан, литовцы покупали в Советске лекарства и промтовары — от инструментов до мотоциклов, а советчане ездили в Литву за продовольственными товарами), то в постсоветский — со стоимостью товаров и обменным курсом валют (в этот период поток пошел в основном в сторону Литвы, перевоза сахар, сигареты, бензин и т. д.)³¹.

И в Панемуне, и в Таураге, и в Шилуте ездили. «...» Постоянно существовал дефицит, днем с огнем не найдешь копченую колбасу в магазинах и приличную коробку конфет шоколадных. В основном, старались покупать либо в Латвии, либо в Каунасе те же самые конфеты. Единственное, чего было вдоволь, это алкоголя и овощей³².

Здесь, вообще, когда Советский Союз был, все ходили, мы ходили за определенными продуктами к литовцам, литовцы к нам, за определенными. Потом началась контрабанда, [смеется]. [Так, а за чем. Расскажите, за чем ходили?] За колбасой ходили. [То есть отсюда ходили за колбасой?] Да. А к нам за сигаретами и за этим, за бензином³³.

³⁰ ЖДП.

³¹ По сообщению в газете «Гудюк» за 1998 год, «меняют соседей на калининградскую землю не только подешевевшая гастрономия, но и весьма выгодный бензиновый бизнес. Из России в Литву все автомобили отправляются с полными баками и с залитыми про запас канистрами. За рекой топливо вдвое дороже» [Заковряпин 1998].

³² ВИВ.

³³ АМА — ж., 1983, культурный работник. Пересехала в Советск в 2000-е годы. Собиратель: Дарья Рад-

Существенная часть этого товарообмена была и остается основанной не только на экономических принципах (наличии товаров и цене на них), но и на массовых представлениях о потребительских свойствах продуктов. Начиная с послевоенного периода, Литва ассоциировалась у жителей европейской части России с высокоразвитым сельским хозяйством и, соответственно, с изобилием и качеством продуктов питания. Одна из наших собеседниц рассказала, что ее мать, переселяясь в Калининградскую область сразу после войны, получила от случайного попутчика неожиданную подсказку — ехать в Советск, потому что рядом с ним находится Литва, а значит — «будете сыты»³⁴. Продовольственные товары, продававшиеся на рынках, выражали представление о литовцах как об умелых крестьянах: их продукция противопоставлялась магазинной по признаку качества, насыщенности вкусом и, по сути, аутентичности.

Я знаю, что, когда закрыли, литовцы очень жалели, потому что они сюда возили капусту литовскую. Он придет с этой бочкой, он продает вкуснейшую, все за литовской капустой [идут]. А творог, а молоко, а все это литовское, теперь все, [нету]. И дешевое было³⁵.

По рассказам целого ряда жителей города, в Литве в позднесоветский период активно покупали мясо, продукты мясопереработки (в первую очередь, колбасу), а также иные дефицитные товары. Литва также воспринималась как территория, где производятся качественные молокопродукты (колбасный сыр, сыр с тмином). Дополнительным фактором покупки становилось обслуживание — возможность выбора товара:

Да, [19]80-е, до [19]90-х почти мы ездили туда. Здесь привезут мясо, не разрешат в магазине тебе выбирать. Она вытащит, что есть, то с костями и бери, а хочется уже что-то хорошего, вкусенького, мы ездили туда³⁶.

Аналогично, советчане рассказывают, что литовцы покупали водку, выпечку, которые, как считалось, в Советске были качественнее, чем в литовских городах, а также инструменты, технику, сигареты, бензин. Тем самым в городском нарративе устанавливается отношение равенства и реципрокности обмена: не только из Советска ездили за покупками в Литву, но и из Литвы — в Советск.

Литовцы, раньше они к нам приезжали за булочками. Мы к ним — за колбасой, а они к нам — за булочками. И они сейчас всегда восхищаются: «Какие советские были булочки!». Они до сих пор вспоминают³⁷.

Этот товарообмен воспринимался как норма, хотя иногда создавал напряженность в местах торговли:

А из Литвы «...» брали, туда увозили, лекарства. Если стоишь за литовкой в очереди, то тебе долго-долго придется стоять, у нее такой список³⁸.

ченко.

³⁴ БЗС.

³⁵ МИМ — ж., 1938, пенсионерка, художница. Переехала в Советск в 1970-е годы. Собиратели: Анна Козлова, Юлия Вакс.

³⁶ НАС — ж., 1942, пенсионерка. Переехала в Советск в 1970-е годы. Собиратель: Дарья Радченко. Запись 10 сентября 2020.

³⁷ ШАИ.

³⁸ НАС.

Допустим, был период несколько лет назад, когда там, бензин — здесь дороже, там — дешевле, ну, и мост, там еще за мостом весь город на этих заправках. Как на заправку ни приедешь — вечно очередь из литовцев стоит³⁹.

Литва тем самым позиционируется в дискурсе советчан как ближайший источник объектов престижного или дополнительного потребления: «Мы туда ходили за продуктами, по сути. Полакомиться чем-то, чего у нас нет»⁴⁰; «Литва для нас служила источником удовольствия»⁴¹. При этом в нарративах горожан приграничная часть Литвы выступает как, прежде всего, сельскохозяйственная территория — в противоположность индустриализированной территории РСФСР и, в частности, Советска, а крупные города (Вильнюс, Каунас) — как источник «зарубежных» благ, особенно продуктов легкой промышленности.

Товарообмен поддерживался транспортным потоком: как регулярным сообщением, так и экскурсионными автобусами — поездками в Вильнюс или Каунас пользовались для того, чтобы купить отсутствующие в ближайших городах товары. Таким образом, рекреационные поездки превращались в ресурс для обеспечения семьи.

15 минут автобус в Пагегай, ближайший город, ходил. То есть они курсировали через каждые 15 минут <...>. [Вы часто ездили?] Конечно! Постоянно, в Пагегай, Таураге, чуть подальше, 28 километров, и вообще и другие города, экскурсионное бюро работало, можно было посетить все, что угодно⁴².

Раньше у нас здесь трудно было с продуктами, а в Литву мы ездили за мясом <...> И там мы когда в Каунас ездили, когда в Ниду ездили. В Ниду на экскурсию ездили на целый день. А то в Каунас за продуктами один раз сели, поехали в Каунас за продуктами, набрали всего, а в 5 утра выезд был туда, в 5 утра, потому что экскурсии сначала, потом уже обратно едем <...>⁴³.

Но и помимо этих поездок, нередко маскирующих потребление товаров под культурное потребление, литовская сторона Немана для советчан была важной рекреационной зоной как в советский период истории города, так и после распада СССР — она обеспечивала как праздничный досуг (например, на День молодежи традиционно осуществлялись поездки на гору Рамбинас), так и отдых на природе.

По воспоминаниям наших собеседников, на стороне Панемуне находился удобный и благоустроенный городской пляж. Причины его появления — как исторические, так и техногенные. Берег, на котором расположен Советск, выше, чем литовский, поэтому в тот период, когда Панемуне был пригородом Тильзита, на северном берегу располагался популярный среди жителей летний ресторан с видом на город. Несмотря на то что после войны ресторан был разрушен, а население полностью сменилось, после восстановления моста советчане опять стали пользоваться пляжем на Немане или на Старом Немане («Старухе») — в том числе и потому, что стоки целлюлозно-бумажного завода, по сообщениям жителей, делали купание и рыбалку на южном берегу, где располагается Советск, невозможными. Практики посещения заведений общественного питания тоже

³⁹ ТСВ.

⁴⁰ ЖДП.

⁴¹ ЛНБ.

⁴² ШАИ.

⁴³ НАС.

Илл. 8. Площадь Ленина. Фото: Дарья Радченко

Илл. 9. Католический храм Вознесения Христа — одна из «точек сборки» литовского сообщества Советска. Фото: Дарья Радченко

Илл. 10. Водонапорная башня. Фото: Дарья Радченко

восстановились: до 1990-х годов рядом с пляжем располагалась шашлычная, теперь горожане посещают в Панемуне кафе с литовской кухней.

Пляж городской был у нас на литовской стороне. <...> [Я] все детство там [провела]. <...> Все вспоминают, как там была шашлычная, это был ритуал — обязательно посетить шашлычную в Панемуне. <...> Мы там можем целый день проводить и не один раз искупаться, позагорать, назад пройти, посидеть в кафе, поесть литовскую кухню [смеется]⁴⁴.

В советский период Советск выступал своего рода культурным центром для всего региона: жители литовских сел, в частности, приезжали в город для походов в кино [Marusso 2014]. В свою очередь, города Литвы — Каунас, Таураге и др. — служили важными досуговыми точками притяжения как во времена СССР, так и до настоящего времени.

Ну, и, естественно, когда группами, конечно, ездили, 20–23 километра, город Таураге. Там тоже постоянно были какие-то байк-фестивали, какие-то концерты. Мы тоже, естественно, туда ездили. Оттуда сюда ездили. Как-то, ну, была вот такая вот связь, было общение и т. д. <...> это, наверное, был уже две тысячи... вот, какой-то [20]11-й, [20]12-й год⁴⁵.

Мост как призвание и профессия

Товарный обмен в Советске, как и на любой границе, подразумевает, что, помимо собственно погранвойск и служащих таможенного пункта (в том числе обслуживающего персонала), в регионе существует огромное количество легальных, полуправовых и нелегальных профессий, связанных с пограничьем. Это как те, кто осуществляет физическую переброску товара, так и те, кто, не перемещаясь через границу, все же способствует этому потоку: торговцы, водители, челноки, таможенные брокеры, мелкие контрабандисты, посредники, валютчики.

Ключевым каналом легальных и нелегальных товарных потоков в течение десятилетий оставался мост Королевы Луизы, на котором расположен погранпункт. Особенно это стало заметным в 1990-е годы, когда в результате колебания цен стала выгодна перепродажа сахара: от крупных партий до мелкорозничной продажи частными лицами, и в результате в эту деятельность стало вовлечено множество людей; в обиходе мост назывался «сахарным» или «самым сладким в мире». В этот период произошла важная для города трансформация — «продуктовые» регионавты, совершавшие поездки в соседнюю республику для покупки товаров для собственного обихода, постепенно профессионализировались: некоторые — на краткий период, другие — на длительный срок.

Тут такое творилось! Полный муравейник! Вот там <...> стояли чуть ли не фуры с этим сахаром, люди сахар покупали там мешками, потом этот мешок заносили на середину моста, вход в Литву — только там, 6–5 килограмм, по-моему, был, они его на мосту, там, тасовали по пакетикам, и вот это все таким, ну, мегамуравейником. То есть зайти на границу — не знаю, там, два часа в очереди, то есть там сто человек на нашей границе, потом полный мост людей, которые чего-то переживают, потому что там литовцы то пускают, то не пускают, потом на вход в Литву, и вот туда в Литву зашел, там какие-то свои дела сделал, и потопал такой же путь

⁴⁴ ШАИ.

⁴⁵ А — м., 1981, музыкант. Собирает: Дарья Радченко.

обратно — то есть ты раз — и из Литвы в Россию тоже вот очередь из тех, кто уже отнес, там, блок сигарет, 5 килограмм сахара, какие-нибудь, там, я не знаю, куриные окорочка⁴⁶.

И вот мы там стояли, в Панемуне, и предлагали литовцам; они на машинах проезжали и покупали. «...» В непогоду идешь с этими сумками, приходишь туда и пытаешься втиснуть свой товар. Потому что там каждый... Еще ведь у нас многие цыгане этим занимаются, у нас тут хорошая диаспора цыган, и они очень ушлые, и надо успеть, чтобы тоже продать, а то так до вечера простоишь⁴⁷.

В этот же период сложились еще две «приграничные» профессии, существующие до сих пор. Первая из них — валютчики. Частный обмен валют в городе — устоявшийся бизнес с начала 1990-х годов; по отзывам горожан, многие из современных «валютчиков» ведут свое дело не первый десяток лет. В 1990-х годах они составляли существенную конкуренцию официальным банкам [Сизов 1999]. Несмотря на то что продажа и приобретение иностранной валюты с рук с 2010-х годов являются незаконными, «валютчики» продолжают работать в общественных пространствах города (хотя из-за возросших рисков и снижения дохода в результате относительной устойчивости курсовой разницы и распространения безналичного расчета их число существенно снизилось). Перечень мест, где можно таким образом обменять валюту, является общим знанием советчан. Упоминавшие о них собеседники говорили о валютчиках как о привычном, нормативном и даже необходимом элементе городского ландшафта Советска.

[Встреченные немецкие туристы] говорят: «Мы не можем найти — это было, наверное, уже часов под 9 — мы не можем найти обменник, он закрыт». Ну, официально закрыт был. А у нас есть место, где стоит куча «валютчиков». Незаконная деятельность, но тем не менее этим немцам она помогла, потому что в 9 часов нигде больше они не могли обменять евро, а там им для чего-то нужно конкретно было...⁴⁸

Второй тип деятельности, связанной с границей, является, во-первых, легальным, во-вторых, гораздо более диверсифицированным: это торговля секонд-хендом, осуществляющаяся в городе с 1990-х годов. Сам этот вид товара, а вслед за ним и места его продажи, в разговорной речи жителей Калининградской области обычно обозначаются как «гумка» (от словосочетания «гуманитарная помощь» — именно с продажи этого вида ресурса, в принципе к продаже не предназначавшегося, в области и начался этот бизнес). «Гумка» может представлять собой как довольно качественную новую одежду или предметы быта, так и товары блошиного рынка или недорогого антиквариата (*Илл. 11*). Поэтому отношение к ней в городе двоякое: с одной стороны, покупка бывших в употреблении вещей воспринимается как унижительное проявление бедности, с другой — как своего рода «потребительский аттракцион», свидетельство «близости к Европе».

В условиях «размытой» границы оказывается, что границы между контрабандой и «мелким бизнесом» по перепродаже товаров в объемах, допускаемых таможенным законодательством, также размыты. Провоз контрабанды может быть способом бросить вызов контролю государства [Ruotsala 2009] или результатом неформальных договоренностей между агентами

⁴⁶ ТСВ.

⁴⁷ ЛНБ.

⁴⁸ ЖДП.

торговли и пограничными или таможенными службами [Troschenko 2016]. В нашем массиве интервью текстов о «серьезной» контрабанде — оружия, наркотиков, янтаря — или контрабанде в особо крупных размерах нет: может быть, из-за того, что наши собеседники не обладали соответствующими знаниями или уровнем доверия к нам. В основном, горожане транслируют забавные истории о мелкой контрабанде или способах неформального пересечения границы, которая осуществляется за счет закрывания глаз соответствующих служб на нарушения предписаний из-за локальных связей. Как пишет в 1991 году «Российская газета»: «Рядом останавливается рейсовый автобус Советск — Пагегай, пассажиры, позевывая, смотрят на таможенников, которые покуривают в сторонке. Никому нет дела до содержимого “российских” сумок: если сумели уговорить продавцов в Литве отпустить вам кусочек окорока да коробку конфет — ради бога» [Буйда 1991]. Мост и персонал погранслужб становятся элементами «васкулярной геополитики» [Dunn 2020], в которой пропускные пункты, с одной стороны, контролируют потоки людей и товаров, а с другой — становятся проявлением «не только власти, но и сопротивления, уклонения, обхода и манипуляции, делая контроль любого государства над потоком неизбежно ограниченным» [Dunn 2020: 2]. Мелкая контрабанда, в том числе профессиональная, часто проходит по этим сосудам без ограничений [Grygar 2009].

Нарративы о мелкой контрабанде служат цели ее нормализации. В рассказах жителей постсоветская история города предстает легендой о повседневности контрабанды («контрабаса»), к которому так или иначе причастны все: те, кто непосредственно осуществляет перевозку нелегального товара, те, кто его контролирует, члены их семей.

Сигареты — бизнес контрабандный, спирт тогда вывозили, конечно. Как же, город у границы, чем живет — контрабандой⁴⁹.

В Duty Free заходишь на литовской стороне — там ходят разные люди, как правило, это женщины тучной формы тела. И что они делают? Они надевают юбки в пол, такие мешковатые какие-то кофты, они покупают тучу вот этих сигаретных блоков и скотчем вокруг себя обматывают «...» Вот этот пояс Шахерезады они себе творят вокруг, и сотрудники Duty Free просто — ну, для них это обычное дело — они сидят, они даже им скотч этот дают, грубо говоря — им-то это выгодно, они сколько сигарет купили. И они, обмотавшись, вплоть до того, что у них на ногах вот это все — идут через границу. И как бы пограничники, в принципе, знают, но надо же как-то им на жизнь зарабатывать — они к этому спокойно относятся⁵⁰.

Как отмечает антрополог Хелена Руотсала, и таможенники, и контрабандисты располагают одним и тем же ресурсом (который одновременно является и ограничителем их деятельности): локальностью, знанием местности и связями с живущими на ней людьми [Ruotsala 2009]. В результате множество погранпереходов и объектов вокруг них функционируют как единая система. На «советской» границе также есть несколько «дыр в заборе», которые связываются в маршруты: как легендарные (подземные ходы под рекой), так и вполне осязаемые.

...Там были какие-то определенные схемы. Что, не позднее, вернее, не раньше скольких-то дней, можно там, ну, раз в три дня, например, пересекать вот этот переход. Есть еще другой переход, ну это дальше. [смеется]. Вот он приезжал, сут-

⁴⁹ ШАИ.

⁵⁰ ЖДП.

ки на этом мосту отстоит, приедет, ляжет, поспит, утром встает, так, нужно на тот переход, потом на тот переход⁵¹.

Для осуществления этих маневров необходимо соблюдение формальных требований: чередование пропускных пунктов, произнесение правильных ритуальных текстов при взаимодействии с таможенниками и т. д. Правила и пространства постоянно трансформируются, и условием успешной жизни в пограничье оказывается постоянное же дообучение⁵².

Но, такая особенность, нельзя просто в [Duty Free] зайти — ты должен там где-то погулять. И сказать литовцам, что ты идешь в Duty Free — тоже может очень плохо закончиться, вплоть до того, что у тебя заберут визу. Ты что-то придумываешь там, из серии — я к родственникам в Таураге, вот такое. Нужно всегда говорить, что ты куда-нибудь далеко⁵³.

Вы должны показать загранпаспорт, пройдете до конца и как бы вот этот бордюрик — или перелезете, или обойдете, не доходя до литовского... Ну, то есть вот он идет, и вы как бы так — раз — завернете, а тут уже как бы идет литовский шлагбаум. Ну, не шлагбаум, а такой... такие ворота или что-то. Вы так обогнете это. Потому что мы так иногда в Duty Free ходим⁵⁴.

Ну, вас не пустят, только с визой. Нас пустят. [Без визы? Да?] Ну зачем вам знать? Конечно, местные как-то... Город маленький, все друг друга знают. Кому-то позвонили, кого-то спросили, у кого-то сосед работает или соседка⁵⁵.

Река сама по себе становится каналом переброски контрабандных товаров при помощи надувных плавсредств и водолазов, зимой — на санках. При этом формировались условно стабильные точки «прокола» границы, в том числе на территории города и рядом с ним: в прессе начала 2000-х в этом качестве упоминаются, например, участок у короотвала Советского ЦБЗ и бывшая танковая переправа [Шевченко 2003]; один из наших собеседников упомянул в этом же качестве территорию около водонапорной башни.

Да. Ой, там плавали. Сколько было дел заведено, уголовных. Водолазы плавали <...> Нанимали там специально мальчиков, чтобы они [смеется] все это дело⁵⁶.

Антрополог Элина Тросценко обращает внимание на то, что материальность границы реорганизует пространство вокруг нее [Troschenko 2016: 88], но, как мы видим на материале Советска, возникающие вместе с границей барьеры и ограничения оспариваются и на уровне нарративов, и на уровне практик. К моменту проведения нашей экспедиции территория на расстоянии 500 метров от р. Неман входила в пограничную зону⁵⁷. Это означает, что формально в погранзону попадают практически все жилые кварталы Советска к северу от ул. Победы и существенная часть самой ул. Победы,

⁵¹ АМА. См. также [Golunov 2017].

⁵² Заметим, что частью этих приемов преодоления границы становятся определенные физические характеристики носителя контрабанды — модели транспортных средств или тел. В прессе рассказывается про популярность автомобилей «Фольксваген пассат», бак которых легко увеличивается, чтобы транспортировать дополнительный бензин или водку (а в случае проблем с дешевой старой машиной не жаль расстаться); наша собеседница говорит о том, что для переноса объемного товара на себе нужно быть «тучным» (чтобы толщина тела не контрастировала с очертаниями лица) и одеваться особым образом. То, что в других условиях могло бы быть недостатком, на границе приобретает востребованность.

⁵³ ЖДП.

⁵⁴ ЛНБ.

⁵⁵ КС.

⁵⁶ АМА.

⁵⁷ Согласно приказу ФСБ № 277 от 9 июня 2012.

Илл. 11. «Гумка». Фото: Дарья Радченко

с вытекающими отсюда режимами пребывания приезжих, ограничениями на посещение тех или иных объектов и способы времяпрепровождения там.

А пограничная зона, считается, но если сколько метров, не соврать. У нас даже когда в «Парус» приезжают артисты из других регионов и стран, они обязаны зарегистрироваться и получить разрешение на нахождение в приграничной зоне⁵⁸.

Даже под мостом фотографировать нельзя, пограничники ругаются. Я с женой гуляли, приезжали эти парфеновские, снимали с коптером. Там такой кипиш подняли⁵⁹.

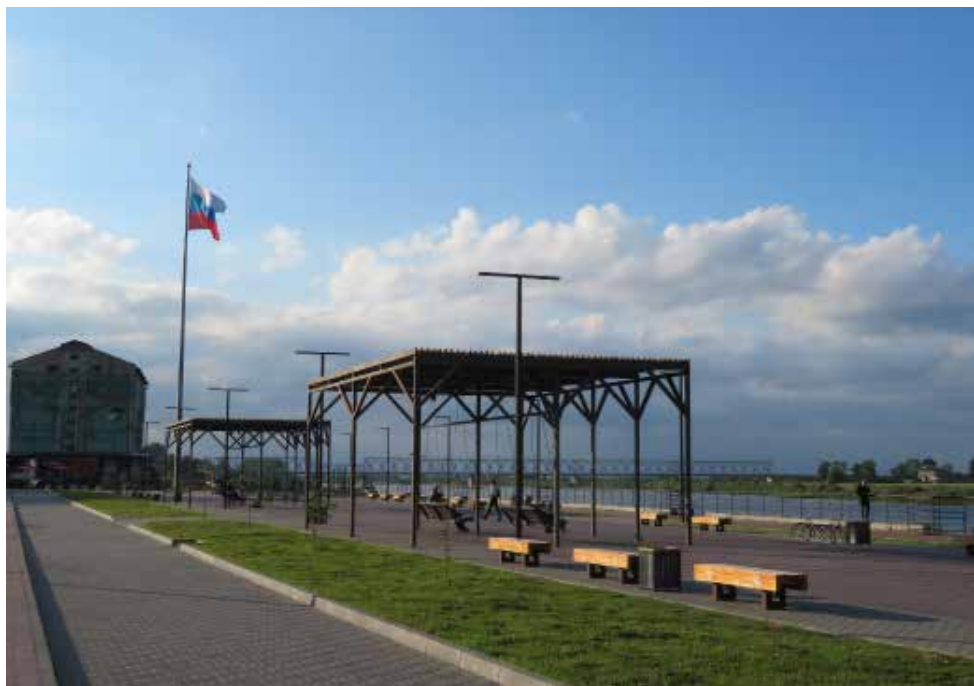
Рядом с мостом Королевы Луизы в результате появления погранпункта возникло уникальное явление. Дом по адресу Базарная площадь, 3, расположенный в непосредственной близости от моста Королевы Луизы, оказался с трех сторон окружен сооружениями таможни и отгорожен ими от остальной застройки. Детерриториализированное здание (прозванное горожанами «Дом на таможне»⁶⁰) получило особый статус: жители могли попасть домой только при предъявлении паспорта с пропиской, а приглашение гостей стало существенной проблемой.

Вместе с тем и здесь сказалась васкулярность границы. С четвертой стороны «Дом на таможне» выходит к заросшему кустарником и сорняками берегу Немана. Именно здесь, прямо под мостом, была протоптана неформальная тропа к дому, позволяющая избежать столкновения с таможенными службами. Несмотря на то что формально мост является режимным объектом, проход под ним по негласному соглашению жителей с погранслужбой остался свободным, поскольку зона у моста — еще и популярное место рыбной ловли. «Официальный» проезд строго охраняется, но вернакулярные маршруты горожан сохраняют следы того времени, когда государственной границы здесь не было.

⁵⁸ АМА.

⁵⁹ КС.

⁶⁰ Ныне расселен, ожидается снос.

Илл. 12. Флаг РФ на набережной Немана. Фото: Дарья Радченко

Илл. 13. Руины Тильзитского замка стали частью промышленного комплекса. Фото: Дарья Радченко

Сходная ситуация наблюдается и в другом районе города — около старой водонапорной башни (Илл. 10), где сохранились остатки немецких гидротехнических сооружений. Формально она оказалась на территории пограничной зоны отчуждения, о чем предупреждает обращенный к дороге знак. Это, однако, не мешает жителям посещать башню: один из наших собеседников с иронией сказал, что пограничники знают о том, что местные жители здесь бывают, но практически не патрулируют территорию и не препятствуют посещениям.

Граница является не только материальной преградой или риторическим конструктом: это институт, который оказывается, по сути, градообразующим предприятием, поскольку своим существованием создает огромное количество рабочих мест в городе. Погранзона Советска оказывается территорией сложного баланса интересов: государственные задачи по охране границы гибко сочетаются с требованиями повседневности горожан: сохранением вернакулярных маршрутов, ведением хозяйственной деятельности, отдыхом на набережной и т. д.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Граница — физическая, административная, государственная, темпоральная — не столько разделяет, сколько, в процессе своей реализации в дискурсах и практиках, переопределяет территории по обе стороны от нее. В работе «Мост и дверь» Зиммель замечает: «Вычленяя две вещи из непотревоженного естественного состояния, чтобы обозначить их как «раздельные», мы уже соотносим их друг с другом в нашем сознании. Мы дифференцировали их обе, вместе, отделив от всего, что лежало между ними. И наоборот: мы воспринимаем как связанное лишь то, что прежде некоторым образом изолировали. Чтобы впоследствии соединиться, вещи сначала должны быть отделены друг от друга» [Зиммель 2013: 145]. Для пограничных городов этот тезис как нельзя более релевантен.

Граница существует там и тогда, где и когда она осознается как таковая: для ее пересечения требуются особые усилия и выполнение предписанных норм и практик. До распада СССР пространственная граница с Литвой существовала на уровне рефлексии (за счет языковой, культурной, экономической специфики Литовской ССР по сравнению с РСФСР), но была максимально прозрачной — ее пересечение не контролировалось сверху и не требовало взаимодействия с государственной властью. После распада СССР пространственная граница постепенно закрывается: она остается проницаемой, но ее пересечение строго регламентировано, и «регионалты» постоянно изучают ее слабые места в поисках лазеек, которые позволяют извлекать выгоду из существования этого барьера.

Мы видим, как государственная, пространственная граница является границей между вернакулярным и официальным, легальным и нелегальным. Переходы между ними формируют своего рода серые зоны, статус которых размыт, воспринимается как неустойчивый или не требующий жестких мер по поддержанию определенности. Советск буквально пронизан лазейками: пространственными, правовыми, дискурсивными, по которым циркулируют товары, люди, тексты. Именно из локального знания устройства этих лазеек и складывается особая «третья культура» [Anzaldúa 1999] — культура пограничья.

Литература

- Бредникова, О. Е. (2008). Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации). Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология, 2008(4), 492–497.
- Буйда, Ю. (1991). Лайминго кяле! Доброго пути! Российская газета, 1991(14 февраля). [БД «Интегрум. Архив СМИ».]
- Вендина, О. (2019). Жить в пограничье: интерпретация проблем пограничной безопасности жителями приграничных городов России. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 2019(2), 30–69.
- Заковряшин, А. (1998). Вывозят российские товары. Гудок. 1998(24 декабря). [БД «Интегрум. Архив СМИ».]
- Зиммель, Г. (2013). Мост и дверь. Социология власти, 2013(3), 145–150.
- Манюк, Е. С. (2019). Отношение переселенцев к городской среде в бывшей Восточной Пруссии (Калининград и Клайпеда): социально-политический аспект. Время Музея: Сборник статей, 376–388. Калининград: Страж Балтики.
- Петров, Н. В., Байдуж, М. И., Матвеева, Э. Г., Петрова, Н. С., Радченко, Д. А., Рычкова, Н. Н. (2019). Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью. М.: Неолит.
- Сизов, В. (1999). Валютчик комфорт любит. Калининградская правда, 1999(2 февраля). [БД «Интегрум. Архив СМИ».]
- Ткач, О. А. (2010). Мимоза, море и мандарины, или Один год из жизни российско-абхазской границы. *Laboratorium: Журнал социальных исследований*, 2010(1), 274–283.
- Холцленер, Т. (2009). Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке. Ойкумена. Регионоведческие исследования, 3(10), 102–111.
- Шевченко, И. (2003). На краю земли калининградской. Калининградская правда, 2003(28 мая). [БД «Интегрум».]
- Шипаченко, М. А. (2020). Подпольное православие в Калининградской области (на основе интервью). Калининградские архивы, 2020(17), 140–146.
- Alvarez, R.R., Jr. (1995). The Mexican-US border: The making of an anthropology of borderlands. *Annual Review of Anthropology*, 1(1), 447–470.
- Anzaldúa, G. (1999). *Borderlands / La frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books.
- Duarte-Herrera, C. (2001). Defining the US-Mexico border as hyperreality. *Estudios Fronterizos*, 2(4), 139–165.
- Dunn, E. (2020). Warfare and warfarin: Chokepoints, clotting and vascular geopolitics. *Ethnos*, 85(1), 1–18.
- Golunov, S. (2017). Shuttle trade across Russia's borders with the Baltic states and Poland: Between tolerance and suppression. *East European Politics & Societies and Cultures*, 2017(31), 885–908.
- Grygar, J. (2009). Devushka and cigarette: Fluid migrants across the EU border. *Slovenský národopis: Časopis Ústavu etnológie Slovenskej akadémie vied*, 546–559. Bratislava: Slovak Academic Press.
- Löfgren, O. (2008). Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia. *European Urban and Regional Studies*, 2008(15), 195–209.
- Maruccia, C. (2014). *Becoming locals in a borderland of exiles. Sense of place in the stories of Lithuania Minor dwellers. Master's thesis*. Turku: University of Turku.
- O'Dell, T. (2003). Øresund and the regionauts. *European Studies: A Journal of European Culture, History and Politics*, 2003(19), 31–53.
- Ruotsala, H. (2009). From crime to cultural heritage. *Anthropological Journal of European Cultures*, 18(1), 30–49.
- Terlouw, K. (2012). Border surfers and euroregions: Unplanned cross-border behaviour and planned territorial structures of cross-border governance. *Planning Practice and Research*, 2012(27), 351–366.
- Troschenko, E. (2016). With a border fence in the backyard: Materialization of the border in the landscape and the social lives' of border people. In: T. Bringa, H. Toje (Eds.). *Eurasian borderlands. Approaches to social inequality and difference*, 129–150. New York: Palgrave Macmillan.

References

- Alvarez, R. R., Jr. (1995). The Mexican-US border: The making of an anthropology of borderlands. *Annual Review of Anthropology*, 1(1), 447–470.
- Anzaldúa, G. (1999). *Borderlands/La frontera. The New Mestiza*. San-Francisco: Aunt Lute Books.
- Brednikova, O. (2008). The borderlands as a social phenomenon (vectors of sociological conceptualization). *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2008(4), 492–497. (In Russian).
- Buyda, Yu. (1991). Laimingo kelio! Godspeed! *Rossiyskaya Gazeta*, 1991(February 14). [“Integrum” DB. News media archive.] (In Russian).
- Duarte-Herrera, C. (2001). Defining the US-Mexico border as hyperreality. *Estudios Fronterizos*, 2(4), 139–165.
- Dunn, E. (2020). Warfare and warfarin: Chokepoints, clotting and vascular geopolitics. *Ethnos*, 85(1), 1–18.
- Golunov, S. (2017). Shuttle trade across Russia’s borders with the Baltic states and Poland: Between tolerance and suppression. *East European Politics & Societies and Cultures*, 2017(31), 885–908.
- Grygar, J. (2009). Devushka and cigarette: Fluid migrants across the EU border. *Slovenský národopis: Časopis Ústavu etnológie Slovenskej akadémie vied*, 546–559. Bratislava: Slovak Academic Press.
- Holzleiner, T. (2009). Eastern porosity: An anthropology of cross-border trade and contact in the Russian Far East. *Ojkumena. Regional Researches*, 3(10), 102–111. (In Russian).
- Löfgren, O. (2008). Regionauts: The transformation of cross-border regions in Scandinavia. *European Urban and Regional Studies*, 2008(15), 195–209.
- Manyuk, E. (2019). Settlers’ attitudes to urban environment in former East Prussia (Kalininograd and Klaipėda): Social and political aspects. In *Museum times: Collected works*, 376–388. Kaliningrad: Strazh Baltiki. (In Russian).
- Marucco, C. (2014). *Becoming locals in a borderland of exiles. Sense of place in the stories of Lithuania Minor dwellers. Master’s thesis*. Turku: University of Turku.
- O’Dell, T. (2003). Øresund and the regionauts. *European Studies: A Journal of European Culture, History and Politics*, 2003(19), 31–53.
- Petrov, N., Baiduzh, M., Matveeva, E., Petrova, N., Radchenko, D., Rychkova, N. (2019). *People’s stories in digital format: Methodological recommendations for collecting and visualizing interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Ruotsala, H. (2009). From crime to cultural heritage. *Anthropological Journal of European Cultures*, 18(1), 30–49.
- Shevchenko, I. (2003). On the fringes of the lands of Kaliningrad. *Kaliningradskaya Pravda*, 2003(May 28). [“Integrum” DB. News media archive.] (In Russian).
- Shishachenko, M. (2020). Underground Orthodoxy in Kaliningrad Region (based on interviews). *Kaliningrad archives*, 2020(17), 140–146. (In Russian).
- Sizov, V. (1999). Speculators in foreign currency like it comfortable. *Kaliningradskaya Pravda*, 1999(February 2). [“Integrum” DB. News media archive.] (In Russian).
- Terlouw, K. (2012). Border surfers and euroregions: Unplanned cross-border behaviour and planned territorial structures of cross-border governance. *Planning Practice and Research*, 2012(27), 351–366.
- Tkach, O. (2010). Mimosas, beaches, mandarins, or one year in the life of the Russian-Abkhazian border. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2010(1), 274–283. (In Russian).
- Troschenko, E. (2016). With a border fence in the backyard: Materialization of the border in the landscape and the social lives’ of border people. In: T. Bringa, H. Toje (Eds.). *Eurasian borderlands. Approaches to social inequality and difference*, 129–150. New York: Palgrave Macmillan.
- Vendina, O. (2019). Living in the borderland: How residents of Russian border towns interpret security problems. *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, 2019(2), 30–69. (In Russian).
- Zakovryashin, A. (1998). Russian goods are transported abroad. *Gudok*, 1998(December 24). [“Integrum” DB. News media archive.] (In Russian).
- Zimmel, G. (2013). Bridge and door. *Sociology of Power*, 2013(3), 145–150. (In Russian).

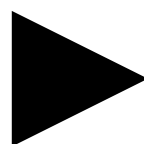
ДЕТАЛИ ГОРОДА

Второй слой памяти Переславля-Залесского связан с недавней историей советского периода. По городу и пригороду рассыпаны различные следы советского времени. Приезжающих со стороны Москвы встречает стела «Серп и молот»; следы советской эстетики несут на себе детские площадки; на камне (фото сверху) написаны слова: «Здесь хранится письмо комсомольцев 1968 года юному поколению XXI века»; мемориальные доски отмечают жителей — Героев Советского Союза и руководителей предприятий; обязательный элемент любого российского города — памятник павшим в Великой Отечественной войне горожанам; а в ближайшем пригороде стоят на постаментах военные объекты — самолет, радар и баллистическая ракета, оставшиеся, возможно, от охранного пояса ПВО столицы. Свидетелями советской эпохи являются, конечно, и названия улиц, и многочисленные жилые здания, которые вполне вписаны в контекст старины «города Золотого кольца».

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Народная история Сортавалы¹ в рассказах местных жителей

ЭСТА ГЕННАДЬЕВНА МАТВЕЕВА ^{[1],[2]}

✉ TEZCATLIPOCAUNPOCOLOCA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-8249-5355

^[1] МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК, МОСКВА, РОССИЯ

^[2] РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

МАТВЕЕВА, Э. Г. (2021). Народная история Сортавалы в рассказах местных жителей. *Фольклор и антропология города*, IV(1), 42–75. DOI: 10.22394/2658-3895-2021-4-1-42-75.

Война поделила историю Сортавалы на две части: финскую и советскую. С уходом в 1940-е годы финского населения прерывается та часть памяти, которая связывала место с его жителями все предыдущие годы. Новоприбывшие получают в наследство землю с историей, которую могут «читать» лишь по сохранившимся артефактам, переданному материальному наследию, для которого даже не всегда имелось название. Лишь спустя половину века эти люди получают возможность углубить свои знания и обогатить «финскую память» о месте благодаря прежним хозяевам и их потомкам, пожелавшим вернуться к покинутым наслеп домам; вместе с тем приходит понимание и осознание европейского прошлого города. Параллельно этим процессам с 1940-х годов идет формирование собственной советской истории места — биографической памяти, сохранившейся в личных и семейных историях первопоселенцев. Она также подключается к созданию образов города, сохранившихся сегодня в нарративах старшего поколения. В работе описываются ключевые мотивы исторической памяти Сортавалы, зафиксированные во время недельной экспедиции в город в октябре 2020 года в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций».

Ключевые слова: народная история, устная история, локальная идентичность, фольклор, антропология города

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20-1-036197)

FOLK HISTORY OF SORTAVALA IN LOCAL RESIDENTS' STORIES

Esta G. Matveeva ^{[1],[2]}

✉ TEZCATLIPOCAUNPOCOLOCA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0002-8249-5355

^[1] MOSCOW SCHOOL OF SOCIAL AND ECONOMIC SCIENCES, MOSCOW, RUSSIA

^[2] RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA

¹ В данной работе нами принято сложное решение склонять название города по падежам, однако в интервью мы ставили Сортавала в той форме, в которой это слово произносят наши собеседники (более подробно об этой дискуссии см. в разделе «Финское наследие»).

TO CITE THIS ARTICLE:

MATVEEVA, E. (2021). FOLK HISTORY OF SORTAVALA IN LOCAL RESIDENTS' STORIES. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, IV(1), 42–75. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-42-75. (In Russian).

The war divided the history of Sortavala into two parts: the Finnish and the Soviet. After the departure of the Finnish population in the 1940s, the part of the memory that used to connect the place to its inhabitants in all previous years was interrupted. The newcomers received a legacy of a land with a history that they could “read” only from the surviving artifacts, transferred material heritage, for which there had not even always been a name. Only half a century later these people are getting the opportunity to deepen their knowledge and enrich the “Finnish memory” of the place thanks to the former owners and their descendants, who wished to return to their hastily abandoned houses; along with that comes an understanding and awareness of the city’s European past. Simultaneously with these processes, the formation of the place’s own Soviet history has been taking place since the 1940s — biographical memory preserved in the personal and family histories of the first settlers. It also becomes involved in creating images of the city that are preserved today in the narratives of the older generation. The paper describes the key motives of the historical memory of Sortavala, recorded during a week-long expedition to the city in October 2020 under the project “The People’s History of Russia: Crossroads of Local Civilizations”.

Keywords: folk history, oral history, local identity, folklore, urban anthropology

Сортавала — один из немногих городов, за короткий промежуток времени несколько раз переживших полное обнуление и перезаселение территории. В отличие от других территорий с похожей историей (Львов, или Лемберг — со второй половины XVIII века до начала XIX века столица австрийской провинции, в результате Второй мировой войны из города была выселена большая часть польского населения; Калининград, или Кёнигсберг — до присоединения к СССР часть Восточной Пруссии, после Второй мировой войны в городе осталась лишь незначительная часть бывшего немецкого населения) после включения Сортавалы в состав СССР в городе практически не осталось финнов, которые бы продолжили сохранять свои культурные традиции и поддерживать историческую память («Сортавала, Выборг и другие населенные пункты, принадлежавшие Финляндии и отошедшие к СССР, уникальны тем, что бывшее население покинуло их в одночасье. С уходом прежних жителей прервалась память, связывающая место с его обитателем» [Изотов 2008-2: 58]). С 1940-х годов начинается планомерное заселение территории. Люди в несколько этапов направляются государством из других регионов СССР на восстановление города и заводов, на работу по распределению после учебы, отправляются по принуждению или едут по собственной инициативе «за лучшей жизнью» как в более процветающую область («Переселение колхозников и колхозов намечали произвести из ряда областей и республик Советского Союза: Белорусской ССР, Чувашской, Мордовской и Татарской АССР, Рязанской, Калининской, Смоленской, Орловской, Кировской и Вологодской областей» [Веригин 2017]). Пограничная особенность территории сделала из Сортавалы полиэтничный город. По данным переписи, в конце XIX века в Сортавале проживали преимущественно финны, карелы, шведы и шведоязычные финны и русские [Пашков 2017]. В 1940-е годы значительную часть переселенцев составили белорусы из Белорусской ССР (более 30 тыс. чел.) [Веригин 2017]. Сейчас вместе с русским и украинским населением они представляют преобладающую часть жителей города. Также в

Сортавале продолжает проживать небольшой процент карелов, приехавших сюда после войны, а также финнов, так и не покинувших территорию после войны, либо вернувшихся на родные земли с открытием границ в 1990-е годы.

Во многом особенная и чрезвычайно яркая история города Сортавала давно привлекает к этому региону исследователей, в том числе антропологов, фольклористов и всех, кто работает с устной и письменной памятью. Эти исследования включают в себя как узкоспециальные работы, посвященные исключительно Сортавальскому району, так и работы, посвященные общекарельской специфике региона. В первой группе можно выделить несколько наиболее популярных среди исследователей тем. Первая из них затрагивает особенности заселения и освоения бывших финских территорий, процессы адаптации к новым незнакомым жизненным условиям (тема чрезвычайно востребованная у исследователей всего Карельского перешейка, в особенности историков) [Мельникова и др. 2005, Изотов 2008-2, Большакова 2009, Мельникова 2009, Веригин 2017]. Вторая тема, наиболее широко представленная и изученная, сфокусирована на влиянии финнов и финского наследия на развитие советской Сортавалы, а также на постепенном осмыслении новыми жителями города полученного материального и нематериального наследия [Изотов 2005, Мельникова 2009, Мельникова 2015, Шикалов 2017, Мельникова 2017, Мельникова 2019]. Третья тема отчасти затрагивает первые две, однако акцент падает на формирование локальной идентичности и нередко борьбу за нее в сложившихся специфических условиях (переселение, пограничье, финское наследие) [Дубровская 2008, Изотов 2008-2, Мельникова 2009, Мельникова 2014, Мельникова 2015, Итконен, Шикалов 2017, Мельникова 2017]. Четвертая тема переключает внимание с местных жителей на пространство — его уникальность и особенности освоения каждым поколением сортавалцев [Изотов 2008-1, Илюха 2020].

Исследовательский интерес нашей группы был сконцентрирован на четырех блоках, так или иначе затрагивающих вышеперечисленные темы: город, горожане, ключевые исторические события и точки на карте, связывающие устные нарративы с городскими пространствами и объектами. Особенности переселения, которые вынуждали людей покидать родные земли и начинать новую жизнь на чужой земле, отсутствие корней и размытость памяти поколений о месте тем не менее не помешали за более чем полвека адаптации сформировать свое понимание себя в городе и сам образ города. В этой работе мы хотели бы рассказать об этих смыслах — ключевых мотивах локальной исторической памяти, вокруг которых формировались нарративы наших рассказчиков.

ОПИСАНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ И ПОЛЕВЫХ МАТЕРИАЛОВ

Материалы, задействованные в работе, были записаны во время недельной экспедиции в Сортавалу в октябре 2020 года². Экспедиция состоялась в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», в основу которого положена идея вынесения локального знания пограничных территорий в поле публичной истории. Этим был обоснован выбор города, расположенного на границе России и Финляндии, соединившего в себе черты двух культур, на протяжении многих десятилетий

² Участники экспедиции: Михаил Олегович Гардер, Эста Геннадьевна Матвеева.

формирующих локальную идентичность и народную память о месте. За время экспедиции было проведено двадцать одно полуструктурированное интервью. Возраст собеседников колебался от 17 до 80 лет, среди охваченных социальных и профессиональных групп были: деятели культуры, работники в сфере образования, служитель церкви, преподаватель карельского языка, журналист, фотограф, политик и активист, работник библиотеки, краевед и частный гид, предприниматель, маркетолог, ветеринарный врач, режиссер театра, бывший деятель в сфере международных отношений, бывшая спортсменка и школьник. Среди собеседников были те, кто детьми участвовал в переселении 1940–1950-х годов из соседних районов, Белоруссии, Вологодской, Калужской, Псковской и других областей или застал в живых родственников, которые рассказывали им о первых годах освоения новых территорий. Мы разговаривали с потомками финнов, во время войны бежавших в Советский Союз из-под знамен Гитлера, а также потомками финнов, высланных с территорий бывшей Финляндской Республики. Кроме того, нам удалось побеседовать с представителем карельского этноса, родом из Прионежского района, а также с несколькими приезжими из Петрозаводска и Санкт-Петербурга.

Илл. 1. Интервью с Лейлой Тенгизовной Берая в кафе «Карельский дворик» на ул. Комсомольской. Создание ментальной карты города. Собиратель Михаил Гардер. На фото также присутствует Вера Валерьевна Перминова. Фото: Эста Матвеева

Пограничность

В отличие от ряда других пограничных городов, находящихся в непосредственной близости с населенными пунктами стран ЕС, от Сортавалы до поселка Вяртсиля, расположенного непосредственно на границе с Европой, — около 70 км. Разумеется, для некоторых это расстояние делает

существование жизни по другую сторону границы далеким, несущественным, а иногда даже нереальным («[А что, что это значило? Финны — это что?] Это какой-то другой мир был, запредельный вообще»³). В литературе встречается выражение «мифологизация границы» [Изотов 2008-1: 172], свидетельствующее о характерной для этого периода парадигме невнимания и нередко сознательного замалчивания факта существования финского соседства и событий, связанных с ними («А эта тема вообще не затрагивалась»⁴).

Безусловно, такому отношению к загранице и иностранцам способствовало, во-первых, то, что после советско-финской войны в городе практически не осталось коренных финских жителей, во-вторых, то, что в послевоенный период Сортавальский район становится закрытой пограничной зоной, то есть все существующие до того момента контакты сводятся на нет:

Если в 1940–1950-е годы местная сортавальская газета вовсе не обнаруживала того, что она издается на приграничной территории, то в период с конца 1950-х и до середины 1980-х годов «Красное знамя» в той или иной степени отражает факт существования государственной границы и ее влияния на местную жизнь [Изотов 2008-2: 54].

Для этого периода характерным становится не столько дискурс «пограничности», сколько «закрытость», замкнутость между двух границ: европейской и российской и, в связи с этим, особый режим повышенного контроля. Воспоминания о повседневности этого периода фиксируют контакты не с иностранцами, а с военными, в большом количестве проживающими на территории и интегрированными в социум на правах «элиты».

У нас ходили пограничники по городу, был стройбат и были пограничники. Это я помню с детства: пограничники все были высокие и красивые, а стройбат были все нерусские. Они строили дома. Ну, или школы, все строили, то есть стройбат строил это все. А пограничники — это была элита, элита вообще просто⁵.

Потом в третьей школе, там в основном учились дети военнослужащих, там половина было, тоже так развлекались. У меня подруга была, и у нее папа такой майор Горетиков был. И говорит: ну что, говорит, девчонки, кого на танцы-то возьмете из пограничников? И мы с Лариской садились и выписывали увольнения пограниникам, с кем мы пойдем на танцы. [*Смеется.*] Тоже так интересно было⁶.

Во-первых, у нас было только по разрешениям, по пропускам. «...» У нас же был поезд на Ленинград, в 00:55 он уходил. Мы приезжали домой, у нас была цепь из пограничников на вокзале, и по пропускам нас пропускали. То есть должен быть обязательно пропуск, а местным обязательно — паспорта подавали мы. Мы проходили очень долгое время через такой пропускной пункт. Там была серьезная проверка — у нас был закрытый город⁷.

Тем не менее закрытость и тотальный контроль со стороны спецслужб ассоциировались скорее с безопасностью, сплоченностью и порядком, чем с нежеланными навязанными результатами пограничного режима (хотя не исключено, что такие настроения также имели место, но не были озвучены в собранных интервью).

³ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁴ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁵ Тимошенко Лариса Анатольевна, 1968.

⁶ Луцник Татьяна Анатольевна, 1961.

⁷ Тимошенко Лариса Анатольевна, 1968.

Но мы знали, что мы закрытый город, мы это знали, мы это знали всегда. Очень хорошо было, когда было закрыто [*смеется*]. Все было закрыто, и никого нет. Мне почему-то кажется, мы не боялись ходить по городу вообще. Если вдруг вот получалось так, что надо было пройти по городу одной, это было не страшно, вообще никак. У нас, наверное, была какая-то преступность, но она была сведена до бытовых вещей⁸.

Я застал, ты понимаешь, как-то было все это более интеллигентно, интеллигентно. Вот именно из-за закрытости этого города как-то, понимаешь, какое-то такое братство было, знаешь, что город-то маленький, но, уж не знаю, все со всеми здоровались, как-то было⁹.

Разумеется, отсутствие прямого контакта с жителями по другую сторону европейской части границы не лишало город признаков, характерных для большинства приграничных территорий. К примеру, неудивительно, что советская идеология, навязывавшая определенное отношение к иностранным агентам и товарам, процветала в городе, улицы которого были украшены плакатами «Не болтай», а дети пели песни про разоблаченных иностранных шпионов (например, песню «Коричневая пуговка» на слова Евгения Долматовского, опубликованную в 1939 году):

Вы не слышали такую песню «Коричневая пуговка» (советская песня на слова Евгения Долматовского о разоблачении пионерами иностранного шпиона — Э. М.)? Вот эта песня — я ее знаю с пяти лет. И я ее пела [*смеется*]. Ну, у нас было так — у нас была пограничная зона, мы все это знали¹⁰.

Однако в полной мере ощутить и распробовать блага пограничья удалось только ближе к 1990-м, когда граница открывается для иностранных туристов и всех россиян, но со значительным ослаблением визового режима для жителей приграничной зоны.

Первая делегация финнов приехала к нам 28 февраля [19]89 года. И вот с [19]89 года начинается история наших вот межгосударственных отношений — сначала на общественных, уровне общественной организации, а потом перешло вплоть до уровня государственной организации, потому что пошло какое-то финансирование оттуда, из Финляндии, на наши тут проблемные места¹¹.

Для местных жителей трансграничное взаимодействие становится ресурсом материального благополучия, причем как для старшего, так и для младшего поколения, умело встроившегося в экономическую парадигму взаимодействия, нашедшего в иностранцах успешный источник неофициального обогащения. На автостанции дети часто просили мелочь у финнов:

Я помню, когда финны приезжали, мелочь у них просили. Просто подходишь к финнам и говоришь: «Дайте мелочи». Давали финны мелочь. Дети, у них нет своих карманных денег, у финнов стреляли. [Тратили] на сладости, на покурить, на выпить. Прямо в центре города. Я помню, мы делали так там, где автовокзал, в том районе¹².

⁸ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

⁹ Ладысев Артур Валерьевич, 1960.

¹⁰ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

¹¹ Гюгтуев Иван Михайлович, 1938.

¹² Чалых Василий Сергеевич, 1993.

Но потом-то вот я уже попала, там 90-е годы, конец [19]80-х — делегация школьников, обмен школьников, в Финляндию съездить. И конечно же, там, когда приезжали — о, с другой, с другой планеты приезжали. Диктофон! Там кассета с диктофоном! Ну, у нас у всех были магнитофоны, мы жили нормально. У меня был магнитофон «Русь». Но прямо там, конечно, такие какие-нибудь — линейка перебивающаяся, там еще что-то. Ну, дети, господи¹³.

Для взрослых этим ресурсом становится торговля (в том числе нелегальные способы закупки и сбыта), причем как новыми товарами, так и привычной, но более качественной продукцией («качество продуктов, оно значительно отличается, а до границы тебе доехать всего 60 километров»¹⁴).

Все дешевое. Сейчас — классика — сыр, кофе финский. Туалетную бумагу многие везут. Я помню, когда отец еще жив был, привез блестящую бумагу такую клейкую. Для поделок такую. Просто врезалось в память. Отец с финнами взаимодействовал, подрабатывал таксистом¹⁵.

Вот, как раз, типа «Светланы» [магазин «Светлана» на Кирова, 18], туда иногда привозят местные барыги. А у нас, если говорить, тут барыги часто ездят. Они ездят на своих машинах, в бардачки прячут, под зеркала. Наверху там какие-то секретные карманы. Все вот это финское вывозили раньше и перепродавали здесь¹⁶.

С одной стороны, они сюда в местные магазины сдавали, а с другой стороны они вывозили сигареты и алкоголь и где-то приезжали в точки в Финляндии. Где они знали места и продавали это. То есть это надо было знать какие-то места. У нас иногда просто возили блок сигарет, например. Он стоит 400 рублей. Покупаешь блок и вывозишь. Ну, потому что ограничение было, и на всех раскидывали, кто везет¹⁷.

Помимо торгового сотрудничества, важной становится открывшаяся возможность обмена прошлым между двумя сторонами, в разное время владевшими одной территорией. У финской стороны она реализовалась во всплеске «ностальгического туризма» и возвращения в некогда наспех покинутые дома, к могилам родственников, в некоторых случаях даже к спрятанному перед эвакуацией имуществу (истории про финские клады [см. также: Мельникова 2009: 9]), а у бывших советских граждан — в стремлении углубить свои знания по истории своего дома.

...большой интерес у финнов возникал к нам, потому что это территории финнов, бывшие. Пожилое поколение еще живо было тогда, в [19]80-е, в [19]90-е годы, в [19]90-е годы они доживали еще. <...> у них большой интерес приехать, посмотреть, побывать на своих местах, там, на своих фундаментах, поплакать, рюмочку выпить. Много, очень много приезжали¹⁸.

Когда границы открылись, лет 7, может быть 10, было паломничество глубоко пожилых людей, которые приезжали, они просто приходили на пристань и просили на катере их отвезти. Они же такие хуторские люди, и у них по всем нашим островам полно их фундаментов. Для меня они были чужие люди, и у меня они никаких чувств не вызывали, честно. Сейчас я к ним совсем по-другому отношусь, а тогда, знаете как «понаехали», ну, типа. Просто у папы был катер, и он их повез, и вот

¹³ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

¹⁴ Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.

¹⁵ Чалых Василий Сергеевич, 1993.

¹⁶ Чалых Василий Сергеевич, 1993.

¹⁷ Чалых Василий Сергеевич, 1993.

¹⁸ Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

когда я увидела в первый раз, как он встает на колени перед этим фундаментом и плачет, я тогда стала понимать, что это была его родина. Тут его предки жили. И он маленьким здесь жил¹⁹.

Финны приезжали активно вот в 1990-е годы на свои хутора. Приезжали на хутора, кто-то увозил землю с собой, кто-то какие-то там растения выкапывал, забирал на память, там, какие-нибудь кустарники, елочки²⁰.

История знает и такие случаи, когда с открытием границ финны возвращались на родные земли насовсем:

...этот человек все равно вернулся на эту территорию и привез свою жену, и с начала 1990-х годов до дней своей смерти — вот он умер, может быть, лет пять назад, где-то так вот, он постоянно приезжал из Финляндии, жил в большей степени здесь, вот на том месте, где он родился, жил на две страны²¹.

В этой ситуации, как отмечает исследовательница территории Екатерина Мельникова, «прошлое района оказалось тем фундаментом, на котором строилось взаимодействие практически на всех уровнях местной жизни» [Мельникова 2015: 20]. Однако у этого взаимодействия была и другая сторона, которая не исключала негативной оценки вмешательства новообретенных соседей. Как и многие другие пограничные российские территории, Сортавала 1990-х привлекала иностранцев легкодоступностью нелегальных развлечений.

...финны сюда приезжают. Они это место любят. Как говорил один человек, когда финны начинают выделяться, что русские такие-сякие: «Пейте, пока у нас дешево, скоро у вас и этого не будет!» Они сюда ехали за девочками и за всем. А в то время, в 1990-е — это была жуть, что здесь творилось. Проституция здесь была чуть ли не элитным занятием. Из-за этого у нас первый [город] по СПИДу, из-за того, что он первый на границе стоит²².

Раньше ходили легенды, что сюда финны ездят, чтобы снимать местных проституток. И даже гостиница «Ладога», ходят слухи. Опять же, не проверял, у меня просто там знакомый живет. Рассказывал, что там проститутки водятся. Ну, такие, из местных. Это раньше было. Сейчас, говорят, поменьше стало, но финны сюда ездили, чтобы бухать водку, потому что там [в Финляндии. — Прим.] дорого, и за нашими проститутками. Они же падкие на деньги, а Финляндия более обеспеченная, чем мы. Тем более после 1990-х, в 2000-е не особо еще экономика. Русские [девушки] — красивые, да. Это в том числе. Ну, или они доступные были. Или у гостиницы просто были «ночные бабочки», типа угол или место, вокруг которого они возились. И финны, видимо, знали и ездили туда. Финки страшные — у нас считается среди местных. Мне нравятся, но как-то не получалось²³.

Наряду с открывшимися возможностями и формирующимся новым европейским мироощущением, период с 1990 до 2010 года все вспоминают также как время крайней стагнации и упадка. В нарративах жителей город приобретает черты карикатурно неблагополучного и преимущественно транзитного пространства, который способен лишь отпугнуть туристов.

¹⁹ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960

²⁰ Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

²¹ Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

²² Перминова Елена Анатольевна, 1970.

²³ Чалых Василий Сергеевич, 1993.

Я вам расскажу другой случай. Значит, было совещание директоров-кризисников, кризисных направлений. Министерство тогда еще было у нас в ту пору — они решили провести это совещание в городе Сортавала. <...> Это еще был у нас, наверное, год 2007–2008-й. Приехали руководители очень известных компаний, таких, как «Водоходъ» и так далее, которые, в общем-то, сегодня работают с Кижамми, работают с Валаамом, с Соловками — вся эта прелесть нашего Севера. Все бы ничего, но встает руководитель кризисного направления и говорит: «Что бы я сейчас хотел сказать тем людям, которые меня слушают от города Сортавала. Если город продолжит свою работу в таком же русле дальше, мы туристов будем привозить с Валаама, конечно, в Сортавала, но это будет следующим образом. Мы, значит, будем вынуждены людей пересаживать из «Метеоров» в автобусы, закрывать шторы и ехать на Рускеалу. Если ваше местное сообщество не поймет, что город нужно привести в порядок²⁴.

Несмотря на явную тенденцию к преобразованию городского пространства, которую подчеркивают многие рассказчики («Сейчас после 1990-х пытаются эту разруху побороть»²⁵), воспоминания о доперестроечном закрытом и неевропейском, но безопасном и уютном прошлом города негативно сказываются на восприятии его «неорганизованного» и «неухоженного» настоящего.

А потом, есть просто неорганизованность города определенная. Самое банальное, просто самое первое, что бросается в глаза: бросают мусор — но она маленькая, вот эта урна. Поставьте две таких, уберите в субботу. Около выставочного зала работает дворник — всегда вылизано, всегда чисто. Два шага в сторону — и все²⁶.

Я в прошлом году была в Выборге. Вроде они немножко похожи, города, Выборг. Но получилось, что после Выборга у меня такое было ощущение, что Сортавала такой неухоженный город. Вот не хватает вот этого — ухоженности. И туристы тоже это замечают²⁷.

Таким образом, советское и постсоветское прошлое города имеет дело с двумя концепциями пограничья — важной и едва ли не ключевой особенностью местного самоопределения. В послевоенный период — это концепция, реализованная за счет сведения приграничья к закрытости, то есть к отсутствию контактов и информации о жизни по другую сторону границы, с сопутствующим повышенным контролем и ощущением изолированности и обособленности. Прошлое в этом новом мире неактуально, его история формируется здесь и сейчас. В постсоветский период появляется концепция приграничья как сверхресурсности. Она открывает существенные преимущества и способствует формированию «нарратива об исключительности» [Окунев, Еряшев 2018, Тимофеев 2011], а позже и столичной идентичности (см. выше «региональные столицы» [Окунев, Еряшев 2018]). Во-первых, появляются торговые каналы и легкий доступ к европейским товарам. Во-вторых, легализованные контакты с финской стороной открывают каналы углубления памяти о месте. С их помощью приходит понимание и осознание европейского прошлого города, его истории, которую раньше советские переселенцы могли читать лишь по сохранившимся артефактам — материальному наследию, для которого

²⁴ Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

²⁵ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

²⁶ Берая Лейла Тенгизовна, 1967.

²⁷ Лушник Татьяна Анатольевна, 1961.

даже не всегда имелось название. Сегодня приграничье для местных жителей имеет и еще одно значение: открытие границ способствовало появлению таких негативных особенностей, как транзитность, небезопасность и отчасти неблагоустроенность. Однако особенность локального самовосприятия заключается в том, что наличие позитивных атрибутов уникальности делают эти негативные признаки несущественными и не препятствующими формированию особой столичной элитарной идентичности.

Столичность

До второй половины XIX века Сортавала была скромным провинциальным городом, жители которого в силу географического расположения редко контактировали с кем-либо, помимо своих близких соседей [Итконен, Шикалов 2017: 49]. Однако на рубеже столетия ситуация начинает меняться, и в период с 1880 до 1910 года население города вырастет с 890 до 3085 человек (для сравнения: в Выборге в это время было уже более 20 тысяч человек) [Пашков 2017: 57]. Росту населения и в целом периоду экономического и культурного развития в городе способствовало открытие в 1880 году в Сортавале главного на тот момент образовательного центра, а вместе с тем и источника социокультурного развития — Сортавальской учительской семинарии (в здании которой сегодня располагается Сортавальская районная библиотека). Переехавшие из других частей Финляндии педагоги и ученики становились инициаторами передовых для города инноваций: учреждение в 1981 году существующей по сегодняшний день газеты «Ладога», открытие городской библиотеки и пр. [Итконен, Шикалов 2017: 50]. Помимо деятельности семинарии, культурный прогресс стимулировало открытие в городе несколькими годами позднее историко-краеведческого музея, лицея и народной школы. Однако одним из самых значимых событий культурного значения были получившие широкую известность песенные всефинляндские фестивали, посвященные эпосу «Калевала» (1896–1935), организованные в парке Ваккосалми в месте, акустическую уникальность которого подчеркивают многие местные жители, — Певческое поле.

Вы увидите это знаменитое Певческое поле. Там не только в прошлом веке, в XX, но и в XIX... там устраивались знаменитые песенные праздники. А Финляндия, она вообще знаменита тем, что у них культура хорового пения, именно академического пения. <...> И у них культура академического пения — она испокон веков переходит. <...> Поэтому певческие праздники, они и сейчас в Финляндии проводятся. И на нашем Певческом поле знаменитом все это было²⁸.

Кроме того, на рубеже XIX–XX веков развитие происходит и в сфере экономики: в Сортавале возникают представительства сразу нескольких банков²⁹: Объединенного банка Северных стран (ныне в этом здании располагается почтовое отделение), Финского Банка (ныне Банк России)³⁰.

²⁸ Ширманов Артур Эдуардович, 1972

²⁹ Здания банков, спроектированные известным финским архитектором Уно Вернер Ульбергом, — важная городская доминанта. Вместе с другим важным строением — зданием городской администрации — они располагаются на одном пятачке в центральной части города. С ними связана городская легенда: «Где Сбербанк находится — это бывший банк, объединенный банк объединенных наций или что-то такое при Финляндии был. Там находится, получается, сейчас спецслужба наша ФСБ и сам банк находится. Есть легенда о том, что из него идет подземный ход в Госбанк. Да, так что у них подземный ход между собой. Тоннелем соединены. Потому что рядом там, получается, между ними еще находится администрация города — у администрации города тоже есть вход в этот тоннель» [Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988].

³⁰ См. современный туристический маршрут «Сортавала — город банков» [Сортавальское городское по-

То есть город, он в этом плане, был город банкиров, город... У нас было очень много банков изначально, такая история, и такой вот культурный в этом плане развитый. Ну, сейчас я уже не помню, но когда нам историю читали, вот почему-то в памяти так осталось, что это вот тут был богатый такой, культурный город³¹.

Развитию города и внедрению новых веяний способствовал важный инфраструктурный скачок: завершение в 1894 году строительства железной дороги по направлению Выборг — Сортавала — Йоэнсуу. С этого момента семинария перестает быть главным источником притока людей в город. Начинают активно устанавливаться деловые и культурные связи с другими областями Финляндии: из небольшого провинциального города Сортавала превращается в стратегически важный и динамично развивающийся культурный центр сперва Великого Княжества Финляндского в составе Российской империи, а затем, на короткий срок после 1917 года, как территория независимого Финляндского государства. Будучи частью Финляндии, к началу XX века Сортавала становится проводником различных экономических и культурных инноваций для жителей всего Северного Приладожья.

В 1871 году в городе появилось уличное освещение — 20 газовых фонарей. В 1874 году началась электрификация города, и в 1906 году на смену газовым фонарям пришли электрические, получавшие энергию от электростанции в Хелюля, а затем в Питкякоски. В декабре 1885 года в Сортавале появились первые телефоны, а в 1888 году была организована первая телефонная компания, обслуживавшая 38 абонентов в городе и пятерых в его окрестностях. В 1910 году в Сортавале один телефон приходился на 14 жителей. Первый водопровод был проведен в Сортавале в 1890 году, но он снабжал водой только учительскую семинарию, больницу и железнодорожную станцию. Общегородской водопровод был обустроен только в 1914–1926 годах. Источником воды стало озеро Хельмиярви, находившееся в шести километрах от города [Пашков 2017: 57–58].

Несмотря на то что события, произошедшие в городе в первой половине XX века, существенно замедлили его развитие, а время перестройки и вовсе повергло город в состояние упадка («До 2014 года в городе не было даже кинотеатра. Рускеала был заброшенным карьером <...>. К 2014 году мы подошли в тяжелом состоянии в том плане, что кино нет, цирк уехал, клоуны остались»³²), события недавних лет (среди прочего включение Ростуризмом Сортавалы и Петрозаводска в «Серебряное ожерелье России» как приоритетных городов Карелии) способствовали стремительным улучшениям в жизни города (реставрация зала Кронида Гоголева, музея Северного Приладожья, усадьбы доктора Винтера, межпоселенческой районной библиотеки, проведение в городах Карелии Дней республики, благоустройство центрального сквера, обновление покрытия федеральной трассы А-121 и пр.).

Вместе с благоустройством актуализируется и столичный дискурс. Сегодня идея «столичности» («Сортавала — столица Северного Приладожья», «Сортавала — культурная столица Карелии») распространяется не только по неофициальным каналам, в том числе, транслируется местными жителями, но и активно продвигается на официальном уровне («На собраниях чиновников так иногда говорят, да [«Столица Северного Приладожья».

селение. Генеральный план].

³¹ Луцник Татьяна Анатольевна, 1961.

³² Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

— Прим.] В газетах пишут и везде. Это среди местных распространено, на собраниях, на заседаниях, посвященных развитию нашего города»³³). Так, в 2015 году городу Сортавала был присвоен переходящий титул «Новогодней столицы России — 2016» («...сюда приезжал главный Дед Мороз, и все празднества проходили тоже в городе. К этому моменту все дома покрасили, отреставрировали многие дома»³⁴), в том же году город вошел в число пяти лауреатов I Всероссийского конкурса «Культурная столица малых городов России — 2015», а в 2021 году Сортавалу признали конькобежной столицей Карелии. Среди туроператоров, отчасти создающих внешнюю репутацию города, Сортавала позиционируется как «Столица карельского туризма», «Вторая столица Карелии».

Сегодня финское и советское прошлое органично встраивается в новое региональное столичное самоопределение. Однако «столичность» Сортавалы не равняется «столичности» таких крупных городов, как Екатеринбург, Казань или Нижний Новгород. Она не приравнивается к большим возможностям, материальному благополучию, быстрому темпу жизни, большим расстояниям, высокому уровню благоустройства городской среды и высокой численности населения. Напротив, Сортавала описывается как неспешная, немногочисленная, созерцательная, природная, уютная — она вбирает в себя лучшие качества, свойственные провинции, одновременно претендуя на такие качества, как европейскость, интеллигентность и даже элитарность, богатую историю, высокий спрос на культуру, поток творческой энергии (недостаток культурных впечатлений в самом городе компенсируется их легкодоступностью в культурном спутнике Санкт-Петербурге, до которого на комфортной «Ласточке» можно доехать за 4 часа), высокоразвитую промышленность и другие атрибуты, сближающие ее с качествами, присущими культурным столицам.

Как показывают исследования по другим городам, столичный дискурс часто формируется посредством брендинга: через целенаправленное создание позитивного образа, культивирование социальных мифов [Тимофеев 2011], направленные во внешнюю среду и формирующие в ней репутацию города. К примеру, Старая Ладога легитимизирует использование термина «неофициальная столица России», транслируя по официальным каналам данные археологических и летописных источников, проводя экскурсии и фестивали, продвигающие историческое прошлое города [Басова 2015]. Столичное позиционирование Сортавалы — преимущественно внутренний текст, который, несмотря на попытки внешней репрезентации, не формирует столичную репутацию места. Идея бренда, кажется, вообще неактуальна в городе, который хоть и живет за счет туристов, но самые популярные и потоковые туристические точки притяжения расположены далеко за его пределами: Валаам, Рускеальские водопады («Для большинства путешественников Сортавала — не более чем “ворота” Валаама»³⁵). Если проследить, какими эпитетами характеризуют город туроператоры на официальных каналах, наряду с уже упомянутыми статусами «Столица Северного Приладожья» и «Культурная столица Карелии», мы увидим определения: «уютный», «пограничный», «карельский», «старинный», «древнейший», «небольшой», «европейский», «красивейший», «уникальный», «исторический», «самый старый город Карелии» и др. Однако существенно другую картину рисуют внешние отзывы путешественников,

³³ Чалых Василий Сергеевич, 1993.

³⁴ Чалых Василий Сергеевич, 1993.

³⁵ <https://varandej.livejournal.com/257171.html>

которые имеют дело не с исторической памятью о месте, формирующей столичный образ у его жителей, а с его провинциальным неблагоустроенным настоящим (отзывы за 2021 год):

Сам город в упадке в плане благоустройства, что в целом неудивительно и является проблемой большинства провинций³⁶

Ставлю пять звезд за невероятно красивую природу! Сам город выглядит убого³⁷

Самый печальный город, который мы когда-либо посещали... Неужели нельзя привести его хоть немного в порядок, если везут такое количество туристов?³⁸

Интересный городок, но неухоженный³⁹

...маленький провинциальный городишко с поистине великолепной природой⁴⁰

...оставивший несколько грустное впечатление. Красивый и некогда очень аккуратный карело-финский город, которому волею исторических судеб не повезло оказаться на российской земле...⁴¹

Как видно, репутация города в текстах «местного производства» и во «внешних» суждениях существенно отличается. В отличие от других «столичных» городов, репрезентирующих вовне свое столичное самоопределение, в Сортавале оно является результатом внутреннего осмысления собственного прошлого, которое лишь недавно объединило в себе память двух эпох: финской и советской⁴². Итого, мы имеем две амбивалентные категории: провинциальность на уровне благоустройства, столичность в самоощущении и потенциале, заложенном исторически.

ФИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Сортавала — российский город с инкорпорированным финским прошлым, которое формирует едва ли не самую важную часть идентичности сортавалцев, наиболее значимое отличительное свойство города — как по сравнению с другими городами России, так и по сравнению со многими карельскими регионами. В проведенных нами интервью горожане так или иначе отмечают эту «финскость» — как местный колорит, привычные и любимые с детства виды и названия, как интересную неотъемлемую часть местной — и в какой-то степени своей — истории.

К финскому прошлому Сортавалы относится вся застройка центральной части города (в СМИ город нередко называют «Малой архитектурной энциклопедией Финляндии»), практически полностью сохранившаяся с довоенного времени, городская планировка с характерными треугольными площадями Вьянямёйна и Кирова («Эти треугольные площади — они меня просто с ума сводили! Как же так — единственный город, где

³⁶ <https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews>

³⁷ <https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews>

³⁸ <https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews>

³⁹ <https://2gis.ru/geo/70030076127896142/tab/reviews>

⁴⁰ <https://www.alem-tour.ru/rasskazy-turistov/trehdnevnoe-puteshestvie-v-sortavala/>

⁴¹ <https://dibazolllll.livejournal.com/45452.html>

⁴² В отличие от Старой Ладоги столичное самоопределение в Касимове «ретушировано и сохраняется преимущественно в слоях городской интеллигенции и татарском этническом меньшинстве» [Окунев, Басова 2016].

площадь треугольная, а тут они почти все такие»⁴³), финское кладбище и захоронение финских воинов в центре, между улицами Горького, Антикайнена и Кирова. Историческая финская застройка, пожалуй, представляет собой и главную достопримечательность города — «малой родины архитектуры финской»⁴⁴: наиболее примечательные дома, спроектированные финскими архитекторами, перечислены во множестве путеводителей и непременно включаются в маршрут экскурсий по городу (здание Объединенного банка Северных стран и Дом Леандера на ул. Карельской, Банк Финляндии на ул. Вяйнямёйнена, дом купца Ивана Сийтонена на ул. Кирова и др.). Эти дома определяют облик центральной части города — по этому признаку Сортавалу часто сравнивают, например, с Выборгом, где также довольно много памятников архитектуры, относящихся к северному модерну.

Первая моя европейская страна — это Германия, у меня ассоциация с ней именно. А так вот действительно здесь именно европейские улочки некоторые, вот бродишь — как будто... Забываешь даже. Я помню, когда самый первый раз приехала сюда, это был третий курс в университете, и мы приехали, приезжали просто студентами, поехали на Валаам. И идем по улицам, а приехали в это же время финны. То есть 7 утра — и идут по улице только финны. Мы такие думаем: куда мы попали, здесь что, действительно финский город? И они идут, громко по улице разговаривают, причем это было 7 утра — они шли после ночного клуба, пели свои песни на финском языке⁴⁵.

Многие приезжают, те, кто архитектурой увлекается. Даже вот финны, границы когда открылись, сюда приехали архитекторы, и здесь была такая малая родина архитектуры финской, что ли. Потому что тут в одном городе много всяких стилей. Так как финны, они же все равно перестраивают дома постоянно — у них вот там есть города, которые, ну, они современные. То есть тот же Йозенсу — дома постоянно перестраиваются, деревянные там. А у нас тут все деревянное и много стилей⁴⁶.

Многое во внутреннем устройстве домов — от саун в подвалах до планировок квартир и конструктивных особенностей кровли и т. п. — описывается как финское, нередко маркированное знаком качества (например, финские сауны, которые стали использовать как русские бани; кровля и водосток, функциональность которых испортил новый городской капремонт) («У финнов специальный бронзово-чугунный сплав был отопительной системы. Они были очень тяжелые. Мы работали в финском здании тоже — он не ржавеет, вода чистая. Вот сейчас вода в городе очень плохая, а у них была эта система»⁴⁷). Финская утварь, оставленная ушедшими прежними хозяевами, нередко бережно хранится, иногда остается объектом детского интереса («...я помню этот большой уют тяжеленный, то есть вот это почему-то я помню, сундук такой интересный, вот, рушники какие-то там такие»⁴⁸). А в некоторых историях крупницы сохранившегося финского прошлого становятся своего рода осколками «затонувшей Атлантиды».

⁴³ Хямäläйнен Нина Николаевна, 1938.

⁴⁴ Рыстов Виталий, 1961.

⁴⁵ Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.

⁴⁶ Машигина Анна, 1987.

⁴⁷ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

⁴⁸ Тимошенко Лариса Анатольевна, 1968.

...отец мне рассказывал, что если поедете на Риеккалансаари через мост, через паром, там будет два таких островочка, ну, то три, то два, в зависимости от уровня воды, — вот на этих островочках стояли дома, и из этих домов не успели все вывезти, и отец рассказывал, что они переплывали мальчишками на эти дома и собирали там стеклышки, которые были разбиты. Бабушка говорила, что когда наши пришли в город, он как картинка был — все было витражное стекло, все вот это⁴⁹.

Финские кладбища в советские годы представляли собой заброшенную территорию, которая функционировала как типичный неблагоустроенный парк: для детей это было местом собраний, игр, источником страхов перед лежащими в склепах «финнами»; здесь выгуливали собак и собирались для распития алкоголя, и т. д.

Ой, у нас такое было финское кладбище. Это в Питкярантском районе финское кладбище было. Ой, и вот это вот, конечно — кидать камни, искать, где гробы. [Кидать камни?] Ну, вот идешь, камень бросаешь, если глухой звук — скала, значит, там гроб. Мы туда цветы носили. Кошек хоронили, собак, естественно, мышей, мух, вот это, похороны устраивали. <...> И самые смелые — ну, дураки, господа, как, ну, их жизнь наказала — выкапывали, конечно, гробы. Я помню кости эти оранжевые такие, вот прям...⁵⁰

Отношение к кладбищу начало меняться после перестройки, когда в Сортавалу стали приезжать финны или потомки тех финнов, которые покинули город перед приходом советских войск. Актуализация финского кладбища именно как места поминания подтолкнула посетителей к соблюдению соответствующих предписаний и запретов: «Дак рядом эта финская такая большая могилка-то: все тоже обложено, написано по-фински. Ну вот, мы в другой раз тоже идем, тоже посыпем, тоже положим там че-то. Конфетку и бросишь, скажешь: “Земля пухом”, да и пошла: “Земля вам пухом”» [Мельникова 2019: 21].

Еще одна важная составляющая финского наследия в городе — его топонимы, лишь отчасти измененные в советское время. Однако наиболее ярким маркером «финскости» территории является актуальная и для многих болезненная дискуссия⁵¹, поделившая город на два фронта: нужно или не нужно склонять название города («Живу в Сортавала», вместо «Живу в Сортавале»). Дискуссия эта вдвойне примечательна, если рассматривать ее на фоне других финских и карельских названий городов Карелии, склонение которых не вызывает таких бурных споров (Кондопога, Костомукша, Лахденпохья, Питкяранта).

История в том, что у нас финские топонимы. С одной стороны, я — приверженец истории о том, что их надо склонять. Ну, существуют правила, по которым мы их склоняем, а многие считают их финскими, и финские названия нельзя склонять. Причем доходит до абсурда, когда я приезжаю в Питкяранту, познакомился с девушкой, и Сортавала не склоняют, а Питкяранту при этом склоняют. Это очень парадоксально, хотя они подвержены одному правилу. У нас всегда очень большие споры, когда приезжает турист или чиновник пишет. Вроде новость красивая, позитивная, всем понравилась, но стоит ему просклонять название города, тут же десяток комментариев на эту тему, и все забывают про то, что написано вообще. Это местная больная тема⁵².

⁴⁹ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

⁵⁰ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁵¹ Некоторые собеседники откровенно замечали, что им «режет слух» наша «пришлая» манера склонять слово Сортавала; иногда советовали быть аккуратными, так как в некоторых сообществах такое произношение может вызвать негативную реакцию.

⁵² Чалых Василий Сергеевич, 1993.

*Илл. 2. Карельский мост через залив Вакколаhti, снятый в первый день экспедиции, по дороге с железнодорожного вокзала к гостинице в центральной части города.
Фото: Эста Матвеева*

Помимо богатой финской архитектуры, советская Сортавала наследовала традиции финского городского озеленения и чистоплотности, которые успешно компенсировали обилие промышленных предприятий в городе и не позволили ему превратиться в индустриальную периферию.

А вот про эти деревья знаете? Это финская селекция — скрещены береза с черемухой. Получается, финны — Сортавала был город курортный, и деревья нужны были необычные, — вот они что-то такое придумали⁵³.

И у нас, где сейчас фонтан, там тоже был фонтан, в этих скверах было столько роз. Вы не поверите. Все утопало в цветах. Весь город⁵⁴.

У нас был комбинат озеленения. Я так понимаю, там около 40 человек работали постоянно, круглый год, а не абы когда. Для того чтобы в городе были цветы, деревья, кусты правильно росли, все правильно поливалось⁵⁵.

В воспоминаниях переселенцев о послевоенной Сортавале 1940-х годов из архивов местного краеведческого музея прослеживается та же идея.

Страшно было переплывать на тот берег. Поборовшись со страхом, переправились. А там... красота! Такой красивой природы Фаина никогда не видела: «Аж дух захватывал!». По дороге деревья с обеих сторон, цвела черника⁵⁶.

⁵³ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

⁵⁴ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

⁵⁵ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

⁵⁶ Воспоминания Дориной Фаины Васильевны, 1931. Переехала в Сортавалу в 1946 году из Вологодской области. Архив краеведческого музея. [<http://museum-sortavala.ru/vazhno.html>]

Каким я помню город Сортавала? Зеленый, идеально чистый⁵⁷.

В беседах с рассказчиками родом из Сортавалы, чье детство и молодость пришлись на 1970–1980-е годы, мотив исключительной чистоты («чистейший», «идеальная чистота», «ни одной пылинки» и пр.) городского пространства в этот период встречается повсеместно.

Город был чистый, ходили военные патрули. Утром идешь на поезд — в 6 утра у тебя все в дворниках, все намыто, все начищено. Моя мама выходила в город, у нее была специальная тряпочка — мы жили за городом — она выходила, туфельки натирала, и ни одной пылинки не было. <...> Я все мечтала, что приедет Брежнев. Меня волновало, что где-то асфальта там не было. Но по сравнению с тем, что сейчас, я не понимала, с чем сравнивать⁵⁸.

И вот я помню, что Петрозаводск по сравнению с Сортавала, он хуже был. Не в плане людей или что-то, а в плане чистоты. <...> И он был просто чистейший. У меня такая ассоциация была, когда я в Минск приезжала, утром рано и шла, я просто обожала с вокзала идти, там бабушки подметали вениками проспект. Вот в мою молодость так было в городе. Эти дворники, которые метут, убирают. Это была просто идеальная чистота⁵⁹.

У меня есть воспоминания такие, когда я была студенткой в пединституте, все друзья, которых я возила сюда в гости, говорили: «Какой чистый город». И это правда. У нас был чистейший город в советское время. Он был весь в цветах⁶⁰.

Среди наших собеседников много тех, кто переехал в город 1960–1970-е годы из других районов республики и других регионов России (зачастую из деревень). Описывая свои первые впечатления о городе, они используют те же характеристики: обилие урн, свежий воздух, грибы, растущие в черте города, цветы, вода и зелень.

И вот мы купили мороженое — ну, что, а так как я в деревне росла, у меня же не было этих привычек, урн и так далее. И, естественно, первое движение — я хотела выбросить фантик от мороженого на пол, ну, там на асфальт. И когда я посмотрела, меня поразила такая чистота — вот настолько это был чистый такой город, ни пылинки, ни бумажки. И я помню, я вот с этой бумажкой в руках прошла по всему городу — я не знала, куда ее выкинуть, как и что. То есть вот у меня такое, допустим, было яркое впечатление об этом. Ну, и город, конечно, порастил тем, что вот он... маленький, чистый и уютный. Вообще вот он не такой, как сейчас⁶¹.

Я стою на остановке [напротив гостиницы «Ладoga»] и голову наклонила — а тут гриб растет. За заборчик маленький заглянула — а там еще три гриба. Это просто в городе — город был чистый. Но совершенно не цивилизованный. Но все равно тут было хорошо, дышалось хорошо. Меня вода поразила [*смеется*]⁶².

Совсем молоденькая была тогда. Сюда-то приехала — здесь, ой, мне как город понравился. Вот такой скандинавский <...>. И я приехала — ой, здесь и палисаднички,

⁵⁷ Воспоминания Куликова Александра Дмитриевича, 1929. Переехал в Сортавалу из Кемпи в 1940 году, вернулся в 1945 году. Архив краеведческого музея. [<http://museum-sortavala.ru/vazhno.html>]

⁵⁸ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

⁵⁹ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

⁶⁰ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

⁶¹ Луцник Татьяна Анатольевна, 1961. Переехала в город из Нижнего Тагила в раннем возрасте вместе с матерью.

⁶² Хмяляйнен Нина Николаевна, 1938. Переехала в город с Урала из глухой деревни под Нижним Тагилом (село Кайгородка) после окончания Сталинградского института физической культуры.

грязи вообще такой не было, как сейчас у нас. <...> Лето, красота — все тут цело, все подстрижено, скамеечки везде, урночки — ой, вообще город был обалденной красоты⁶³.

Здесь важно заметить, что принятие финского наследия советскими гражданами происходило не всегда сразу и не всегда легко. Несмотря на благоприятные условия, которые государство старалось обеспечить прибывшим гражданам, процесс адаптации был осложнен совершенно неизвестными им условиями финского быта: «...мигранты часто не знали, как обращаться с доставшейся им инфраструктурой. Она отвечала тогдашним требованиям европейских стандартов, но совсем не вписывалась в привычный уклад жизни переселенцев» [Изотов 2008-1: 180]]. Однако со временем неизвестный уклад органично встраивается в новую повседневность и новую историю, которую вынуждены были для себя создавать с нуля новопоселенцы. В этой парадигме практически не получает выражения конфликтный потенциал, который, казалось бы, должен быть заложен исторически (война, насильственное переселение). Государственный конфликт не равен конфликту частному, иными словами, новая жизнь на чужой земле не становится проблемой из-за отсутствия выбора у переселенцев.

Я так понимаю, что у них выбора... Раньше же как было: раньше же не было выбора — вот сказали и... Это, наверное, с одной стороны, хорошо — человек ведь ко всему приспосабливается. <...> Вот, наверное, все-таки хорошо, когда у человека есть ответственность, что ты должен стране как-то помочь там или... ну, не знаю⁶⁴.

В этом частном, а не государственном дискурсе чужая земля не «отвоеванная», не «отобранная», а заботливо «подаренная». Этот мотив прослеживается в воспоминаниях о том, какой переселенцев встретила их новая земля — красивая и ухоженная, полностью готовая к жизни, с еще не остывшими следами ушедших владельцев (мотив, который в разных вариантах появлялся почти в каждом интервью: оставленные чашки с дымящимся кофе, горячая каша / горшки с картошкой на столе, замоченное белье, недоенные коровы, теплые печи, не выкопанная картошка и пр.).

...у меня все время такая вот картинка стояла, что когда наши заходили люди в эти дома, что на столе стояли чашки с кофе, и кофе еще не остыл — он дымился. Вот мне почему-то такой вот образ... Ну, вот, видимо, рассказывали, и вот эта вот картинка, вот в детстве она как-то так вот запечатлелась⁶⁵.

Она мне сказала, что когда они приехали, вот обозами или чем они там ехали, паромом, что они прям пришли — и что прям хата была... Ну, хата — вот это слово бабушкино, хата была прибрана, и чуть ли там не белье было замочено и коровы чуть ли не стояли недоены. Но она говорит, что мы приехали в готовый дом, где была идеальная чистота, где были запасы еды⁶⁶.

Я просто рассказываю то, что очевидцы говорят — все было брошено. А потом прочитала в журналах исторических, что они брали только самое необходимое. Они не знали, сколько они будут ехать. Как их нагонят или нет. Говорят же, что открывали квартиры, заходили — горшки с кашей горячие⁶⁷.

⁶³ Силкина Алла Михайловна, 1956. Переехала в город в 1975 году по распределению из Петрозаводского училища, родом из деревушки Миккелли в Прионежском районе.

⁶⁴ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁶⁵ Луцник Татьяна Анатольевна, 1961.

⁶⁶ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁶⁷ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

Войска войсками, а сюда надо селить людей, иначе территорию-то не закрепить. И когда люди приезжали и заходили в дома, еще печки теплые стояли. В некоторых домах теплая печка, и горшок еще с картошкой был⁶⁸.

Для кого-то этот мотив маркирует невысказанную санкцию на проживание («Жили мы, теперь живите вы»), благородство бывших территориальных противников, которые могли уничтожить, но оставили наследство будущим новопоселенцам.

Многие рассказывали, что приходишь — стоит котел с картошкой. Они уходили, они не выкинули эту картошку, они оставили эту картошку тем людям, которые сюда приедут. Как знак доброй воли, что будете жить в моем доме — как знак гостеприимства⁶⁹.

Я не знаю, правда это, неправда, но почему-то вот она постоянно говорила, что они были так благодарны — колодцы — было все продумано. «...» Ну, то есть это вот, она говорит: мы вот приехали — не то что они приехали и там начали строить — они приехали и начали жить⁷⁰.

Тем не менее существует и другая трактовка того же мотива, объясняющая оставленные следы не актом доброй воли, а верой в скорое возвращение.

В 1939-м году они пришли, в 1940-м — они ушли. Когда русские в 1939-м пришли, финны ничего не увозили, они знали, что вернутся, они были уверены в этом. Когда в 1940-ом, 1941-м наших опять погнали, то нашим дали 2 часа что ли людям. Телеги по этой улице шли, а здесь, на этих местах, сидели автоматчики и пулеметчики. Они их провожали, и неизвестно, когда будет дана команда «Огонь»⁷¹.

Ну, они же стихийно в 1944 году... Они же практически от горячих печей. Ну, варили, например. Война-то шла, и шли такие сильные бои. Я так понимаю, что они до последнего были уверены, что они никогда не отдадут этот город⁷².

Стоит заметить, что не все истории повествуют о сохранности покинутого имущества и благородстве беженцев; редкие, но встречающиеся в наших интервью нарративы, напротив, рисуют финнов мстительными и жестокими. Е. Мельникова, ссылаясь на архивную работу В. Макаровой, говорит о вариациях на тему страха перед финнами, а именно наиболее частых мотивах этих рассказов: «финны, приходившие в свои дома», «спрятанные продукты», «клады» [Мельникова 2009: 9].

И люди просто оставляли здесь целые дома, хутора, многие закапывали свое имущество и партизанскими тропами уходили в Финляндию, а потом этими же тропами возвращались, могли даже убивать русских, которых заселяли в эти дома. Ну, то есть просто в качестве мести. Забирали свое имущество обратно и его уносили через границу спустя год или полгода⁷³.

Финны по-разному уходили. Кто-то хотел напакостить. Были такие случаи, что резали скот и забивали колодец битым скотом⁷⁴.

⁶⁸ Аноним, м., 1965.

⁶⁹ Аноним, м., 1965.

⁷⁰ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁷¹ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

⁷² Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

⁷³ Бюлер Валерия Евгеньевна, 1993.

⁷⁴ Аноним, м., 1965.

Однако, как известно, не все финны покинули завоеванную территорию; были и те, кто вопреки всему («...по рассказам, когда финны отсюда уходили, была пропаганда, что придут русские, будут резать, убивать, насиловать, чтобы люди снимались и уходили»⁷⁵) решили остаться. Сегодня их количество составляет не более 3% всего населения Сортавальского района.

Знаю, что после 1945 года многие финны, которые имели финские фамилии, меняли свои фамилии на русские. Мой папа тоже шутил «Я Юра Тимощенко, а если придут финны, я буду Юрва Тиммонен»⁷⁶.

Финны не все ушли с территории. Многие остались. У меня допустим, братья и сестры двоюродные, которые здесь живут в Сортавала — они финны полностью. У них фамилия Повилайнен. Какие-то семьи оставались. Ну, не захотели бросать свою родную землю⁷⁷.

...когда, я так понимаю, что во время войны наступала Красная армия, вот, и в 24 часа нужно было всем финнам убраться из города, мой прадед собрался уходить, а прабабушка моя, Хелья, с детьми, сказала, что она не бросит свое хозяйство и она никуда не пойдет. Вот. И он ей пообещал, что он устроится в Финляндии и за ней вернется. «...» Бабушка, прабабушка моя до конца своих дней терпеть не могла русскую речь. Она, в основном, по-фински разговаривала, дети все знали финский язык. Очень переживала, что ее бросил муж и что у нее жизнь такая⁷⁸.

Одна из крупнейших исследовательниц города Екатерина Мельникова отмечает: «Представление о том, что финская история Приладжья была его "золотым веком" вполне типично для местной интеллигенции», более того, «ностальгический нарратив об уходе "золотого века" и утрате территорией своей культуры стал основной интерпретативной рамкой для репрезентации истории края» [Мельникова 2015: 24–29]. В рассказах наших собеседников эта мысль находит подтверждение: воспоминания об утерянном благополучии городской среды приобретают характер ностальгических нарративов об утерянном финском наследии, которое удавалось сохранять советским переселенцам, но оказалось совершенно забытым в современной Сортавале.

...отношение, конечно, несколько другое сейчас к порядку, к чистоте, чем тогда было. Там каждая улица была прикреплена, рабочий утром в пять утра выходил, все подбирал — окурочки, значит, или что, листики осенью, выметал все чистенько, хорошо. А сейчас мы утром идем — никто ничего не подмел, никто ничего не убрал, что накидали, что набросали там, значит. Потом, если тракторок пройдет, значит, вычистит, то хорошо, зимой снежок выкинет, а так...⁷⁹

...я нашла высказывание одного из бургомистров, который пишет, что город был настолько опрятненький, чистый, с красивой архитектурой, что у меня никогда как у бургомистра не было к местным жителям замечаний, в каком порядке они его содержали. Город содержали жители, которые проживали, они отвечали за чистоту. Это было их, а они воплощали их мечты⁸⁰.

⁷⁵ Аноним, м., 1965.

⁷⁶ Аноним, м., 1965.

⁷⁷ Аноним, м., 1965.

⁷⁸ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

⁷⁹ Гюгтуев Иван Михайлович, 1938.

⁸⁰ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

Чем глубже я в историю города погружаюсь, тем больше я понимаю, как финны город любили. Не потому что я поклонница финнов, нет. Я просто понимаю, как нужно нам поменять менталитет. Нам нужно любить город. Просто не бросать фантики, и все элементарно. А то бывают такие ситуации, весной особенно, у меня экскурсию заказывают по городу, и я с внучкой иду со старшей и убираю мусор по тому пути, по которому пройдем. Ну, на другой день идешь — опять все в мусоре⁸¹.

Сегодня эта особенность формирует противоречие — своего рода проблему идентичности: где мы — в России или в Европе? Хотя на этот вопрос каждый отвечает по-своему, материальное наследие, доставшееся переселенцам от прошлых хозяев, безусловно, формирует особое понимание того, что такое Сортавала и кто такой сортавалец.

У людей постоянно сравнивается жизнь в Финляндии и в России, и в принципе ведется такая идеологическая борьба по поводу того, что почему Сортавала все-таки русский город, а не финский, вот если бы мы жили в Финляндии, то было бы гораздо лучше⁸².

САМЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ГОРОД КАРЕЛИИ

В конце XIX века Финляндия по уровню жизни была самой высокоразвитой частью Российской империи. Это касалось и уровня жизни и общей грамотности финского населения, которое среди 14 крупнейших народов России в этом отношении занимало первое место [Пашков 2017: 56]. Сортавала, входившая в состав Восточной Финляндии в период своего интенсивного развития, сохранила часть этого прошлого, благодаря которому до сих пор ощущается местными жителями как самый европейский город Карелии, с наибольшим количеством сохранившихся финских памятников архитектуры⁸³.

Во-первых, наш город, он ближе к европейскому. Вот даже приезжают когда из Петрозаводска, вроде бы Петрозаводск — столица. И они все: ах, какой у вас город — мы попали в Европу! Начинают бегать-прыгать, фотографировать. Ну, я думаю, что и культура. То есть Сортавала, он всегда был на уровень выше по культуре⁸⁴.

Конечно, ну, на мой взгляд, это наиболее такой колоритный город [в Карелии]. Ну, как бы все имеют свою уникальность и так далее, но он наиболее как бы такой яркий в плане, что в нем очень много собрано — и исторических, так сказать, моментов, и культуры и искусства, там, и...⁸⁵

Однако, если хорошо сохранившееся в городе финское архитектурное наследие выделяет его на фоне других карельских территорий, качество городской среды, а вместе с тем и развитие культуры в городе с довоенных времен претерпело значительные изменения не в лучшую сторону. Тем не менее наши собеседники считают, что тенденция последних лет (поддерживаются инициативные проекты, развиваются творческое и интеллектуальные сообщества, проводятся крупные мероприятия и т. д.) возвращает городу право называться культурной столицей Карелии.

⁸¹ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

⁸² Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.

⁸³ Чалых Василий Сергеевич, 1993.

⁸⁴ Луцник Татьяна Анатольевна, 1961.

⁸⁵ Рыстов Виталий, 1961.

И когда меня спрашивают мои однокурсники: ты в Сортавала живешь? Блин, так у вас же там такая движуха! Я говорю: да кто движуху делает — мы делаем движуху! [Смеется.] Ой, слушай, мы, говорит, у вас будем в Сортавала, в Сортавала к вам приедем на фестиваль — блин, можно там у вас остановиться? Я говорю: конечно, да, потому что действительно движуха. И жить в Сортавала — это не стыдно⁸⁶.

Постоянно привозят сюда какие-то крупные события в последнее время, то есть ралли, гонки какие-то. «Северный лес», баха (официально признанная разновидность ралли-рейда — Э. М.) — это гонки, именно мировой этап, и он проходит здесь⁸⁷.

В этом отношении Сортавала противопоставляется официальной столице — Петрозаводску, как Санкт-Петербург и его культурно-историческое наследие противопоставляется Москве («Санкт-Петербург — культурная столица России», «Сортавала — культурная столица Карелии»).

Мне так казалось, мы ближе к Питеру были... Ну, это мое восприятие. [Смеется.] Там какие-то все более деревенские, а мы, сортавальцы, более развитые⁸⁸.

Вообще Сортавала, наверное, в Карелии мой самый любимый город, потому что он более передовой. У нас есть своя история. В Петрозаводске история своя, у них там история молодая, а у нас город считался всегда как город-курорт. У нас же считался и у финнов тоже город-курорт. Мы жили на Ладого, у нас немножечко мягче люди, добрее, интереснее история — у каждой там семьи своя история была. Мне кажется, что наш город более интересен. Ну, у каждого города своя, наверное, песня, но у нас своя вот такая. Мы никогда не делили на города, но тем не менее...⁸⁹

Связь с Северной столицей России прослеживается и в плане миграционных потоков⁹⁰. Большая часть молодого населения предпочитает переезд в Санкт-Петербург учебе в Петрозаводске, который не воспринимает как улучшение жизненных условий («...если сравнивать начинать с Петрозаводском, который является столицей Карелии, то мы-то гораздо ближе к Петербургу, начинаем говорить: мы ближе к Финляндии, у нас возможностей гораздо больше»⁹¹). Нередки и случаи, когда Сортавала становится новым местом жительства бывших петербуржцев («Хотя, с другой стороны, очень многие петербуржцы переезжают — продают все имущество в Петербурге и здесь настолько хорошо укореняются»⁹²).

Увидев Сортавалу впервые в 1993 году, я очень полюбил ее. И, устав от жизни в мегаполисе, вознамерился поселиться в (тогда еще!) тихом, уютном прибрежном городке. К тому же были прагматические причины. Близость к сезонной работе и невысокая по сравнению с Петербургом стоимость жилья. На полученную в наследство от отца комнату я приобрел новый русский автомобиль, джинсовое пальто и двухкомнатную квартиру в центре Сортавалы, в историческом Доме Леандера 1890 года постройки⁹³.

⁸⁶ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁸⁷ Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.

⁸⁸ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

⁸⁹ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

⁹⁰ Этим процессам способствует и налаженное за последние годы транспортное сообщение между городами.

⁹¹ Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.

⁹² Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

⁹³ Путешествие из Петербурга в Сердоболь. Интервью с жителем Сортавалы Виталем Рыстовым для газеты «Версия» [https://neva.versia.ru/kraeved-vitalij-rystov-o-slavnom-proshlom-i-slozhnom-nastoyashhem-karelskoj-sortavaly]

Вместе с тем Сортавала противопоставляется не только Петрозаводску, как официальной столице Карелии, но и другим районам республики (Лахденпохский, Питкярантский, Олонецкий и др.), преимущество над которыми ощущается и в плане культуры, и в плане развития городской инфраструктуры, а порой описывается в категориях «элитарности»:

Вот мы, мое детство, мы считали себя элитой. [*Смеется.*] Мое окружение — я не говорю про всех, я говорю: мы считали, что мы — элита. Вот Ландохи там, Питкяранта — ой, это вот они там, а вот мы — вот да, вот мы крутые, мы элита, мы Сортавала. Мы гордились, что мы из Сортавала⁹⁴.

Ну, у нас здесь, в Сортавала, остались какие-то дома, финские сооружения — ну, какие-то вот природные объекты больше, не знаю, выход на Валаам, ну, в Ладогу. Ну, как бы и с других есть этот выход. Но у нас более систематизировано, что ли. Поезд к нам ходит, автобусное сообщение. В Питкяранта нету поезда до сих пор. То есть он был — его перестали⁹⁵.

ЭЛИТАРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Идея элитарности сортавалцев и территории их проживания прослеживается и в исторических переселенческих нарративах. Она развивается в двух направлениях. С одной стороны, информация о высоком уровне жизни на бывших финских территориях, перешедших в пользование советских граждан, подкрепляется историями первых переселенцев. Одну из таких приводит С.Г. Веригин, публикуя воспоминания дочери переселенцев из Белоруссии в поселок Лахденкюля в Сортавальском районе.

В Карелии белый хлеб был на столе достаточно часто. Лучше и разнообразнее стала пища, поскольку было личное подсобное хозяйство: возделывали огород и держали скот. Не случайно после окончания Великой Отечественной войны эвакуированное из Северо-Западного Приладожья белорусское население активно стремилось вернуться в места довоенного вселения. Сделать это было непросто, поскольку местные власти в районах эвакуации, испытывая нехватку рабочих рук, всячески стремились оставить эвакуированных у себя. Мои родные с трудом вернулись в д. Лахденкюля из эвакуации из Кировской области в мае 1945 года [Веригин 2017: 47].

Из описания видно, что во многом принудительное переселение, преследующее прежде всего не частные, а государственные интересы, согласно которым необходимо было в срочном порядке заселять территории, находящиеся в спорном статусе («Утвердить свои позиции на "трофейных" территориях, какими стали бывшие финские земли, <...> можно было через заселение этих территорий советскими жителями, освоение и включение природных богатств в единый народно-хозяйственный комплекс Советского Союза» [Большакова 2009: 39]), воспринималось не как ссылка, а как улучшение жизненных условий.

С другой стороны, идея элитарности города трактуется не только через его довоенное финское прошлое. В процесс формирования современного городского общества интегрируется и советское прошлое, а

⁹⁴ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

⁹⁵ Машингина Анна, 1987.

именно — высококачественные разноплановые специалисты, которые наравне с выходцами из деревень были отправлены государством развивать новоприсоединенные советские территории.

Мы почему-то всегда считали, что мы более продвинутые были. Возможно, потому, что город заселили довольно-таки грамотные люди в свое время. То есть вот эти все Питкяранта, Лахденпохья, Хелюля, ну, Хелюля — наверное, это все-таки поселки. Мы считали, что это немножечко другой уровень жизни какой-то, может быть, другой уровень развития. (...) Мне почему-то казалось, что сортавальцы более грамотные, более развитые, более модные⁹⁶.

Заложенный в довоенный период финнами высокий уровень жизни, условия, которые государство стремилось создать для формирования нового советского общества, географические и природные особенности места, — все это привлекало в город не только специалистов в сфере сельского хозяйства и развитой в советское время промышленной индустрии. Сложившаяся у города репутация сделала из него «магнит» также и для творческой интеллигенции.

Здесь движуха какая-то, здесь уровень определенный есть. (...) Здесь, наверное, просто заложено — все-таки здесь такие люди всю жизнь жили в городе, да — мыслители, поэты, врачи, основатели каких-то течений философских, да, ну, я... Ну, вот понимаете, о ком я говорю, да. То есть здесь, наверное, как-то магнит какой-то есть вот именно для творческих людей, которые могут воплощать какие-то идеи, которые, я опять-таки возвращаясь, нельзя воплотить в большом городе в суете⁹⁷.

Промышленность

Очередным фактором, послужившим формированию идеи исключительности, элитарности и в некоторой степени столичной самодостаточности, стало богатое промышленное прошлое города.

Наверное, может быть, потому что мы были знамениты — СМЛК, мебельно-лыжный комбинат, он гремел на весь мир: эти лыжи, эти клюшки, эта мебель, она же везде была. Рыбозавод у нас был шикарнейший. У нас в городе было все. У нас были совхозы знаменитейшие, у нас Герои Социалистического труда совхозами руководили, понимаете? У нас такое довольно-таки было мощное хозяйство в самом городе и за городом. Швейная фабрика, которая шила на всю Россию, и за границу даже продавали. У нас мясокомбинат — шикарнейшие колбасы. Я просто вспоминаю свое детство — у нас было в городе все местное. Молокозавод — мороженое шикарное, молоко, сметана. Пивзавод — пиво, лимонады шикарные, шикарнейшие просто, понимаете? То есть все было свое⁹⁸.

Промышленная история Сортавалы начинается еще при шведах, которые в первой половине XVII века открыли на территории современного поселка Рускеала каменоломню. Сортавальский мрамор активно использовался при строительстве Санкт-Петербурга: Исаакиевский собор, полы Казанского собора, фасад Михайловского замка, подоконники Эрмитажа («Посмотрели колоколообразный, отлитый в 1862 году в Петербурге памятник "Тысячелетие России" на пьедестале из сердобольского гранита

⁹⁶ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

⁹⁷ Бережная Маргарита Леонидовна, 1974.

⁹⁸ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

(сейчас — сортавальского — г. Сортавала в Советской Карелии), работы художника Микешина...»⁹⁹), к XX веку камень отправляется на строительство финских городов (Сберегательный банк в Хельсинки) и участвует в строительстве самой Сортавалы (городская больница и местный ресторан). С 1960-х годов продукция завода отправляется по всему СССР (рускеальским камнем были облицованы станции метро «Приморская» и «Ладожская» в Санкт-Петербурге, павильоны ВДНХ в Москве и пр.) [Борисов 2010]. Несмотря на то что в 1990-е годы добыча сходит на нет (сегодня город выполняет лишь небольшие заказы на производство щебня), из промышленного центра каменоломни превращаются в туристический центр — на месте карьеров местных предприниматель построил одну из главных современных достопримечательностей города — горный парк «Рускеала».

«Рускеала», горный парк, рядышком, и тут, считай, центральное такое место в Карелии, которое притягивает туристов. Потому что есть остров Кижы, куда многие хотят попасть, и горный парк «Рускеала»¹⁰⁰.

Двумя столетиями позже, в один год с открытием учительской семинарии (1881), в городе была организована небольшая частная мастерская. На ее базе уже в советское послевоенное время (1958) вырастает Сортавальский мебельно-лыжный комбинат, ставший впоследствии своего рода промышленным брендом города¹⁰¹. Несмотря на широкий ассортимент, популярность на весь Советский Союз заводу принесли именно сортавальские лыжи «Карелия» с маркировкой СМЛК. Первым общественным признанием был крупный спецзаказ от сборной РСФСР, при том, что лыжи на тот момент производились в четырех крупных центрах: Ленинграде, Таллине, Кирове и Львове. Кроме прочих, одним из крупных заказчиков становится Советская армия. Доходит до того, что продукцию СМЛК начинают сравнивать с лучшими в мире лыжами финской фирмы «Ярвинен» и лыжами таллиннской фабрики «Динамо» [Бренды Советской Карелии].

Вообще, в советское время город был очень цветущий. Даже в плане экономики. Если говорить, у нас была очень хорошая промышленность. Мебельно-лыжный комбинат, знаменитый на всю Россию. Лыжи и клюшки. Я все время говорю, что нашими клюшками играла сборная Советского Союза по хоккею. Это вам не чихнуть!¹⁰²

У нас было 13 предприятий, начиная с мебельно-лыжного комбината Сортавальского — классные лыжи производили, мирового уровня лыжи производили, более 2000 работников было на одном предприятии...¹⁰³

Мы были знамениты — СМЛК, мебельно-лыжный комбинат, он гремел на весь мир, то есть даже эти лыжи, эти клюшки, эта мебель, она же везде была¹⁰⁴.

Сердобольский мрамор и сортавальские лыжи — два символа ушедшей эпохи, сохранившие свое значение в локальном тексте города: первый — отчасти благодаря предпринимателю, воссоздавшему место и оживившему

⁹⁹ Дневник Мариэтты Шагинян. Прожито. [https://prozhito.org/]

¹⁰⁰ Бюлер Валерия Евгеньевна, 1988.

¹⁰¹ Двумя десятилетиями ранее в Петрозаводске была открыта первая в СССР фабрика по производству лыж. Однако после эвакуации на Урал в 1941 году всех специалистов решено было направить на восстановление сортавальского производства, частично разрушенного в военное время.

¹⁰² Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

¹⁰³ Гюгтуев Иван Михайлович, 1938.

¹⁰⁴ Тимошенко Лариса Анатольевна, 1968.

память о нем, сделав туристическим брендом, второй — благодаря славному прошлому и накопленному за этот период символическому капиталу, укрепившему связь между городом и качественной продукцией, которую он производит, в головах людей далеко за пределами Карелии («СМЛК — лыжи, мы в Европе гремели!»¹⁰⁵).

Тем не менее локальный текст знает и менее знаменитые за пределами города, но не менее важные для местных жителей производства, формирующие современные ностальгические нарративы и отчасти особую локальную идентичность поколения горожан, чье детство, молодость и рабочая зрелость пришлось на 1960–1980-е годы.

Но самые, да, самые хорошие, конечно, у меня воспоминания связаны с детством и с юностью, вот эти [19]70—[19]80-е годы. <...> Мы второй город были после Петрозаводска. Потому что Костомукша еще только начинала обороты в [19]70-е, да, Питкяранта — тоже еще это новый город, а Сортавала же, ну, он был основан-то Екатериной II, это старинный город. <...> Все было — мы сами себя обеспечивали, сами. <...> Все, мы полностью себя: молоко — пожалуйста, племзавод «Сортавальский» — пожалуйста¹⁰⁶.

Молокозавод, мясокомбинат, пивзавод, рыбозавод, хлебозавод. Все предприятия пищевые были. Они все город снабжали. В этом плане у нас вообще не было никаких проблем. Мы полностью снабжали себя¹⁰⁷.

В беседах о прошлом рассказчики вспоминают: сортавальский рыбозавод, швейную фабрику (она же — валяльная фабрика), Сортавальскую птицефабрику, на месте которой современный предприниматель построил местную достопримечательность — Исторический парк «Бастионь», книжную типографию «Дом Библии», пивоваренный завод, племсовхоз имени Дзюбенко (Сортавальский молокозавод), зверосовхоз за Риеккалансаари; кроме того, два хлебокомбината, мясокомбинат, асфальтовый завод, кожзавод¹⁰⁸, машиностроительный и металлургический заводы и др.

Швейная фабрика шила на всю Россию, и за границу даже продавали¹⁰⁹.

Даже в те времена масштабы Сортавальской швейной фабрики — боже ты мой, но и то это было грандиозно¹¹⁰.

А эти все площади, насколько глаз хватает, пустыри — это все стояли огромные курятники — там была птицефабрика. Сортавальская птицефабрика — это было яйцо¹¹¹.

У нас были совхозы с техникой шведской, представляете? Сельскохозяйственная техника на уровне капиталистических стран¹¹².

¹⁰⁵ Аноним, м., 1960.

¹⁰⁶ Аноним, м., 1960.

¹⁰⁷ Евсеева Маргарита Ильинична, 1960.

¹⁰⁸ Городское пространство сохранило следы промышленного прошлого в том числе и в народной топонимике: «А здесь была развилка, не развилка, а остановка "Кожзавод". Мы еще были маленькие — мы не знали, что такое "кожзавод". Кожзавод да кожзавод. Оказывается, там кожанная фабрика, и ее по старинке так и называли — "Кожзавод". [А там уже не было, конечно, ничего, да?] Да нет, конечно, при нас уже ничего там не было. Ну, как бы старое название осталось» [Берая Лейла Тентизовна, 1967].

¹⁰⁹ Тимощенко Лариса Анатольевна, 1968.

¹¹⁰ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

¹¹¹ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

¹¹² Силкина Алла Михайловна, 1956.

Первая ключевая черта этих ностальгических нарративов — фокус на изобилии, которое делает потребление легким, а в некоторых историях доводит эту легкость до крайностей, заставляя задуматься: реальный это факт или ироническая манифестация изобилующего «золотого века».

...самое свежее пиво, вот где магазин, там ресторан «Волна», там, значит, балкон, открытый на всю длину, метров где-то, наверное, 30—40 такой, там столики, стульчики — свежее пиво. Даже в свое время был провод с пивзавода в этот ресторан. Свежее пиво поступало. Вот так¹¹³.

Вторая черта — фокус на исключительном качестве всей производимой в городе и Сортавальском районе продукции. Причем уникальность и конкурентоспособность она сохраняет и за пределами республики — в двух столицах, которым не уступает в плане профессионализма, а в некоторых комментариях наших рассказчиков даже превосходит.

Вы попробуйте отработать смену на швейной фабрике. У 1000 сорочек зашить манжеты. Швейная фабрика давала такое качество, что если уголки воротника один от другого ниже на 2 миллиметра — это считалось брак. Вот такое было качество. Даже когда ездили в Москву на какие-то выставки, там поражались¹¹⁴.

Колбаса делалась, отправлялась в Питер. В городе мало мяса продавалось. Люди садились на паровоз, ехали в Питер, затаривались по полной колбасой и мясом и ехали назад домой со штампом «Сортавальский мясокомбинат»¹¹⁵.

Репутация советской промышленности в городе была чрезвычайно высока; в некоторых интервью прослеживается заметная конвертация ценностей: если раньше финское прошлое города воспринималось утерянным «золотым веком» с недоступными простому русскому народу технологиями и высокой культурой, к 1990-м годам влияние извне (приграничное сотрудничество) воспринимается уже как нежеланное и ненужное вторжение.

Что я помню по производству. Пришел этот Горбачев, а перед его приходом фабрика сменила всю технику на японскую. Японские станки с числовым программным управлением. Мама обожала оверлок фирмы Juki. Такая она была замечательная, так хорошо все делала. Я помню эти машины для пришивания пуговиц. Много было таких вещей. Постоянно родители чему-то обучались, постоянно ездили на какие-то курсы. Это нельзя так думать, что сидели. Скребли там что-то, нет — технологии были очень высоки. Ну, и началось это приграничное сотрудничество — сейчас финны придут и нас научат, как шить, как лес растить. Сейчас они все научат. Пришли финны. Развалили все. Единственный цех, который долго существовал, — совместное предприятие — в конце концов и он. С чего началась дружба с финнами — они приказали уничтожить все эти Juki. Были сняты все станки, и бульдозерами были размяты в присутствии финской делегации, что они якобы будут все модернизировать. У меня отец плакал. Он не знал, как эту Juki утащить домой, потому что, представляете, как пахарю свой трактор уничтожить¹¹⁶.

В связи с этим одним из актуальных вопросов, вызывающих неоднозначную реакцию у горожан, становится вопрос о главенствующем направлении в развитии города: следует ли возрождать прославляемое промышленное советское прошлое или вернуться к финской концепции города-курорта и

¹¹³ Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

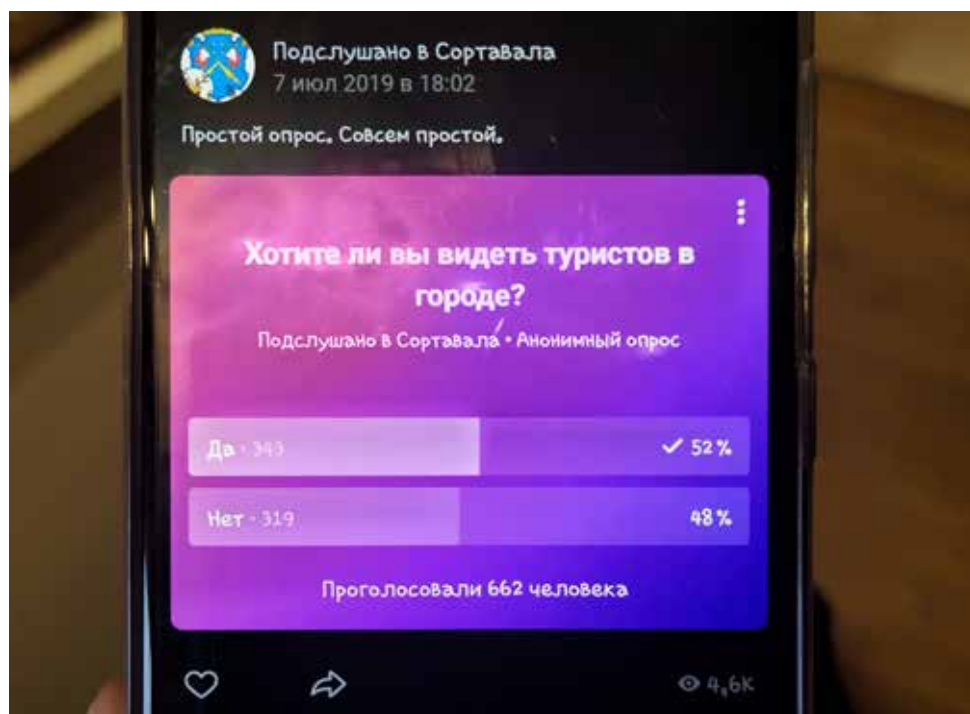
¹¹⁴ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

¹¹⁵ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

¹¹⁶ Перминова Елена Анатольевна, 1970.

развивать туристический потенциал места. С одной стороны этой дискуссии — ностальгические нарративы тех, кто застал утраченное советское наследие, с которым, на их взгляд, современность не выдерживает конкуренции, с другой — молодежь и современные предприниматели, для которых это утраченное наследие — рудимент изжившей себя эпохи, не вписывающийся в современные реалии.

Если сегодня спросить обычного горожанина, нужен ли туризм, почему-то каждый говорит: нужно предприятия, значит, развивать. <...> Да, хорошо, берем мы наш местный рыбозавод. Долгое время рыбозавод как государственное предприятие стоял закрытый. Приехали инвесторы, выкупили. Ну, лет десять назад выкупили рыбозавод и настроили линию по изготовлению там крабовых палочек и так далее. <...> И вы удивитесь — ведь местное население не пошло работать, людей привозили чуть ли не из Лахденпохского и Питкярантского районов на автобусах. Какие предприятия мы хотим видеть в Сортавала?¹¹⁷

Илл. 3. Голосование «Хотите ли вы видеть в городе туристов?» в общественной группе «Подслушано в Сортавала» за 2019 год. В процессе интервью показывает Александр Валентинович Тестов, иллюстрируя актуальную для города дискуссию

Аргументом последних становится тот факт, что еще при финнах Сортавала имела репутацию города-курорта: ее называли «финской Ривьерой» и «карельской Швейцарией» [Изотов 2008-1: 170]. Сегодня Сортавала — второй после Петрозаводска туристический центр Республики Карелия. Кроме того, город участвует в международном туристическом маршруте «Голубая дорога» (от Норвегии через Швецию и Финляндию до карельского города Пудожя). Однако сегодня Сортавала — это прежде всего

¹¹⁷ Ткачёва Елизавета Владимировна 1973.

территория транзита («Для большинства путешественников Сортавала — не более чем “ворота” Валаама»¹¹⁸). Через город проходит транзитный водный путь на Валаам — остров в северной части Ладожского озера, и вместе с тем одно из двух самых приоритетных туристических направлений региона (наряду с более молодой достопримечательностью — горным парком «Рускеала»). Если в воспоминаниях 1970–1980-х годов городской пирс заставлен лодками и катерами местных жителей, то в рассказах, рисующих эту же территорию сегодня, она заставлена туристическими автобусами, быстросходными «Ракетами» и теплоходами, направляющимися на Валаам.

Культ воды и природы

Нарратив об исключительности Сортавалы включает еще один ресурс — географическое положение, которому город обязан не только своим приграничным статусом, но и богатой природой, а в особенности — водным пространствам.

Вообще у нас очень красиво. (...) Думаю: «Боже мой, ну какой он, какой он красавец. Не потому, что не видно людей и грязи. [*Смеется.*] Нет, потому что он реально красивый, красивый. (...) ...если глобально смотреть, где такую красоту найдешь еще? Природа и обустроенность такая — в гармонии все. В гармонии. И вода, Ладога — Ладога, стихия просто, Ладога, леса»¹¹⁹.

...мы всегда ценили эту красоту. Я приезжаю, отдыхаю душой, когда куда-то уезжаю, я просто скукаю по своему городу, и я никогда в жизни отсюда, наверное, не смогу уехать. (...) Вы знаете, приезжаем мы в Кивач. Ну разве это водопады? Надо — приедьте к нам, съездите на наши водопады¹²⁰.

Территория, на которой расположен город, прилегает к северной части Ладожского озера, в связи с чем Сортавала в силу экономического и культурного превосходства над другими городскими центрами региона зовется столицей Северного Приладожья (этот локальный мотив активно используется в городской топонимике: гостиница «Ладога», ресторан «Ладога», газета «Ладога», санаторий «Ладога» и пр.). Помимо Ладоги, Сортавала окружена еще тремя крупными озерами: Хюмпелянярви, Кармаланярви и самым маленьким — Айранне.

Ключевой мотив воспоминаний о советском прошлом города описывается одной фразой: «Почти в каждой семье был свой катер». Она встречается практически в каждом интервью с теми, кто застал город в период его советского расцвета — в 1970–1980-е годы, — и, как правило, сопровождается рассказами о двух главных городских пирсах (городской пирс у школы № 1, пирс в районе гостиницы «Пийпун Пиха»), буквально заполненных катерами («Казанки» и «Прогресс») и хозяевами, желающими выехать на Ладогу.

Это был пирс городской. Там стояло офигительное количество лодок — у каждой практически семьи: как сейчас машины есть, а у каждой практически семьи была лодка. Там был у каждой лодки ящик с замком. И вот эти лодки стояли там на привязи — я просто ходила с папой туда. Мы спускались с этой стороны, все женщины и дети, и папа брал там лодку и приплывал к нам — там был пирс, такой небольшой,

¹¹⁸ Отзыв на LiveJournal [<https://varandej.livejournal.com/257171.html>]

¹¹⁹ Берая Лейла Тентизовна, 1967.

¹²⁰ Тимошенко Лариса Анатольевна, 1968.

пристань такая небольшая, и все туда садились — женщины и дети с котомками, и ехали¹²¹.

Был период, когда практически у каждого сортавальца дома был катер. «...» У нас было два огромных пирса, на которых — ну, я не знаю, там были тысячи этих катеров¹²².

Катеров было — я боюсь сказать, но в пределах где-то четырех тысяч. Два пирса — пирс у шестой школы и пирс у первой школы. Катера, катера, катера. Как пятница — один шум моторов: народ весь выезжал. На «Прогрессах»¹²³.

До появления моды на отдых на дачах землю под строительство которых стали выдавать в том числе на островах¹²⁴, в Сортавале был период так называемого культа воды. Нарративы, описывающие это время, повсеместно используют слова: «детство», «лето», «выходные», «острова», «стоянки». Массовость и популярность семейных поездок на Ладожские шхеры, описывается фразой: «...просто считалось, наверное, неприличным — ты не был на Ладоге в выходные»¹²⁵.

У нас все детство прошло на Ладоге. Каждую пятницу после работы мы садились на лодки — у нас был «Прогресс», у папы с мамой, у дедушки с бабушкой и у дяди с тетей. И вместе с ними вот этим всем аулом мы выезжали на острова. Каждые выходные — в пятницу мы выезжали, после работы родители собирали нас всех, и приезжали мы в воскресенье. И так все детство. В сезон¹²⁶.

Мы в пятницу — дети, — уже купив продуктов, сидели, ждали родителей с работы. Приходили родители, мы шли на посадочную площадку, отец заходил на пирс, сдавал пропуск, брал нашу лодку. Которая висела под мотором. Все охранялось. Это европейский уровень жизни тут был. Садился отец в лодку, подъезжал к лодочной станции, загружал нас, заливал бензин, и мы ехали в Ладогу. Все сортавальцы были в Ладоге¹²⁷.

Летом, летом каждый выходной — [отдыхали] на островах. Каждый выходной. Если в пятницу поздно выехал, вот тут такой лабиринт заливов, островов, пока километров восемь, наверное, до выхода в Ладогу здесь, заливы, заливы, заливы, — все занято. Все места хорошие, все скалки заняты, народ всегда летом отдыхал только тут, на островах¹²⁸.

Отсутствие административных запретов на пользование островной территорией позволяло горожанам обживать эти незаселенные места, создавая своими силами инфраструктуру для комфортного отдыха. При этом отсутствие внешнего регламента со стороны государства развивало внутреннее негласное законодательство: сортавальцы оставляли за собой право занимать («столбить») определенные участки, строили на выбранных местах бани и сараи для хранения имущества.

121 Тимошенко Лариса Анатольевна, 1968.

122 Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

123 Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

124 «Хавус — это один из островов, который имел свой, например, хутор — ну, финны селились так. Там было несколько домиков. И вот, например, люди дачу ставили там недалеко от фундамента, от старого фундамента финского. Там, где стоял дом, где скотный двор у них был, всё-всё-всё» [Берая Лейла Тенгизовна 1967].

125 Ткачёва Елизавета Владимировна, 1973.

126 Тимошенко Лариса Анатольевна, 1968.

127 Перминова Елена Анатольевна, 1970.

128 Гюттуев Иван Михайлович, 1938.

Практически в этот летний период большинство сортавальцев, они ездили на эти острова. Кто имел свои места. Кто-то строил какие-то сараюшки, какие-то бани прямо на островах. Тогда не требовалось никаких разрешений на строительство. Они просто облюбовали место, туда ездили и решили себе благоустроить место, сделали баню и сарай, чтобы там что-то хранить. И это было такой традицией горожан в Сортавала, именно в [19]70—[19]80-е годы¹²⁹.

С наступлением перестройки заканчивается эпоха «водной Сортавалы»; на смену «культу воды и природы» приходят опустевшие полуразрушенные пирсы. Причин к подобным переменам упоминается множество: повышение цен на бензин, лодки и катера — отныне путешествия по шхерам на своем транспорте становится занятием «не для бедных», пирсы перестают охраняться — теперь оставлять транспорт на них становится небезопасным, на традиционное для всего города занятие — рыбную ловлю — налагаются запреты и ограничения, большая часть земель, которая раньше была в общественном пользовании, переходит к частным лицам: территорию начинают застраивать элитными коттеджами, кроме того, в результате появления широкого и доступного выбора направлений на современном туристическом рынке отдых на Ладожских шхерах перестает с прежней силой привлекать новое поколение горожан, сохраняя черты «золотого века» лишь для старших сортавальцев.

Сегодня Ладога — это прежде всего территория транзита. Сортавала — второй после Петрозаводска туристический центр Республики Карелия. Тем не менее эти обстоятельства не лишают местные природные ресурсы уникальности, напротив — изменения, произошедшие в городе за последние десятилетия, подчеркивают эту уникальность с еще большей интенсивностью.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Война поделила историю города на две части: финскую и советскую. С уходом в 1940-е годы финского населения прерывается та часть памяти, которая связывала место с его жителями все предыдущие годы. Новоприбывшие получают в наследство землю с историей, которую могут «читать» лишь по сохранившимся артефактам, переданному материальному наследию, для которого даже не всегда имелось название. Лишь спустя половину века эти люди получают возможность углубить свои знания и обогатить «финскую память» о месте благодаря прежним хозяевам и их потомкам, пожелавшим вернуться к покинутым наспех домам; вместе с тем приходит понимание и осознание европейского прошлого города. Параллельно этим процессам с 1940-х годов идет формирование собственной советской истории места — биографической памяти, сохранившейся в личных и семейных историях первопоселенцев; она также подключается к созданию образов города, сохранившихся сегодня в нарративах старшего поколения. Описанные в работе мотивы исторической памяти Сортавалы, безусловно, не исчерпывают всего многообразия смыслов, заложенных в локальном тексте. Тем не менее мы надеемся, что представленный материал будет полезен всем, кто интересуется народной историей города и факторами, формирующими особое самоопределение местных жителей.

¹²⁹ Ширманов Артур Эдуардович, 1972.

Список литературы

- Басова, Д. В. (2015). Старая Ладога — «воображаемая» столица России. *Сравнительная политика*, 4(21), 94–96.
- Большакова, Г. И. (2009). Со слов дедов и отцов: из истории заселения и освоения Карельского перешейка советскими переселенцами в 1940-е годы. *Общество. Среда. Развитие (Terra Humana)*, 2(11), 35–43.
- Борисов, И. (2010). *Рускеальские каменоломни — путеводитель и историческая справка*. Режим доступа: <https://www.go2walk.ru/2011/ruskealskie-kamenolomni-opisanie-istoria/>
- Бренды Советской Карелии. СМЛК. Составитель В. Рыстов по материалам № 11/12 альманаха «Сердоболь» и др. Режим доступа: <https://vk.com/@-161842992-brendy-sovetskoi-karelii-smlk>
- Веригин, С. Г. (2017). Заселение и экономическое освоение г. Сортавалы и его окрестностей в 1940–1941 годах. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 7(168), 42–48.
- Дубровская, Е. Ю. (2008). Российские военные власти и Сердобольская учительская семинария: противостояние в карельском приграничье в начале XX в. // *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования*. Вып. 1. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 28–36.
- Илюха, О. П. (2020). Восприятие и освоение детьми запретных и таинственных мест в новом советском городе: случай послевоенной Сортавалы. *Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология*, 58, 129–143.
- Илюха, О. П., Муллонен, И. И. (Ред.). *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования*, 1, 28–36.
- Изотов, А. Б. (2005). Финны в послевоенной Сортавале. Т. Ю. Бердяева, С. Г. Веригин, А. М. Пашков (Ред.). *Сортавальский исторический сборник. Материалы международной научно.-просветительской краеведческой конференции «370 лет Сортавале»*, 1, 202–210. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ.
- Изотов, А. Б. (2008-1). Магия Сортавалы: пространственно-временные и культурные образы города. *Вестник Евразии*, 2008(1), 149–202.
- Изотов, А. Б. (2008-2). Повседневная жизнь пограничного города: послевоенная Сортавала. О. П. Илюха, И. И. Муллонен (Ред.). *Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования*, 1, 53–64. Петрозаводск: КарНЦ РАН.
- Итконен, Х., Шикалов, Ю. Г. (2017). Формирование и развитие гражданского общества в г. Сортавале (1880–1939). *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*, 7(168), 49–55.
- Мельникова, Е. А. (2009). Своя чужая история: финская Карелия глазами советских переселенцев. *Неприкосновенный запас*, 2009(2), 55–75.
- Мельникова, Е. А. (2014). Воспоминания об «исходе» и этническая идентичность финнов-ингерманландцев в переселенческой Карелии. *Материалы полевых исследований МАЭ РАН*, 14, 51–70.
- Мельникова, Е. А. (2015). Локальное прошлое на границе национального: краеведческие музеи Северного Приладожья в постсоветское время. *Антропологический форум*, 2015(25), 9–41.
- Мельникова, Е. А. (2017). Локальное и национальное в пространстве городского праздника: день города и песенный фестиваль в г. Сортавала. В П. Суутари, И. Мошников, Ю. Шикалов, О. Давыдова-Менге (Ред.). *Гибкие этничности. Этнические процессы в российско-финляндском приграничье*, 72–105. СПб.: Нестор.
- Мельникова, Е. А. (2019). Финские кладбища в России: кросс-границные группы памяти и новый моральный порядок. *Антропологический форум*, 2019(43), 11–40.
- Мельникова, Е. А. (Ред.), Макарова, В. Ю., Мельникова, Е. А., Филичева, О. Н., Хакампес, П., Хаккарайнен, М. В. (Сост.). (2005). *Граница и люди. Воспоминания советских переселенцев Приладожской Карелии и Карельского перешейка*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета.
- Михайлова, Л. В. (2016). Сортавала — Сердоболь. Топонимика. *Русская речь*, 2016(3), 102–107.

- Окунев, И. Ю., Басова Д. В. (2016). Столицы без актуальной государственности: опыт эмпирического исследования в Старой Ладогe, Касимове и Мышкине. *Вестник МГИМО-Университета*, 4(49), 248–261.
- Окунев, И. Ю., Еряшев, Н. И. (2018). Исторический нарратив «столичности» и формирование городской идентичности жителей Самары. *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, 2018(1), 122–131.
- Пашков, А. М. (2017). Сортавала глазами русских путешественников конца XIX — начала XX века. *Ученые записи Петрозаводского государственного университета*, 7(168), 56–61.
- Сортавальское городское поселение. Генеральный план. Материалы по обоснованию проекта. Режим доступа: <https://m.xn--80aaagdg6ctabtdlq.xn--p1ai/files/443.pdf>
- Тимофеев, М. Ю. (2011). Брендинг городов современной России: семантика и прагматика // *Вестник Ивановского университета*, 2011(2), 37–46.
- Шикалов, Ю. Г. (2017). «Финское наследие» в советской действительности Сортавалы. *Ученые записи Петрозаводского государственного университета*, 7(168), 62–67.
- Laine, J. (2016). Preface: Remapping Sortavala from below. In A. Izotov (Ed.). *Soviet identity politics and local identity in a closed border town, 1944–1991*, 7–10. Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University.

References

- Basova, D. (2015). Old Ladoga: An ‘imagined’ Russian capital. *Comparative Politics Russia*, 4(21), 94–96. (In Russian).
- Bolshakova, G. (2009). In the words of the grandfathers and fathers: From the history of the settlement and development of the Karelian Isthmus by Soviet settlers in the 1940s. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*, 2(11), 35–43. (In Russian).
- Borisov, I. (2010). *Ruskeala quarries - a guide and historical information*. Retrieved from <https://www.go2walk.ru/2011/ruskealskie-kamenolomni-opisanie-istoria/> (In Russian).
- Brands of Soviet Karelia. SMLK*. Compiled by V. Rystov based on materials No. 11/12 of the Serdobol anthology and others. Retrieved from <https://vk.com/@-161842992-brendy-sovetskoi-karelii-smlk> (In Russian).
- Dubrovskaya, E. (2008). Russian military authorities and Serdobol teachers’ seminary: Confrontation in the Karelian border region at the beginning of the 20th century. In *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Humanities research. Issue 1*, 28–36. Petrozavodsk: Karel’skiy nauchnyi tsentr RAN. (In Russian).
- Ilyukha, O. (2020). Perception and development of forbidden and mysterious places by children in the new Soviet city: The case of post-war Sortavala. *St. Tikhon’s University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology*, 2020(58), 129–143. (In Russian).
- Ilyukha, O., Mullonen, I. (Eds.). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Research in the humanities*, 1, 28–36. Petrozavodsk: KarRC RAS. (In Russian).
- Itkonen, H., Shikalov, Yu. (2017). Formation and development of civil society in Sortavala (1880–1939). *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7(168), 49–55. (In Russian).
- Izotov, A. (2005). The Finns in post-war Sortavala. In T. Berdyaeva, S. Verigin, A. Pashkov (Eds.). *The Sortavala historical collection: Materials of the international research and educational conference on local lore “The 370 years of Sortavala”*, 1, 202–210. Petrozavodsk: Izdatel’svo PetrGU. (In Russian).
- Izotov, A. (2008). Everyday life of a border town: The post-war Sortavala. In O. Ilyukha, I. Mullonen (Eds.). *Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions. Research in the humanities*, 1, 53–64. Petrozavodsk: KarRC RAS. (In Russian).
- Izotov, A. (2008). The magic of Sortavala: Spatio-temporal and cultural images of the city. *Acta Eurasica*, 2008(1), 149–202. (In Russian).
- Laine, J. (2016). Preface: Remapping Sortavala from below. In A. Izotov (Ed.). *Soviet identity politics and local identity in a closed border town, 1944–1991*, 7–10. Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University.
- Melnikova, E. (2009). One’s own alien history: Finnish Karelia through the eyes of Soviet settlers. *Neprikosnovennyi Zapas*, 2009 (2), 55–75. (In Russian).
- Melnikova, E. (2014). Memories of the “exodus” and ethnic identity of Ingrian Finns in the

- settlers' Karelia. *Field research materials of the MAE RAS*, 14, 51–70. (In Russian).
- Melnikova, E. (2015). Local past on the border of the national: Local history museums of the Northern Ladoga region in post-Soviet times. *Anthropological Forum*, 2015(25), 9–41. (In Russian).
- Melnikova, E. (2017). The local and the national in the space of a town holiday: Town Day and song festival in Sortavala. In P. Suutari, I. Moshnikov, Yu. Shikalov, O. Davydova-Menge (Eds.). *Flexible ethnicities. Ethnic processes in the Russian-Finnish border area*, 72–105. Saint Petersburg: Nestor. (In Russian).
- Melnikova, E. (Ed.), Makarova, V., Melnikova, E., Filicheva, O., Hakamies, P., Hakkarainen, M. (Compls.). (2005). *The border and the people. Memoirs of Soviet settlers in the Ladoga region of Karelia and the Karelian Isthmus*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta. (In Russian).
- Melnikova, E. (2019). Finnish cemeteries in Russia: Cross-border memory groups and a new moral order. *Anthropological Forum*, 2019(43), 11–40. (In Russian).
- Mikhailova, L. (2016). Sortavala — Serdobol. Toponymy. *Russian Speech*, 2016(3), 102–107. (In Russian).
- Okunev I., Basova D. (2016). Capitals without relevant stateness: Empirical studies in Staraya Ladoga, Kasimov and Myshkin. *MGIMO Review of International Relations*, 4(49), 248–261. (In Russian).
- Okunev, I., Eryashev, N. (2018). Historical narrative of “metropolitanism” and the formation of urban identity of Samara residents. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2018(1), 122–131. (In Russian).
- Pashkov, A. (2017). Sortavala through the eyes of Russian travellers of the late 19th — early 20th centuries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7(168), 56–61. (In Russian).
- Shikalov, Yu. (2017). “Finnish heritage” in the Soviet reality of Sortavala. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7(168), 62–67. (In Russian).
- Sortavala municipal settlement. General layout. Validation of the design*. Retrieved from <https://m.xn--80aaagd6ctabtdlq.xn--p1ai/files/443.pdf> (In Russian).
- Timofeev, M. (2011). Branding of the cities of modern Russia: Semantics and pragmatics. *Ivanovo State University Bulletin*, 2011(2), 37–46. (In Russian).
- Verigin, S. (2017). Settlement and economic development of Sortavala and its suburbs in 1940–1941. *Proceedings of Petrozavodsk State University*, 7(168), 42–48. (In Russian).

«Столица русского Чернобыля»: НАРРАТИВ ЖИТЕЛЕЙ НОВОЗЫБКОВА О КАТАСТРОФЕ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА ГАВРИЛОВА ^[1]

✉ MARI AVL.GAVRILOVA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0003-0846-3408

^[1] РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

ГАВРИЛОВА, М. В. (2021). «Столица русского Чернобыля»: нарратив жителей Новозыбкова о катастрофе на Чернобыльской АЭС. *Фольклор и антропология города*, IV(1), 76–93. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-76-93.

Статья посвящена устной памяти жителей Новозыбкова Брянской области и основана на материалах, собранных во время экспедиции в этот город, прошедшей в сентябре 2020 года в рамках проекта «Народная история России». Одним из главных исторических событий, сформировавших современное лицо Новозыбкова, стала авария на АЭС в Чернобыле. Последствия этой катастрофы серьезно затронули Новозыбков, расположенный менее чем в 200 км от ее эпицентра. Хотя самого взрыва зыбчане не слышали, их город оказался на пути движения облака радиоактивной пыли, из-за чего он подвергся заражению, а немалая часть окружающих его территорий стала непригодной для проживания. Во время экспедиции рассказы жителей Новозыбкова об этих событиях часто звучали в интервью без наводящих вопросов со стороны собирателей. Анализ транскриптов интервью показал, что устные воспоминания зыбчан о последствиях Чернобыльской катастрофы содержат ряд общих сюжетных мотивов. Среди них — рассказы о «том самом» дне, о зловещих знаках и предчувствиях, о сокрытии истины местными властями, о случаях чудесного спасения от радиации, о связанных с заражением «репрессиях» и одновременно о поддержке со стороны Советского государства и др. Совокупность таких историй, повторяющихся во множестве интервью, можно рассматривать в качестве общего нарратива жителей Новозыбкова о Чернобыле. Этот нарратив стал не только выражением их общей эмоциональной оценки катастрофического события, навсегда изменившего Новозыбков, но и важной частью коллективной идентичности представителей данного локального сообщества.

Ключевые слова: Чернобыль, катастрофа, устная история, городской текст, нарратив

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20–1–036197)

NOVOZYBKOV RESIDENTS' NARRATIVE ABOUT THE CHERNOBYL DISASTER

Maria V. Gavrilova ^[1]

✉ MARI AVL.GAVRILOVA@GMAIL.COM
ORCID: 0000-0003-0846-3408

[1] RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

GAVRILOVA, M. (2021). "NOVOZYBKOV RESIDENTS' NARRATIVE ABOUT THE CHERNOBYL DISASTER. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, IV(1), 76–93. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-76-93. (IN RUSSIAN).

This article dwells on the oral memory of residents of the city of Novozybkov, Bryansk Region. It is based on the materials collected during the expedition to this city, which took place in September 2020 during the work on the project "The People's History of Russia". One of the main historical events that shaped the modern face of Novozybkov was the accident at the nuclear power plant in Chernobyl. The consequences of this disaster seriously affected Novozybkov, a city located in less than 200 km from its epicenter. Although the locals did not hear the explosion itself, their city found itself in the path of the cloud of radioactive dust, because of which the soil in the city was poisoned, and a large part of the surrounding territories became uninhabitable. During the expedition, the stories told by Novozybkov residents concerning these events were often heard in interviews without any leading questions from the collectors. Analysis of interview transcripts demonstrated that oral memory of residents about the consequences of the Chernobyl disaster contains a number of common motifs. For example, there are stories about "that" day, about ominous signs and forebodings, about how local authorities hid the truth, about cases of miraculous escape from radiation, about repressions due to radioactive contamination and at the same time about support from the Soviet state, etc. Such stories, repeated in many interviews, can be viewed as a collective narrative by the residents of Novozybkov about Chernobyl. This narrative became not only an expression of shared common emotional assessment of the catastrophic event that changed Novozybkov forever, but also an important part of the collective identity of people representing this local community.

Keywords: Chernobyl, disaster, oral history, urban text, narrative

В сентябре 2020 года я принимала участие в экспедиции в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» в городе Новозыбкове Брянской области. Наш исследовательский проект был сосредоточен на изучении устной истории городов, расположенных на границе России с соседними странами. Новозыбков хорошо вписался в группу выбранных нами городов¹, поскольку он расположен рядом с двумя границами — с Украиной и с Беларусью, и в течение всей своей истории был очень тесно связан с обоими этими культурными регионами. Если посмотреть на карту, видно, что Брянская область как бы внедряется на территории обеих сопредельных стран, а Новозыбков находится на самом кончике этого «мыса». В разное время он даже бывал включен в состав Черниговской (1808–1919 годы) и Гомельской (1919–1926 годы) губерний, которые располагались на территориях сегодняшних Украины и Беларуси.

¹ Другими объектами нашего изучения стали Советск, Сортавала, Печоры, Выборг, Архангельск и Мурманск.

Основанный в XVII веке беженцами-раскольниками, Новозыбков не раз оказывался местом действия важных исторических процессов и событий. Будучи официальным центром религиозной жизни русского старообрядчества, Новозыбков также входил и в черту оседлости. В результате как старообрядческое, так и еврейское купечество сыграло ведущую роль в бурном развитии промышленности, начавшемся здесь в середине XIX века. В 1941–1943 годы, во время немецкой оккупации, Новозыбков, как и вся Брянская область, стал одним из пунктов «окончательного решения еврейского вопроса» и одновременно с этим местом ожесточенной партизанской борьбы советских граждан с нацистами.

Во время экспедиции мы с коллегами записали 21 интервью с местными жителями разных возрастов, уровней образования и профессий. У нас не было цели собрать большое количество материалов — не только потому, что мы были ограничены во времени и ресурсах, но и потому, что для нас гораздо важнее было провести взятые нами интервью по всей нашей «производственной цепочке»: качественно расшифровать их, занести истории в базу данных, чтобы они появились в виде точек на интерактивной карте «Народная история России»², и, наконец, подготовить транскрипты разговоров с зыбчанами для публикации на сайте.

Нас интересовали не только тексты и практики, связанные с городскими объектами, но и устная история Новозыбкова и окружающих его территорий. Среди всех исторических событий, сформировавших самоощущение жителей Новозыбкова, одно занимает особое место — это взрыв на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года. Дело в том, что чернобыльская катастрофа, будучи происшествием планетарного масштаба, случилась относительно недавно — на памяти многих нынешних жителей, а ее последствия затронули их всех без исключения.

Новозыбков располагается в 184 км (по прямой) от Чернобыля — то есть он ближе всего к эпицентру радиационного заражения по сравнению со всеми остальными городами России. В день аварии на ЧАЭС ветер дул именно в сторону Новозыбкова, так что город оказался тем местом, где радиоактивное облако пролилось в виде осадков. Из-за этого Новозыбков и его окрестности получили максимальную на территории России дозу радионуклидов и гамма-излучения. Однако, в отличие от жителей многих других соседних селений, зыбчане не были эвакуированы после аварии, хотя всего лишь в одном километре к западу от городской черты начинается зона, признанная непригодной для проживания людей (где радиационный фон превышает 40 кюри/км²). Новозыбков — это самый крупный из двух сотен населенных пунктов Брянской области, входящих в «зону отселения», и это самый пострадавший от радиации российский город. По словам одной из наших информанток, это придает ему статус своеобразной «столицы» российской части зараженной территории вокруг Чернобыля.

Новозыбков столицей Чернобыля считается российского. Но здесь же еще первыми определили в России заражение³.

Во время разговоров с зыбчанами складывается впечатление, что авария на атомной электростанции стала для Новозыбкова той вехой, после которой жизнь города изменилась кардинально и навсегда.

² pastandnow.ru

³ СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

Повлияло на город у нас очень, и не в лучшую сторону, когда взорвался Чернобыль. С этого у нас город начал превращаться в деревню. Стали уезжать. «...» У нас же в городе, наверное, тысяч 60 населения было в то время, сейчас у нас 40, если есть⁴.

Чернобыльская авария нашла отражение в вернакулярных практиках и целом пласте устного народного творчества в Украине, в Беларуси и России. Фольклору о Чернобыле посвящен ряд научных исследований, среди которых наиболее известны работы о черном юморе на тему последствий катастрофы [Kürti 1988, Fialkova 2001] и о «чернобыльской» конспирологии [Astarova 2020]. Отдельной важной темой является коммеморация — с одной стороны, официальная, в центре которой оказываются ликвидаторы последствий аварии (причем визуальная образность и риторика такой памяти позаимствована из советской мемориальной традиции, связанной с Великой Отечественной войной); а с другой стороны — неофициальная, в большей степени сосредоточенная на невинных жертвах катастрофы — на женщинах и детях [Stsiapanau 2010, Kasperski 2012, Johnson 2019]. Что касается устной истории чернобыльской аварии, то эта тема представлена только книгой нобелевского лауреата Светланы Алексиевич [Алексиевич 1997]. Эта книга, состоящая из записей разговоров автора с участниками и очевидцами событий, является важным историческим свидетельством и мощным художественным высказыванием, однако это не аналитическая работа, и ее материалы представляют собой не транскрипты, а авторские пересказы интервью, так что к ним нельзя относиться как к научной публикации.

Судя по нашим материалам, воспоминания о чернобыльской аварии является важнейшей частью «городского текста» Новозыбкова и одним из основных компонентов идентичности зыбчан. Память о судьбоносных и/или катастрофических событиях, существующая в сообществе, обычно оформляется в общий для его членов нарратив, который не только отражает эмоции и содержит оценки и выводы, разделяемые всем сообществом, но и обладает единой топикой и набором мотивов. Подобный нарратив служит одним из инструментов, с помощью которых данное сообщество выстраивает свою идентичность. Нечто похожее можно наблюдать в случае с другими локальными катастрофами — например, ураганом «Катрина». Американка Кэтрин Хориган в своей диссертации исследовала «репрезентативные тактики», используемые жителями Нового Орлеана в их нарративных воспоминаниях об урагане и наводнении, и то, как такие рассказы участвуют в формировании публичной памяти о катастрофе [Horigan 2013].

Со времен чернобыльской аварии прошло уже 35 лет и, хотя взрослые очевидцы этого события живы и находятся в здравом уме, этот срок более чем достаточен для того, чтобы нарративное воспоминание о нем «обкаталось» в устном бытовании, многократно прошло через *цензуру коллектива* [Якобсон, Богатырев 1971], совершив эволюцию от *мемората* к *фабулате* [Sydov 1939]. За это время успел оформиться своеобразный канон такого рассказа. Посмотрим, какие общие места содержатся в устных рассказах зыбчан об аварии на АЭС в Чернобыле.

⁴ СБ — м., 1963. Зап. Н. В. Петров 5.09.2020.

Тот самый день

Как это нередко бывает с памятью о катастрофах, узловой точкой общего нарратива становится личное воспоминание рассказчика о дне, когда все случилось (см., например: [DiMarco 2007, Graff 2019]). Однако в случае с памятью о чернобыльской аварии в Новозыбкове мало кто вспоминает 26 апреля 1986 года — день взрыва и пожара на АЭС. Поскольку город находится почти в 200 км от Чернобыля, самого взрыва и последовавшего за ним пожара никто не слышал и не видел, а в советских СМИ долгое время о ЧП не сообщалось. Поэтому большинство рассказов зыбчан касается последовавших за аварией майских праздников — в первую очередь 1 Мая.

Я вспоминаю именно этот... ну, вот не этот день, потому что этот день никто не помнит — он был обыкновенный, а 1 мая [19]86 года. Естественно, Первомайская демонстрация традиционная⁵.

Все рассказы о первых днях после аварии описывают то, как ничего не подозревающие люди радуются необычайно теплой погоде и спокойно занимаются своими делами на улице.

Так получилось, что 4-го мая была Пасха. Поздно. А у нас дома православная семья так и осталась, то есть мы готовились. Никто ничего не знал. Погода стояла прекрасная. Тепло, солнце. На улице все там убирают. У нас же городок небольшой. Все там выбивают, красят, белят, ну, готовятся к празднику⁶.

Вот 1 мая я побывала на демонстрации, и мы поехали к мужу в деревню. И все люди были — кто-то пикники в лес там, все вот это было на природе. Никто ничего же не говорил, что нужно сидеть хотя бы дома⁷.

Это было 1 мая, после 27-го [апреля] — самый солнечный был день, жаркий день. Наверное, было градусов 35. Конечно, была демонстрация, был праздник. Детки все раскрыты, без рукавов... Хотя бы сказали: головные уборы оденьте или что-то. И вот мы выперлись на эту демонстрацию. «...» Потом люди все поехали на маевки — в леса, на речки, потому что это был выходной день, жаркий солнечный день. И вот мы были в неведении недели две, наверное⁸.

Горожане спокойно выходят в легкой одежде на традиционную первомайскую демонстрацию, но при этом замечают, что городское руководство и функционеры КПСС ведут себя странно.

Первое мая, я опять была у родителей, и помню солнце. Тепло, и мы деток открытые ручки, а сами раздетые, шли и хвалили партию Ленина. А наши руководители в наглухо застегнутых френчах стояли на трибуне⁹.

Многие высказывают претензии к властям за то, что они знали о произошедшем и старались уберечь себя от радиационного заражения, но скрывали правду от населения. Более того, людям не только ничего не сообщали, но и гоняли их на праздничные демонстрации и даже на полевые работы, подвергая смертельной опасности.

⁵ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁶ ЛН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.

⁷ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁸ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

⁹ ГГ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.

Вы знаете что, несправедливое отношение было к людям. Я понимаю, что это беда, ни от кого не зависящая. Но можно было хотя бы сказать. Хотели утаить это дело, да? Не хотели, может быть, паники, не хотели пугать людей. Может быть, сами еще не были подготовлены к этому. Но можно было сказать: не выпускайте людей на улицу — солнечная радиация¹⁰.

1 мая демонстрация — все на демонстрацию. Никто ничего не знает. 5-го числа сказали, что Чернобыль. «...» Получается, Горбачев сказал 5-го по телевизору. И 9 мая Парад Победы. Люди одевали болоньевые плащи, что-то сверху, чтобы руки закрыть, но все равно шли на этот парад. То есть никто ничего не закрыл¹¹.

Я знаю, что в соседнем городе в Злынке руководитель запретил всем: закройтесь и закройте форточку, сидите. А эти ни слова не сказали, только через какое-то время, какое-то движение, беспокойство было. Я работала в музыкальной школе, «...» с нами работала жена первого секретаря горкома партии Вера Ивановна Подовогова. И вот она до этого детей отправила из города — ну, так на тихую, мы не знали. А потом уже, когда прошло какое-то время, мы ездили в колхоз — нас отправляли на сельхозработы — она: «Вот надо йодом помазать запястье что-то». Но уже прошло восемь дней, это уже было как мертвому припарка¹².

Прозорливцы

Следующим важным сюжетным элементом новозыбковского нарратива о Чернобыле является раскрытие горожанами правды вопреки преступным попыткам властей скрыть произошедшее. Несмотря на молчание официальных источников, люди различными путями узнавали о катастрофе почти сразу после 26 апреля, а некоторые — даже и до рокового дня.

Мама мне сказала сразу, наверное, 27-го где-то — Тернополь. Не Чернобыль, а Тернополь. Ну, это же далеко, Тернополь. Взрыв, а у нас ничего не слышно¹³.

До этого я видела, во-первых, сон, как это Чернобыль, не Чернобыль... Я видела огромное зеленое поле, и вдали вдруг гриб такой вырос белый страшный, и черное вверх. И я знала, что это атомный взрыв, это было до того как раз, видимо, или в ночь¹⁴.

Некоторые горожане замечали подозрительную активность на местном аэродроме.

26-го авария, а наутро уже все знали. Самолеты летали. Осадку-то делали куда — на Новозыбков, чтобы на Москву не пошло. Радиационное облако шло, и они же стреляли. Самолеты летали военные. У нас же тут военная часть. Аэродромы. Вот они летали и облака осаживали, чтобы на Москву не пошло. И чтобы дальше не пошло, за границу. Ну, и утром все узнали. Думали, учения сперва, а утром уже передали. Уже не скроешь¹⁵.

¹⁰ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

¹¹ АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.

¹² ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.

¹³ АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.

¹⁴ ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020. Ср.: «А в тот день, когда Чернобыль этот проклятый случился, мне снились пчелы, много-много пчел. Летят и летят куда-то. Рой за роем. А пчелы — это на пожар. Земля загорится...» [Алексеевич 1997: 87].

¹⁵ м-1. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

Те, в чьем распоряжении были дозиметры, не могли поверить, что приборы действительно сигнализируют о резком повышении радиационного фона.

И вот придя уже после 1 мая в школу, почему-то наш учитель ОБЖ стал рассказывать про свои приборы... тогда это он не ОБЖ был, а военрук, и он стал говорить про приборы, которые у него почему-то все звенят. Пикают, сигналы издают. Говорит: «Ничего не могу понять, то ли сломались они, то ли что»¹⁶.

В Новозыбкове называют двух инициативных людей, которые не только раньше других узнали о взрыве, но и стремились донести эту информацию до общественности, в то время как городские власти этому препятствовали.

У нас рассказывали — Сизов, вот вы у него спросите. Приборы, приборы испортились, и он с этим пошел в «белый дом», тогда еще горком партии. И ему сказали, что все, молчок — ты ничего не говоришь, ты ничего не знаешь¹⁷.

У нас есть тут такой Сизов Валера — он первый обнаружил это дело. Ну, ему сразу закрыли рот и сказали: «Сиди ровно». <...> А потом еще у нас был завсанэпидстанцией Каплан — он стал бить тревогу. И благодаря ему мы добились льгот, стали поднимать вопрос, что нужно как-то укрываться, детей по-мало-мальски не выпускать на улицу¹⁸.

Многие зыбчане рассказывают об удивлении и чувстве безотчетного страха из-за странных природных явлений, которые наблюдались вскоре после аварии на АЭС, например урагана и пылевой тучи.

А на следующий день у нас был такой страшный ветер! И ребенок мой — на Бульварной [улице] я еще тогда жила — на улицу вышел, с детками гулял. Такой страшный [ветер] — я схватила его, бегом домой, потому что это ураган был какой-то. И помню, что и козы соседские бегали куда зря, потому что страшно было, какой-то вот страх¹⁹.

Это было где-то 27-го [апреля]. Мы ехали и опоздали на автобус на Новозыбков. Автобус перед носом у нас ушел, нам пришлось стоять ждать или идти с большой сумкой на вокзал. И вот я повернула, и вдруг на меня несется что-то такое огромное, черное, бумажки летающие... На тебя это все несется, ты стоишь и не знаешь, куда уйти. И я стояла и шла по этой дороге, ничего не видя... Какая-то черная туча песка непонятного... Я думала, я задохнусь. Наверное, минуты три эта туча летела. Я прошла — вот он уже и вокзал. Но я не понимаю, что это такое. Это как раз вот с Климова все несло. <...> Люди многие это облако видели. Потом уже, когда объявили, они тогда вот: «А, так это ж оно, наверное, и летело»²⁰.

После злосчастной первомайской демонстрации люди наблюдали непонятный рыжий налет на лужах и на земле.

Мы только прошли, и вдруг ливень начался. Такой сильный! <...> Вот высунуться было невозможно, стеной шел этот ливень, и он очень быстро закончился <...>. Мы идем, и все обращают внимание, что лужи оранжево-желтого цвета. И все говорят: «Глянь, а что это такое? А почему? Ой, какие! Это, наверно, что-то цветет сей-

¹⁶ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

¹⁷ АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.

¹⁸ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

¹⁹ ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.

²⁰ СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

час, это пыльца». Мы тогда не придали этому значения. Ну, какая пыльца так может цвести 1 мая? Вот прямо такие разводы по окантовке каждой лужи²¹.

На 1 Мая они, значит, ходили, и после дождя желтая земля. Может, это просто цветочки опадали — дак они думали...²²

ЧУДЕСНОЕ СПАСЕНИЕ

Следующий важный мотив в нарративе о катастрофе — рассказ о чудесном спасении от влияния радиации. Счастливицами в таких историях чаще всего оказываются дети — это не случайно, поскольку здоровье детей в зоне заражения вызывает у горожан самое большое беспокойство, так что рассказы о подобных случаях (неважно, реальных или нет) явно выполняли компенсаторную функцию²³. Причина спасения могла быть самой банальной — например, удачный отъезд в санаторий по путевке.

Знаете, как посчастливилось? Вот бывает, как в сказке. Я пришла в больницу, а мне вдруг говорят: «Горячая путевка. Вы девочку не повезете?» А у меня очень была больная девочка, «желудочная». Я говорю: «Повезу». И мы поехали. <...> Я этот самый месяц, когда здесь все это было, култея — я отдыхала в Ленинграде. Вот просто, знаете, не было бы счастья, да несчастье помогло²⁴.

В другом случае девочка вовремя воспользовалась школьной хитростью для прогула — и благодаря этому спаслась.

Был такой анекдотичный случай, что девочка училась в школе и не захотела идти на урок, взяла выпила йода — чуть-чуть на сахар накапала, и пошла в больницу. Поднялась температура, и пошла взяла справку — освобождение от школы. Тем самым она спасла себе здоровье: у нее когда проверяли — комиссии же приезжали из Москвы, из Питера — у нее совсем почти не было никаких поражений²⁵.

Дети могут оказать чудесно спасенными от радиации даже вопреки всем обстоятельствам.

Нас проверяли тогда медицинские работники — проводили диспансеризацию. У меня через дом жила многодетная семья неблагополучная. У них маленькие дети — один годика полтора, второму годика 4, и лет 6 — в общем, три еще дошкольника. А у людей же было тогда как — около двора вишня на улице, смородины кусты — все это высажено было. <...> И вот эти детки брошенные идут втроем... Этот малой сидит, у него грязь течет по рукам. И они по улицам рвут эту смородину — вот так вот ест с кулака. И когда мы пошли, мать эта... «Вот ты пошла, сколько у вас там показывает дозиметр?» А она говорит: «У моих детей показал чистый». Чисто! Вот чей как организм воспринимал, понимаете? Вот мы все старались ничего этого не кушать... Все ж мытое, все чистое. А они объели все сады, прошли все огороды — все прочистили. И тьфу-тьфу-тьфу, дай Бог, они пусть живут²⁶.

²¹ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

²² СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

²³ Эти сюжеты перекликаются с сюжетами православных икон и религиозных картин, написанных на тему чернобыльской катастрофы. Елена Ромашко в своей статье показывает, что персонажами большинства из них оказываются пострадавшие дети и горе матерей — в отличие от официальных коммеморативных изображений, прославляющих исключительно мужчин-ликвидаторов [Romashko 2020].

²⁴ СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

²⁵ ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020.

²⁶ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

В историях о радиации и чудесном спасении от нее прослеживаются параллели с тем, как люди в 2020–2021 годы реагировали на пандемию коронавируса. Так же, как и в случае с вирусом, людям в зоне заражения очень хотелось верить в защитные свойства самых простых средств — йода, грязи, пробежки, лука, холодной воды и озарения свыше²⁷, — тем более что ничего другого им в тот момент не было доступно.

Я помню, 30-го числа сажала картошку, было так тяжело. <...> Я помню, пришла домой, съела луку с огурцом с водой и с черным хлебом — он мне давал энергию. Почему-то я в те дни — может быть, это меня выручало — все равно утром бегала и обмывалась. Вот какое-то было у меня чутье или просветление Божие. То есть я себя этим как-то сберегла, хотя все вот пострадали, у всех щитовидки²⁸.

Жестокое государство / доброе государство

Еще одна крайне важная тема, которая сквозит почти во всех рассказах о последствиях Чернобыля, — неоднозначная реакция Советского государства на катастрофу. С одной стороны, у людей есть большое количество претензий — как за сокрытие правды, так и за жестокость к людям, попавшим в зону заражения, сравнимую с тем, что происходило во время войны²⁹.

Начали забирать скот. У местного населения. И я помню, как бабушка моего мужа Ульяна — как она рыдала, как плакала, когда у них забирали корову. Это было вообще для нее такая трагедия. <...> Разрешили только оставить курей. Коров насильственно забирали, свиней тоже. И она плакала, кричала, говорила — это вот как в войну. Она вот сравнивала вот эту ситуацию, как во время войны вот забирали насильственно скот, угоняли и все прочее³⁰.

Помимо конфискации, происходило массовое насильственное выселение в традициях репрессивных кампаний 1930–1940-х годов. Люди переживали это крайне тяжело, так как при этом распадались их локальные сообщества.

Это село [д. Красный камень] подлежало полностью выселению, там очень большая была радиация. <...> Первые годы люди съезжаются — там же родственники, на могилки. У нас есть день поминовения родителей — это второй вторник после Пасхи. Радница, но у них Кувутки называют. <...> И вот приезжали целыми... Нанимали автобусы, кто-то на своих машинах, кто как добирался. Подъезжаешь к кладбищу — гул стоял, рев. Они плакали не по умершим, они плакали по своей судьбе — что всех разбросали, стали все чужими³¹.

Из Новозыбкова также набирали первые команды ликвидаторов — при этом призыв был не добровольным, и людям не рассказывали всей правды о том, какая судьба их ждет.

²⁷ О защитных свойствах аналогичных веществ против коронавируса см.: [Гаврилова 2020].

²⁸ ГТ — ж., 1952. Зап. М. В. Гавриловой 6.09.2020. Ср.: «Откуда-то рецепты появились: ложку гусиного помета на бутылку водки. Два дня настоять и пить. Чтобы это дело... ну, мужское наше не пострадало...» [Алексиевич 1997: 57–58].

²⁹ Ср.: «А у нас — эвакуация. Переселение. Штурмуют хаты. Люди позакрывались, попрятались. Скот ревет, дети плачут. Война! А солнышко светит... Я села и не выхожу из хаты, правда, на ключ не закрывала. Постучали солдаты: “Что, хозяйка, собралась?” Спрашиваю: “Силой будете мне руки и ноги связывать?” Помолчали, помолчали и пошли. Молоденькие-молоденькие. Дети! Бабы на коленях перед хатами ползали. Молились. Солдаты под руки одну, другую — и в машину. А я пригрозила: который до меня дотронется, силу свою покажет, тот кием получит <...> Рассказывали: шла колонна людей... И шла колонна скота. Война!» [Алексиевич 1997: 26].

³⁰ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

³¹ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

Здесь же у нас был создан 1-й батальон 1-го полка. Вот они — ребята, которые отсюда уехали в Чернобыль. Живши здесь, они призваны были в Чернобыль для того, чтобы строить дамбу. Из этого всего отряда осталось — в этом году еще два умерло — 8 человек. Все они умерли. <...> Вот мой муж, он тоже был ликвидатором. А он был в отпуске. Он только приехал домой, был у родителя, и в 10 часов вечера подъехало такси, ему сказали: «Три минуты на сборы», — и он уехал. Только забежал на работу, мне сказал: «Я уехал надолго». И потом, когда пришла домой, я поняла, сидя одна, куда его забрали³².

Государство даже запрещало жителям зараженных территорий рассказывать о том, что они получают «радиационные» выплаты, которые зыбчане мрачно называют гробовыми.

Это сейчас можно все говорить, а в то время нельзя было говорить. В то время, не дай Бог, скажешь, что «гробовые» получил. На остановке стоял и сказал про «гробовые» — иди сюда³³.

Как и в случае с коронавирусом, недостаток информации в сочетании с репрессивными мерами со стороны властей вызывал «фольклорную реакцию»³⁴ в виде конспирологических слухов. Согласно одному из них, власти скормили жителям Новозыбкова мясо зараженного скота вместо того, чтобы уничтожить его.

Они же были убиты, эти все животные, да? Потом, когда интересовались, то куда привезли? В Новозыбковский мясокомбинат. Куда потом это мясо пришло? Все равно на прилавки наших магазинов. Естественно, никто мясо из Новозыбкова — ни Москва, ни другие города — не покупали, потому что знали, что это грязное мясо. Мы же его и ели³⁵.

Как в случае радиации, так и в случае коронавируса люди столкнулись с невидимым и в то же время вездесущим врагом. Как мы помним, в начале 2020 года небольшое количество россиян заявляло, что «никакого коронавируса нет» — точно так же в 1986 году жители Брянской области говорили о том, что «никакой радиации нет»: это или заговор властей против граждан, или диверсия американцев³⁶. Поэтому, с их точки зрения, незачем было соблюдать официальные рекомендации для защиты от радиационного заражения.

[Ходили слухи,] что радиации нету, все трещат и трезвонят, чтобы не платить людям³⁷.

Слухи, что это все неправда, это происки американцев — только навредить и так далее. Никто не верил, как такое могло случиться — какая-то атомная электростанция взорвалась. То ли это диверсия какая-то, то ли специально... Вообще не верили. Очень многие люди отказывались даже элементарные меры [соблюдать],

32 СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020. Ср: «Вдруг приходят, вручают повестку и говорят, что внизу уже ждет машина. Такой “воронок” специальный. Как в тридцать седьмом году... Брали по ночам. С постели, тепленьких» [Алексиевич 1997: 54].

33 м-1. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

34 О понятии «фольклорная реакция» в связи со слухами о коронавирусе см.: [Архипова*, Радченко и др. 2020].

35 ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

36 «— А ты видел, где произошел взрыв? Что там? Вы ведь первые туда попали... — Скорее всего, это вредительство. Кто-то специально устроил. Все наши ребята такого мнения» [Алексиевич 1997, 12]. «Я думаю, что никакого Чернобыля нет, придумали. Обманули людей» [Там же, 35].

37 м-2. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

* АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА АРХИПОВА ОБЪЯВЛЕНА ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ

которые им навязывались. «Да что вы говорите, это неправда все! Вы делаете это специально!»³⁸

Однако в то же самое время многие зыбчане вспоминают о пост-чернобыльском периоде с некоторой ностальгией, поскольку вместе с репрессиями они получали от государства и ощутимую поддержку (в отличие от ситуации с коронавирусом). Помощь пострадавшим включала как выплату «гробовых», так и бесплатные путевки для детей всех возрастов в год аварии и в последующие годы.

Был организованный выезд. Бесплатно. Школьников отправляли в пионерские лагеря на все лето. Я почему хорошо знаю, потому что моя золовка, сестра моего мужа — у нее был маленький ребенок. Года два было этой племяннице, и вот ее на все лето вывезли... Естественно, и других дошкольного возраста с мамами вывозили³⁹.

До Чернобыля путевку с детьми получить было просто нереально. <...> Я так понимаю, в зависимости от ранга работающего — по качеству, но все равно мы были очень довольны. Вначале мы поехали во Владикавказ — нам дали путевку на 24 дня с двумя детьми, там хорошо мы отдыхали. Потом вторую — мы ездили в Балаково, тоже на 24 дня. Две путевки на нас давали⁴⁰.

Кроме того, детям из зон заражения по сей день предоставляется преимущественное право зачисления в российские вузы («чернобыльская поблажка»)⁴¹.

У нас была поблажка чернобыльская эта, что могли с любой с тройкой пойти в любой институт. И шли вне конкурса, вне конкурса поступали⁴².

Помимо советской, а в дальнейшем российской государственной поддержки, дети Новозыбкова получали помощь из-за рубежа, благодаря которой их каждое лето бесплатно вывозили в разные страны Европы⁴³.

Вот помощь у нас — дети начали ездить за рубеж. Германия, Франция, Италия. В Швейцарию ездили, в Испанию ездили. Трудно назвать страну, где нас не принимали. <...> Например, мы в Италию вывозили — только из Новозыбкова по 360 детей в год. По два самолета⁴⁴.

Все знают, что мы из зоны отчуждения, из радиационной зоны. Из-за этого детей стали отправлять в разные страны — в Испанию, в Данию, в Германию, в Италию, Ирландию. И вот ты едешь благодаря программе «Дети Чернобыля»⁴⁵.

Одно из связанных с Чернобылем обстоятельств, которые зыбчане вспоминают с явным удовольствием, — это хорошее снабжение продуктами, которое особенно ярко контрастировало с пустыми полками магазинов во всей остальной стране⁴⁶.

³⁸ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

³⁹ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁴⁰ АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.

⁴¹ На основании Закона Российской Федерации от 15 мая 1991 года № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

⁴² КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

⁴³ Подробнее об этом см.: [Bodrunova 2012].

⁴⁴ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁴⁵ ЧД — ж. 2001. Зап. И. В. Козловой 3.09.2020.

⁴⁶ «Радио включу. Путают и путают нас радиацией. А нам при радиации стало лучше жить. Крестом

Это же представьте — [19]80-е годы, когда проблемы с продуктами питания у нас были очень большие: пустые магазины. А у нас во время [19]86 года начали очень хорошо снабжать. И продуктами питания иностранного происхождения — все эти «глобусы» белорусско-венгерские, компоты, ветчина — в консервах все это. Сумасшедшее количество разных тушеночек и так далее⁴⁷.

Нам оказали, конечно, большую помощь чем — продуктами чистыми. Потому что нам тогда запретили — ни с огорода, ни фрукты, ни овощи свои не кушать, молоко не пить, ни рыбу не ловить, ни в лес не ходить. Брянские леса наши ягодные, грибные — нам все запретили это кушать. <...> Нам давали что: и сгущенку, и тушенку, и макароны, и очень много продуктов, которые вот консервированные⁴⁸.

Продовольственное снабжение Новозыбкова и окрестностей после чернобыльской аварии было настолько хорошим, что местные жители охотно помогали продуктами жителям других городов.

Я своей подруге в Брянск привозила все время, потому что они этого не видели, а у нас сгущенка ящиками. Я помню, что если ты хотел кому-то из родственников помочь, то ехал в любую деревню и в любом магазине покупал. Ну, не выкупалось это местным населением⁴⁹.

Мы впервые увидели тогда кофе растворимый. Это был вообще дефицит. Бразильский в железных банках, что вы! Я когда поехала в Анапу — там живет моей племянницы свекор, и я ему дала эту банку. Он шел через рынок. Он говорит: «Лариса, ты больше мне такого не привози, за мной толпа людей бежала — спрашивали, где я купил»⁵⁰.

ЗАРАЖЕНИЕ

Важным мотивом в нарративе о чернобыльской катастрофе является рассказ о, собственно, радиоактивном заражении. Рассказчики часто выражают драматизм, противоестественность и несправедливость этой ситуации через описание невероятно богатого урожая лета 1986 года, чрезвычайно щедрых даров леса — в сочетании с невозможностью все это есть⁵¹.

Урожай был великий. Такого урожая не было в этом регионе. И когда муж приехал... а я яблоки собрала. Такие яблоки! Все в подвал поставили. Муж приехал — мы были во второй зоне, нам ничего есть не давали: «Ты что здесь понагрузила? Выкинь!» И как мне было жалко! Красные красивые яблоки наливные, выброшенные на... И мы до сих пор стараемся не есть ничего. Мы не ходим в лес, мы не берем этой черники⁵².

побожусь! Ты погляди: завезли апельсины, три сорта колбасы, пожалуйста! В деревне! Мои внуки полсвета объехали. Маленькая девочка вернулась из Франции, это же когда-то Наполеон оттуда наступал... «Бабушка, я видела ананас!» Второго внука... Братика ее в Берлин на лечение брали... Это туда, откуда на нас Гитлер пер... На танках...» [Алексиевич 1997: 35].

⁴⁷ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁴⁸ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

⁴⁹ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁵⁰ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

⁵¹ Ср.: «Бабка несет корзину яиц — конфисковать и закопать. Подоила корову, несет ведро молока. С ней солдат. Похоронить молоко... Выкопали они тайком свою бульбочку — забрать. И свеклу, и лук, и тыкву. Похоронить... По инструкции... А все уродило на славу, на зависть» [Алексиевич 1997: 44]; «Белые грибы хрустели под колесами машин. Разве это нормально? В реке плавали толстые и ленивые сомы, раз в пять-семь больше привычного. Разве это нормально?» [Там же: 46].

⁵² СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

Ну, как утаишь, как детей заставишь не кушать, когда было изобилие всех — и смородины, и вишни, и яблоки? Как на грех⁵³.

По рассказам горожан, радиационная опасность в самом Новозыбкове неравномерна — некоторые участки по сей день показывают большую степень заражения, чем остальные.

Одно из самых радиоактивных мест в городе — это парк. В городском парке — там главный вход, и на другом конце парка самый высокий фон⁵⁴.

Обычно раньше в «Маяке», в нашей местной газете, печатали карту новозыбковскую — обозначали пятнами, где больше всего. Вот тут больше всего радиации⁵⁵.

Из-за знания о повышенном радиационном фоне в Брянской области зыбчане сталкивались с фобиями и дискриминацией, причем как во внешнем мире, так и в родном городе. По словам одной из рассказчиц, Владимир Жириновский, начинавший тогда свою политическую карьеру, на полном серьезе предлагал никого не эвакуировать с зараженных территорий, а, наоборот, закрыть оттуда выезд.

Жириновский говорил, что это дорого — надо обнести колючей проволокой и спалить, чтоб на них денег не тратить. Это прямо во всеуслышание, и в газетах было написано⁵⁶.

Те, кто все-таки переселился с Брянщины в «чистые» районы страны, рассказывали, что люди отворачивались от них, как от чумных, боясь радиоактивного заражения.

Уже в начале [19]90-х все начали понимать, что это серьезная катастрофа, и даже появилась фобия, когда люди реально боялись здесь жить. <...> Но многие стали возвращаться назад через несколько лет, потому что там они оказались с другими проблемами — в том ключе, что [с их детьми] не хотели сидеть за одной партой. [Потому что они «заразные»?] Да, да! Потому что не было достоверной информации, что это такое. С детьми не хотели дружить⁵⁷.

По мнению некоторых граждан извне, жители Новозыбкова из-за радиации должны были даже светиться в темноте.

[M2:] Тут рассказывали, что мы ночью светимся. Люди ночью ходят и светятся. [M1:] Смотрят стоят вечером. Чего смотрят? «Подыми футболку». — Я говорю: «Вы чего, тупорылые что ли?» <...> В то время, в [19]90-е, приезжали в Москву. На заработки едешь, а тебе говорят: «Подыми футболку, светишься?»⁵⁸

⁵³ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

⁵⁴ ХА — м., 2004. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

⁵⁵ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

⁵⁶ КЛ — ж. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

⁵⁷ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020. Ср.: «Разговор с другой девочкой... Она поехала в пионерский лагерь и там подружилась с одним мальчиком. "Такой хороший мальчик, — вспоминала она, — все время мы проводили вместе". А потом его друзья сказали ему, что она из Чернобыля — больше он к ней не подошел ни разу» [Алексиевич 1997: 80]; «Когда мы уже переселились в Могилев и сын пошел в школу, в первый же день он влетел в дом с плачем... Его посадили вместе с девочкой, а та не хочет, потому что он радиационный, и если с ним сидеть, то можно умереть. <...> Они все его боялись, называли "светлячком"... "чернобыльским ежиком"...» [Алексиевич 1997: 97–98].

⁵⁸ м-1, м-2. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

Поскольку ситуация с аварией в Чернобыле была беспрецедентной, в Новозыбкове в 1990-е годы приезжало большое количество международных исследовательских групп — проводить замеры и брать у местных жителей медицинские анализы. Зыбчане воспринимали это внимание негативно, поскольку им не были известны ни цели этих исследований, ни их результаты, и даже данные замеров были им совершенно непонятны. Люди не просто пострадали от облучения, но еще и были унижены положением подопытных кроликов, которым никто не считает нужным ничего объяснять.

Сюда же огромное количество приезжало различных иностранных групп из исследователей. У нас каждую неделю на площади стояли какие-то машины, где можно было обследоваться — и кровь там брали, и все, что угодно. Американцы, итальянцы, французы, японцы. <...> Ну, вот все эти исследования — потом никто не узнал результатов. Мы-то думали, что вот мы... Вот представьте, вы выходите, вам замерили радиацию. Вам называют число, оно вам ни о чем не говорит. Потом приехали другие, они называют совершенно другое число⁵⁹.

[M1:] Приезжали постоянно. Дозиметры ставили. [M2:] А большинство побухать приезжали. [M1:] В гостиницу приехали, номер сняли, зашли в «Березку», лапанули и поехали дальше. [M2:] Были тут артисты-дозиметристы. [M1:] Они пойдут, под углом у гостиницы «пипикнут» и поехали дальше. В ресторан и домой⁶⁰.

КОММЕМОРАЦИЯ ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЫ

При том, что последствия взрыва на Чернобыльской АЭС занимают важное место в нарративе зыбчан, в городе, по сути, отсутствует памятник ликвидаторам и пострадавшим.

Во всех почти районах области есть... в области памятники есть Чернобылю, в городе, который больше всех пострадал, и в котором собирался первый батальон, и здесь формировалась часть — его нету⁶¹.

Впрочем, по мнению некоторых горожан, памятник катастрофе в Новозыбкове «везде».

У нас памятник Чернобылю, он есть везде. Возьмите человека, у нас заболеваемость в два раза выше, чем в среднем в России. Вот вам памятник. Средняя продолжительность жизни — то же самое. Аллергии, болезни органов пищеварения. И все-все-все у людей в два раза выше, чем в среднем в России. Вот вам зримый памятник⁶².

По словам наших собеседников, местные власти начали проявлять своеобразное отношение к коммеморации событий 26 апреля 1986 года чуть ли не с самого начала.

Отмечать этот день начали... я думаю, что где-то с [19]96 года. Вот, наверно, 10-летие, да. И почему-то сначала это напоминало празднество. <...> Было театральное действие прямо на площади [Ленина]. Тогда же еще памятника не было, и движение было от [памятника] 307-й дивизии к этой площади, и потом на площади была театральная... ну, такое представление типа массового флешмоба какого-то.

⁵⁹ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁶⁰ м-1, м-2. Зап. М. В. Гавриловой 5.09.2020.

⁶¹ СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

⁶² ПС — м. 1990. Зап. М. В. Гавриловой 23.07.2020.

«...» Ну, в таком ключе, что вот мирная жизнь, потом вот он взрыв, потом появляется группа этих танцоров в белых одеждах, изображающих матерей с детьми, и так далее. «...» А вообще в целом настроение какое-то было праздничное. Все фотографируются, веселуха. И все это переходило плавно в концерт. Кроме этой минуты, когда там они... минута скорби — колокола звучали. И все. Поэтому как-то оно вразрез шло с общим... Все люди, которые участвовали, приходили — не так много массовых таких мероприятий в городе, и поэтому, естественно, люди приходили — и все возмущались. Ну как можно веселиться, если это трагедия?⁶³

В итоге неофициальным новозыбковским мемориалом Чернобыля стала скульптура «Скорбящая мать» — именно возле нее сейчас проходят ежегодные мероприятия в память о катастрофе. Интересно, что в глазах зыбчан «Мать» больше похожа на настоящий памятник, чем расположенный тут же памятный знак.

Когда «Мать» поставили, там все время делались митинги по Чернобылю. 26 апреля там проходили митинги. И тогда было сделано такое... это не памятник, это памятный знак — вот такой вот круглый знак, и там написано... и огонь вечно горит⁶⁴.

Возможно, это связано с историей «Скорбящей матери», которая весьма примечательна. Первоначально эта скульптура была установлена в находящемся неподалеку селе Святск, знаменитом тем, что его уроженцем является герой Великой Отечественной войны танкист Давид Драгунский. По легенде, моделью для «Матери» стала мать самого Драгунского.

Памятник со Святска перенесли — Скорбящей матери. И говорили, что то ли позировала, то ли брали за образец мать Драгунского. Его мать там жила⁶⁵.

Святск, который считался престижным и во всех отношениях образцовым поселением, очень сильно пострадал от радиации, поэтому он был полностью эвакуирован сразу после аварии. Однако скульптуру не забыли, и, несмотря на заражение, зыбчане регулярно приезжали к ней и приводили в порядок до тех пор, пока в 1990-е годы не было принято решение перевезти «Мать» в город, вместе с памятником самому Драгунскому, который установили во дворе Новозыбковского педагогического колледжа.

«Скорбящая мать», однако, служит местом памяти далеко не только Чернобыля — возле нее проходят мероприятия по всем скорбным событиям — от шествия «Бессмертного полка» до стихийного мемориала в память о детях, погибших при пожаре в «Зимней вишне».

У нас больше вот эта, Скорбящей матери. Вот раньше на этом месте проводились массовые мероприятия в день памяти Чернобыльской катастрофы, 26 апреля. Там начинался митинг, там общее такое построение, потом движение. Потом к этому уже Скорбящей матери присоединили и в том числе Бессмертный полк. И теперь, когда у нас начинался Бессмертный полк, он тоже начинался возле Скорбящей матери. Он такой, получается, у нас двойного назначения — и про Чернобыль, и про 9 Мая⁶⁶.

Когда в Кемерово горела «Зимняя вишня», торговый центр, вот многие к Скорбящей матери подходили и там цветы возлагали, игрушки, фотографии и всё-всё-всё — поддержку таким образом высказывали. Когда хор [им. Александрова],

⁶³ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

⁶⁴ СВ — ж., 1958. Зап. И. В. Козловой 5.09.2020.

⁶⁵ АН — ж., 1956. Зап. М. В. Гавриловой 4.09.2020.

⁶⁶ ВГ — ж., 1961. Зап. М. В. Гавриловой и И. В. Козловой 5.09.2020.

самолет разбился и там участники, один из них — он был выходцем из Новозыбкова, тоже здесь возле Скорбящей матери. Ну, здесь в основном место скорби. Когда происходят какие-то теракты либо несчастные случаи и прочее, тогда собираются⁶⁷.

Выводы

Итак, мы видим, что в устных рассказах зыбчан о чернобыльской катастрофе прослеживается ряд общих мотивов.

Как правило, подробно описывается роковой день, которым для жителей Новозыбкова является не 26 апреля, а 1 мая — день, когда они впервые заметили нечто необычное. Описание «того самого» дня строится на контрасте прекрасной погоды, весны, беззаботности горожан и противоестественности происходящего: наглухо застегнутые костюмы начальства в жаркий день, странная активность самолетов, загадочные погодные явления и т. п. Также в рассказах о дне катастрофы часто противопоставляется незнание (для простых людей) и знание (для начальства и отдельных особо внимательных и прозорливых граждан) о случившемся.

Важное место в общем нарративе занимают истории о спасшихся детях — эти истории смягчают самое большое для людей беспокойство и таким образом выполняют компенсаторную функцию. С одной стороны, дети чудесным образом избегают радиоактивного заражения благодаря счастливому случаю или даже вопреки всем обстоятельствам, а с другой их спасает Советское государство, выдающее им бесплатные путевки, и мировое сообщество, которое дает им возможность посещать по специальной программе страны Европы.

Не менее важны и рассказы о вероломстве и жестокости представителей власти. Они скрывали от населения ужасную правду, выгоняли людей на демонстрации и полевые работы, где те подвергались облучению, отнимали у крестьян скот, как в войну, насильно выселяли их целыми деревнями и присылали за будущими ликвидаторами «воронки», как во времена репрессий. Еще одной причиной для претензий является недолжное отношение к памяти о чернобыльской аварии, будь то неправильная тональность «праздника» в честь 10-летней годовщины взрыва или отсутствие в «столице русского Чернобыля» настоящего памятника ликвидаторам и жертвам катастрофы.

Повествования о последствиях радиационного заражения построены на противопоставлении невероятного изобилия (богатый урожай в огородах, садах и лесах, хорошее продуктовое снабжение) и серьезного изъятия, который во всем этом скрывается (местная еда — отравленная, «чистые» продукты в магазинах — консервированные). Приметой поразившего Новозыбков бедствия оказывается и недружественное и несправедливое отношение со стороны внешнего мира: предложение всех сжечь, нелепые слухи о происходящем на Брянщине, боязнь радиоактивной «заразы» и обращение с людьми как с подопытными кроликами.

Этот набор мотивов и формирует новозыбковский нарратив об аварии на АЭС в Чернобыле, в котором данное сообщество выражает свои эмоции и оценки исторического события, в значительной степени сформировавшего лицо сегодняшнего Новозыбкова.

⁶⁷ ДС — м., 2000. Зап. И. В. Козловой 4.09.2020.

Литература

- Алексиевич, С. А. (1997). *Чернобыльская молитва. Хроника будущего*. WebKniga. — (Голоса Утопии).
- Архипова*, А. С., Радченко, Д. А., Козлова, И. В., Пейгин, Б. С., Гаврилова, М. В., Петров, Н. В. (2020). Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2020(6), 4–38.
- Богатырев, П. Г., Якобсон, Р. О. (1971). Фольклор как особая форма творчества. В П. Г. Богатырев. *Вопросы народного творчества*, 369–383. М.: Искусство.
- Гаврилова, М. В. (2020). Водка, сода и чеснок. «Народные» лекарства против страхов. *Фольклор и антропология города*, III(1–2), 224–260.
- Astapova, A. (2020). Chernobyl conspiracy theories. From American sabotage to the biggest hoax of the century. In A. Astapova, O. Colăcel, C. Pintilescu, T. Scheibner (Eds.). *Conspiracy theories in Eastern Europe: Tropes and trends*. Miltonpark: Routledge.
- Bodrunova, S. (2012). Chernobyl in the eyes: Mythology as a basis of individual memories and social imaginaries of a “Chernobyl child”. *Anthropology of East Europe Review*, 30(1), 13–24.
- DiMarco, D. (2007). *Tower stories: An oral history of 9/11*. Santa Monica: Santa Monica Press.
- Fialkova, L. (2001, Sep.–Dec.). Chornobyl’s folklore: Vernacular commentary on nuclear disaster. *Journal of Folklore Research*, 38(3), 181–204.
- Graff, G. M. (2019). *The only plane in the sky: An oral history of 9/11*. NY: Avid Reader Press.
- Johnson, E. D. (2019). Remembering Chernobyl through the lens of post-Soviet nostalgia. In O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe (Eds.). *Post-Soviet nostalgia*. Miltonpark: Routledge.
- Horigan, K. G. P. (2013). *“They probably got us all on the news”: Personal narratives and public trauma in post-Katrina New Orleans*. (Unpublished dissertation). The Ohio State University, Columbus.
- Kasperski, T. (2012). Chernobyl’s aftermath in political symbols, monuments and rituals: Remembering the disaster in Belarus. *Anthropology of East Europe Review*, 30(1), 82–99.
- Kürti, L. (1988). The politics of joking: Popular response to Chernobyl. *The Journal of American Folklore*, 101(401), 324–333.
- Romashko, E. (2020). Russian Orthodox icons of Chernobyl as visual narratives about women at the center of nuclear disaster. In H. Kupari, E. Vuola (Eds.). *Orthodox Christianity and gender dynamics of tradition, culture and lived practice*, 190–209. Miltonpark: Routledge.
- Stsiapanau, A. (2010). The Chernobyl politics in Belarus: Interplay of discourse-coalitions. *Filosofija. Sociologija*, 2010(2), 143–150.
- Sydow, von C. W. (1934). Kategorien der Prosa-Volksdichtung. In *Volkskundliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstag dargebracht*, 253–268. Berlin–Leipzig.

References

- Alexievich, S. (1997). *The Chernobyl prayer. A chronicle of the future*. WebKniga. — (Golosa Utopii). (In Russian).
- Arkhipova, A., Radchenko, D., Kozlova, I., Peigin, B., Gavrilova, M., Petrov, N. (2020). Specifics of infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2020(6), 4–38. (In Russian).
- Astapova, A. (2020). Chernobyl conspiracy theories. From American sabotage to the biggest hoax of the century. In A. Astapova, O. Colăcel, C. Pintilescu, T. Scheibner (Eds.). *Conspiracy theories in Eastern Europe: Tropes and trends*. Miltonpark: Routledge.
- Bodrunova, S. (2012). Chernobyl in the eyes: Mythology as a basis of individual memories and social imaginaries of a “Chernobyl child”. *Anthropology of East Europe Review*, 30(1), 13–24.
- Bogatyrev, P., Jacobson, R. (1971). Folklore as a special form of creativity. In P. Bogatyrev. *Questions of folk art*, 369–383. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).
- * АЛЕКСАНДРА СЕРГЕЕВНА АРХИПОВА ОБЪЯВЛЕНА ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ

- DiMarco, D. (2007). *Tower stories: An oral history of 9/11*. Santa Monica: Santa Monica Press.
- Fialkova, L. (2001, Sep.–Dec.). Chernobyl's folklore: Vernacular commentary on nuclear disaster. *Journal of Folklore Research*, 38(3), 181–204.
- Gavrilova, M. (2020). Vodka, baking soda and garlic: "Folk" remedies against fear. *Urban Folklore & Anthropology*, III(1–2), 224–260. (In Russian).
- Graff, G. M. (2019). *The only plane in the sky: An oral history of 9/11*. NY, Avid Reader Press.
- Horigan, K. G. P. (2013). *"They probably got us all on the news": Personal narratives and public trauma in post-Katrina New Orleans*. (Unpublished dissertation). The Ohio State University, Columbus.
- Johnson, E. D. (2019). Remembering Chernobyl through the lens of post-Soviet nostalgia. In O. Boele, B. Noordenbos, K. Robbe (Eds.). *Post-Soviet nostalgia*. Miltonpark: Routledge.
- Kasperski, T. (2012). Chernobyl's aftermath in political symbols, monuments and rituals: Remembering the disaster in Belarus. *Anthropology of East Europe Review*, 30(1), 82–99.
- Kürti, L. (1988). The politics of joking: Popular response to Chernobyl. *The Journal of American Folklore*, 101(401), 324–333.
- Romashko, E. (2020). Russian Orthodox icons of Chernobyl as visual narratives about women at the center of nuclear disaster. In H. Kupari, E. Vuola (Eds.). *Orthodox Christianity and gender dynamics of tradition, culture and lived practice*, 190–209. Miltonpark: Routledge.
- Stsiapanau, A. (2010). The Chernobyl politics in Belarus: Interplay of discourse-coalitions. *Filosofija. Sociologija*, 2010(2), 143–150.
- Sydow, von C. W. (1934). Kategorien der Prosa-Volksdichtung. In *Volkskundliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstage dargebracht*, 253–268. Berlin–Leipzig. (In German).

«Есть на свете три столицы...»: история и «городской текст» Луховиц в рассказах горожан

ОЛЬГА БОРИСОВНА ХРИСТОФОРОВА^{[1], [2]}

✉ OKHRIST@YANDEX.RU

ORCID: 0000-0001-5041-2335

[1] РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

[2] РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

Христофорова, О. Б. (2021). «Есть на свете три столицы...»: история и «городской текст» Луховиц в рассказах горожан. *Фольклор и антропология города*, IV(2), 94–155. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-94-155.

Летом 2019 года в рамках проекта «Народная история России» (<https://pastandnow.ru/>) состоялась экспедиция в г. Луховицы Московской области. Целью было изучение местной коллективной памяти, городского текста и вернакулярных районов, оценки истории города и тех изменений, что произошли за шестьдесят с лишним лет со дня его основания. Были взяты 11 глубинных интервью, в основном у представителей старшего поколения, лично присутствовавших при образовании города и его активном развитии в советскую эпоху. Проводилось наблюдение за повседневными практиками горожан, их поведением в общественных пространствах. Изучалось брендинг города (городской музей, памятники, билборды, медиа). В публикации приводятся материалы по «народной истории» Луховиц: рассказы луховичан о городском пространстве и об их жизни, тесно связанной с историей города, — о повседневных заботах и бытовых трудностях, праздниках и развлечениях, наиболее памятных для них событиях и значимых локусах. В частности, публикуются высказывания на следующие темы: Соцгород — начало (1950-е — начало 1960-х годов), авиационный завод, события (гибель и похороны летчика-героя Воробьева, капсула с посланием в будущее), праздники (Новый год, День молодежи, 1 Мая и др.), детские игры и досуг молодежи: от 1950-х к 1990-м, летний отдых, городские локусы (Сушково, Самара, Комсомольский парк, кинотеатр «Космос», Мамыкин бугор, Черемушки, греческие дома, Репинский пруд, карьеры), памятники, местные бренды и др.

Ключевые слова: коллективная память, народная история, городской текст, Луховицы, столица

“THERE ARE THREE CAPITALS...”: HISTORY AND “URBAN TEXT” OF LUKHOVITSY ACCORDING TO THE TOWNSPEOPLE

Olga B. Khristoforova^{[1], [2]}

✉ OKHRIST@YANDEX.RU

ORCID: 0000-0001-5041-2335

[1] RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

[2] RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

Khristoforova, O. (2021). “THERE ARE THREE CAPITALS...”: HISTORY AND “URBAN TEXT” OF LUKHOVITSY ACCORDING TO THE TOWNSPEOPLE. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, IV(2), 94–155. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-94-155. (IN RUSSIAN).

In the summer of 2019, as part of the project “The People’s History of Russia” (<https://past-andnow.ru/>), an expedition took place to the town of Lukhovitsy, Moscow region. The aim of this field trip was to study local collective memory, urban text and vernacular districts, as well as to study how the residents assess the history of the town and the changes that have occurred in more than 60 years since its foundation. Eleven in-depth interviews were taken, mainly with senior citizens, who were present in person during the formation of the city and its active development in the Soviet era. The daily practices of the townspeople and their behavior in public spaces were observed. City branding of Lukhovitsy was also studied (city museum, monuments, billboards, media). The article also contains materials on the “people’s history” of Lukhovitsy — local residents’ stories about the urban space and their life, closely related to the history of the city, — about everyday worries and difficulties, holidays and entertainment, the most memorable events and significant places. In particular, comments upon the following topics are published: Socgorod — The beginning (the 1950s — early 1960s), the aircraft manufacturing plant, notable events (the death and funeral of the flying hero Vorobyov, the placing of the time capsule), festivals (New Year celebrations, Youth Day, May 1st, etc.), children’s games and youth leisure since the 1950s and up until the 1990s, summer vacations, city loci (Sushkovo, Samara, the Komsomol’sky park, the “Kosmos” cinema, Mamykin’s Hill, Cheremushki, the Greek houses, the Repin pond, the pits), monuments, local brands, etc.

Keywords: collective memory, people’s history, urban text, Lukhovitsy, capital

«Есть на свете три столицы — Москва, Зарайск (Рязань, Питер, Пекин, Париж, Рим...) и Луховицы» — эта пословица ходит, с некоторыми вариациями, среди жителей небольшого подмосковного города по меньшей мере уже несколько десятилетий. В первоначальной (насколько нам удалось выяснить) версии (1950–1960-е годы) «второй столицей» был Зарайск (наиболее близкий город, куда в то время ездили за продуктами и промтоварами), затем, в 1980-е, его сменила Рязань¹. Здесь, с использованием напрашивающейся рифмы, юмористически обыгрывался небольшой размер города и его местоположение между Москвой и Рязанью на железнодорожном направлении Москва — Челябинск и на федеральной трассе М-5 «Урал». В дальнейшем, с распадом СССР, место мира заняла Россия, а место Рязани — Санкт-Петербург («культурная столица» России²), появились в вариантах Пекин, Рим и Париж (хотя в интернете пишут, что «второй столицей» Париж был и в досоветские времена³, но «на земле» этому нет подтверждений). Как бы то ни было, отношение пословицы к территориальному положению Луховиц до сих пор сохраняется — о нем говорит растяжка на надземном переходе на 132-м км трассы «Москва-Рязань», появившаяся в постсоветские годы (первоначально с «Рязанью», затем в версии с «Питером», ныне снова с «Рязанью», см. *Илл. 1*). Если для местных жителей эта пословица — повод посмеяться над собой (или, в разговоре, над тем, кто пытается равняться с явно превосходящими по статусу), то проезжающие по трассе автомобилисты не на шутку удивляются и пытаются найти основания для такого громкого

¹ Ср. юмористическую загадку тех же лет, связывающую для луховичан их город с Москвой и Рязанью: «Длинная, зеленая, пахнет колбасой» — «Рязанская электричка» (основной вид транспорта, на котором луховичане добиралась до Москвы до появления рейсового автобуса и распространения личных автомобилей).

² Местные жители связывают эту замену с личной инициативой тогдашнего главы района С. С. Тектониди, см. далее в интервью.

³ https://diary.ru/~lubitelnitsa/p161446682_v-rossii-tri-stolicy-moskva-piter-luhovicy.htm

заявления. В итоге в интернете можно найти размышления о Луховицах как «огуречной столице» России или как о «родине российского флага» (в селе Дединово, ныне Луховицкого района, был построен в 1669 году первый российский парусный фрегат «Орел», ходивший под триколором). Что же думают местные жители об этих гипотезах? Об этом пойдет речь в конце публикации, а сначала несколько слов о «третьей столице России».

Луховицы — районный центр (до 2017 года) на юго-востоке Подмосковья, ныне центр городского округа областного подчинения. Городской округ Луховицы граничит с Коломенским, Зарайским, Егорьевскими округами Московской области и Рыбновским округом Рязанской области. Центр округа, г. Луховицы, будучи административной единицей с 1957 года, для местных жителей состоит из нескольких локусов. В него входит и частная застройка, растянувшаяся на 6 км вдоль рязанского тракта (он же трасса М-5)⁴, и пристанционный поселок Луховицы, возникший в 1863 году при железной дороге Москва — Рязань⁵, и частная застройка, тянущаяся на юго-запад от ж/д станции Луховицы вдоль дороги на Зарайск⁶, и, наконец, пос. Новый, или, неофициально, Соцгород, образованный в начале 1950-х годов при строящемся авиационном заводе, самая современная и «городская» часть Луховиц — возникающая как классический советский соцгород сталинской архитектуры (с 2–4-этажными домами, школой, детским садом, профсоюзным клубом, кинотеатром, больницей, магазином и баней), постепенно обросший более поздней застройкой — «хрущевками» и «брежневками», Дворцом культуры, новыми школами и детсадами, магазинами, почтой и другими объектами инфраструктуры. Соцгород был образован вокруг предприятия оборонной промышленности, поэтому был закрытым, этот статус был снят в 1996 году.

Летом 2019 года в рамках проекта «Народная история России»⁷ состоялась экспедиция в Луховицы. Мы разговаривали с местными жителями у них дома и во время прогулок по городу, посещали музеи и общественные пространства, наблюдали за повседневными практиками луховичан. Были взяты 11 интервью, в основном у представителей старшего поколения, лично присутствовавших при образовании города и его активном развитии в советскую эпоху. Нас интересовало, из каких элементов состоит локальный текст, что входит в местную коллективную память, как оценивают жители города первые годы его истории и те изменения, что произошли за шестьдесят с лишним лет со дня его основания.

Ниже опубликованы материалы по «народной истории» Луховиц — рассказы луховичан об их жизни, тесно связанной с историей города, о повседневных заботах и бытовых трудностях, о праздниках и развлечениях, о наиболее памятных для них событиях и значимых локусах⁸. На иллюстрациях — фотографии Луховиц и его жителей в 1950–1960-е годы (из архива автора), в 2019 году (сделанные автором в ходе экспедиции).

⁴ Это бывшее село Глуховичи/Луховицы, известное с XVI века, а ныне так называемые Старые Луховицы.

⁵ С 1930-х годов и до сего дня — административный центр города и района. Там находятся органы управления, памятник Ленину, к которому в советские времена шли колонны демонстрантов 1 мая и 7 ноября, краеведческий музей, Вечный огонь и другое *sine qua non* любого советского райцентра.

⁶ В конце этого 19-километрового отрезка, перпендикулярного трассе М-5, находится бывшее село Сушково со знаменитой бревенчатой Казанской церковью XVIII века.

⁷ <https://pastandnow.ru/>

⁸ Фрагменты интервью публикуются с некоторой обработкой — убраны повторы слов, вводные слова, hesitation.

Соцгород: начало (1950-е — начало 1960-х годов)

1. [А когда здесь начали строить город, так и назывался «Соцгород» или как-то иначе?]⁹

АНД¹⁰: Поселок Новый. Да. Ну а поскольку потом мы все-таки привыкли к «Соцгород» и даже на автобусах было написано «Соцгород» — социалистический городок. Таких было очень много, соцгородов, по нашей стране. Как первые дома вот эти построились там, только «Соцгород» мы и говорили — «в Соцгороде» <...>

[А как вы относились к этим людям, которые приехали из разных мест страны и стали тут жить?]

Сейчас я расскажу вам. У меня отец — рабочий. Здесь уже ДОК [деревообрабатывающий комбинат] начина[лся], он из Коломны [Коломенский машиностроительный завод] перешел сюда, на ДОК работать, да. Я <...> — 6–7-й класс. Ну, все равно еще пацанята. Значит, мой отец — рабочий, мама моя — домохозяйка. У меня в друзьях, самой лучшей подругой, была Рема Байдова, у которой мама была директором нашего кинотеатра «Космос» [ул. Гайдара, 4]. Папа у нее был майор, военный. Жили они — вот здесь двухэтажный дом. Это мои были лучшие друзья. Несмотря на то что ее мама Марья Моисеевна вроде бы такая интеллигентная женщина была, с весны до самой зимы, где-то вечерами особенно, когда свободное время, они всегда у нас были. Далее, семья Голодныхых. Их сын учился со мной в одном классе, его сестра постарше была. Иногда мы у них иногда собирались. «Так, скажет, — приходите, ребята, пойдете ко мне. Пойдете ко мне, мама блины испекла». <...> Ведь вот здесь первые дома, большие дома, первые дома большие — ну, вот финские домики — строились они для офицеров, финские домики, там, в основном, жили семьи офицеров [двухквартирные одноэтажные дома по ул. Пионерской, *Илл. 2*]. А вот четыре 3-этажных дома, кирпичные [ул. Жуковского, д. 6, 8, 10, 12] — это между школой № 9 [ул. Гайдара, 2], улицей Гайдара и улицей Жуковского <...> [Это] общежития, их четыре было общежития. <...> И вот они самые первые появились на свете (*Илл. 3*). Но мы здесь жили, в общем-то, уже после войны, когда начался строиться наш город, мы жили <...> Фильмы мы смотрели, потому что там, где сейчас базар [пространство перед почтой — ул. Жуковского, 2/8], — там же была пустота. <...> Там было огороженное такое, забор, там, будем считать, летний кинотеатр — там нам показывали фильмы. Фильмы были — недорого стоили, но когда у нас денег не было, то по изгороди — там столько дырочек уже было проделано, поэтому мы поглядывали в эти дырочки с улицы. И слышали все. А когда еще и этого не было, воинские части находились — сейчас я скажу примерно где: вот там, где построена больница наша [ул. Мира, 39/5], — там была воинская часть, и мы бегали туда. Когда солдатам показывали фильмы какие-то — мы бегали туда подсматривать эти фильмы. То есть ни больницы, ничего еще не было здесь, вот это было луховицкое поле. Это не кунаковское, это луховицкое поле было [относящееся к с. Луховицы, на юге от д. Кунаково, в сторону Рязани]. А вот за улицей Пушкина, вот в том направлении [на север от Кунаково, в сторону Москвы] — это тоже земля была не кунаковская, это была злобинская... [Село] Злобино было, да. А в том направлении [в сторону Зарайска] — это была кунаковская земля. <...> И земля принадлежала колхозу <...> имени Ильича.

⁹ В квадратных скобках здесь и далее — вопросы автора, в них же в текстах интервью — авторские пояснения (адреса упоминаемых объектов, восстановление речевых утрат, необходимое для понимания текста).

¹⁰ АНД — Авчина Надежда Дмитриевна, родилась в 1941 году в д. Кунаково, ныне часть г. Луховицы, работала учительницей в школе, ныне на пенсии.

2. ДНГ¹¹: В [19]53 году <...> мы приехали [в Луховицы] <...> А это была улица одна [в 1957 году названная 40 лет Октября], и старенькие вот эти дома справа-слева (Ил. 4–6), и баня была, и магазин, и школа была <...> Мы когда сюда приехали — это был Соцгород. Завод-то уже стоял. <...> А у бабушки нашей [Клавдии Максимовны Щепкиной, матери ДНГ] — у нее была специальность «строитель», поэтому ее сюда с удовольствием взяли, потому что строительные объекты здесь строили. Завод строила она. Вот этот Дом культуры «Старт» — это она строила. Под ее, как говорится, руководством. Она там росписи делала, давала добро, давала заключения, что вот это не годится, нужно вот переделывать. <...> Завод формировался, нужны были люди, и бывшие военные <...> И вот у нас здесь эти финские домики — у нас здесь все их знают, потому что они в финских домиках сначала жили. Здесь же ничего не было, кроме финских домиков. <...> Сюда была прикомандированы части какие-то военные — может, пленные или чего... Вот начинали с финских домиков, потом вот эти дома [двухэтажные по ул. 40 лет Октября] ставили. <...> Они такой конструкции, эти финские домики — как временное жилье. А потом люди благоустраивали там, что-то сносили, что-то достраивали. <...> Это улица Пионерская, а парк Комсомольский. <...> Люди приехали сюда — вот связано с заводом, — и им сразу давали жилье, вот эти финские домики. <...> В них же не было ванны. У них была только одна раковина на кухне. И они ходили мыться только в баню. Они рассчитывали эти дома... мама говорила, что эти рассчитаны дома на 20 лет. Они простояли полвека, если не больше. <...> Мы приехали — они уже стояли. Но они шлакоблочные, то есть даже они не кирпичные и не деревянные, ну, в общем, временки. <...> А когда мы приехали — уже несколько домов было. Вот нам дали квартиру — мы жили с соседями. Потом еще одну дали квартиру, там попросторнее, но там трое соседей было.

[А эти соседи — они тоже были из разных мест приехавшие или местные?]

Да, конечно [приезжие], местных здесь вот... Местные жили — это вот Сушково, Кунáково, понимаешь? <...> Тут домов не было, ничего не было. У нас это поселение — Луховицы — это были деревянные дома, этих каменных домов не было. <...> Мы как приехали — нам дали... ну, мы прожили, может, месяц какой-то вот в этих старых домах буквально... А потом, когда вот этот дом уже сдали [ул. 40 лет Октября, 36/7], то нам сразу дали там квартиру (Ил. 7). Но там было три семьи, на одной кухне. <...> Раковины грязные-грязные... И взяла — половину помыла, половину — нет. До сих пор помню, представляешь? <...> Вот если в подъезд войти — там будут ступеньки вниз, там подвальные помещения. Эти дома были с подвальными помещениями. И знаешь, для чего? У нас же газовых плит не было, были дровяные плиты, которые топились дровами. И эти нам подвальные помещения давали, потому что здесь дрова привозили, мы распиливали их, вот на этой площадке, сюда спускали. А потом, когда нужно купаться, мы пару чурбачков отпиливали и топили титан. <...> Нагревается вода в этом титане, открываешь кран — и горячая вода. <...> И самое интересное — ванну наливали половинку; сначала маленьких запускали, потом больших. <...> В одной воде. Сначала маленьких мыли, а потом уже... сначала тетеньки, потом дяденьки.

3. РАИ¹²: Сначала было, когда приехали, дровяное отопление. Но тогда у меня еще и в сарае не было ни фига. Тогда солдатики работали; пойдешь к ним,

¹¹ Демина Нина Георгиевна, родилась в 1946 году в г. Астрахань, в Луховицы приехала с родителями в 1953 году. Работала инженером на ЛМЗ (см. сноску 15), ныне на пенсии. Жена ДБВ.

¹² Разуваева Анна Ивановна, родилась в 1925 году в д. Доронино Бронницкого района Московской области, в Луховицы приехала с мужем, летчиком, из Игарки в 1953 году. Работала на ЛМЗ, ныне на пенсии.

дашь им бутылку — они тебе напилят, и дрова принесут тебе: «На, бабуль!». То есть не «бабуль», конечно — я еще молодая была, а сейчас бабулька. Плита была — такая здоровенная, чуть ли не в полкухни.

Топили дровами. Колонку... как ее?.. В ванной стояла у нас колонка — тоже дровами топили. «Титан» называется.

ДНГ: Это я застала, когда вот меняли эти плиты — какая радость была! Мы все бегали, когда эти плиты кирпичные убирали, разбирали все и подводили газ.

РАИ: Я, когда дровами еще топили, я здесь [ул. Пионерская, 21] жила (Илл. 8). <...> Ну, отопление, конечно, котельная была эта, в квартирах-то было тепло, хорошо, отопление было подведено. <...> И котельную дровами [топили]. Бывало, привезут березу целую. [Смеется.] <...> Вот мы с Машей Симоновой — не хотелось топить, она говорит: «Давай пойдем с тобой в баню, попробуем». Я говорю: «Ну, пойдем». Баня-то рядом [ул. 40 лет Октября, 34] (Илл. 9). И пошли мы с ней. Ну, конечно, не как сейчас в бане. Тогда все же хоть дровами, но прохладновато было. Парной такой... только у мужиков, у женщин не было парной. Все такое было — по-деревенски, в общем. Ой, а потом, когда газ дали — у! мы здесь зажили. Я помню, утюг — угли клали туда, зажига-ли, гладили. Все было, все пережили. [Смеется.] Электричество... свет-то был. Телевизоры-то у нас были. У нас в [19]53 году, уже мы приехали, электричество было, телевизор.

4. АНД: Я была еще такая [показывает рост — небольшой] и всегда ждала, когда мой отец получит получку — а он работал на Коломзаводе — и в воскресенье я с ним пойду на базар, на [ж/д] станцию [Луховицы]. Где сейчас там [Вечный] огонь. <...> А зачем? Он мне купит то, чего я попрошу. А что я могла попросить?

ДНГ: Леденцы...

АНД: Продавалось очень вкусное топленое молоко с такою с пеночкой. И еще. Вот когда вот сейчас даже мы где-то встречаемся, праздники какие-то, и вдруг появляется красная икра. А я говорю: «Кто хочет — ешьте, я не буду, я ее не люблю». Мне отец в те времена покупал эту красную икру, и она была... в таких вот бочоночках продавалась. В станции, там был буфет. В этом буфете вот большие стояли большие бочки с пивом и маленькая бочечка с красной икрой. Мужчины приходили пиво пить, с красной икрой бутербродами закусывали. Мой отец не пил, поэтому он приходил, чтобы купить этот бутербродик. <...> А когда уже вот подросли уже мы немножко — ну, когда меня мама могла выпустить <...> с ребятами, то мы каждый вечер отца встречали — ходили на конец деревни. А наш дом стоял на повороте, вот на улице Жуковского, на завод, вот так. Меня всегда сопровождала наша кошка. Отец встречал, отщипывал от пирожка кошке кусочек и мне — остальной пирожок. Вот мы съедали. Пока кошка не съест. И мы дальше шли. У нас уже это было как закон. Привозил пирожки. И эти пирожки все рабочие называли «пирожки с котятками». Когда первый пирожок мне принесли, я плакала и говорила: «Не буду есть! Мне жалко котенка». Ну, такая наивная была. Мне жалко котенка. Потом, когда посмотрела, я опять в слезы: «Это котенка сюда мне положили?! Не буду есть».

5. ДБВ¹³: А что я помню из своего детства? Тяжелое было детство. В 6 утра ходил в очередь в булочную, чтоб купить буханку черного хлеба. Где сейчас «Куриный

¹³ Демин Борис Вячеславович, родился в 1947 году в Винницкой области, в Луховицы приехал с родителями (которые родом из с. Любичи ныне Луховицкого района) в 1953 году. Работал инженером на ЛМЗ, затем в ОАО «Диаскан», ныне на пенсии. Муж ДНГ.

двор» [«Куриный дом», ул. Воробьева, д. 4]. <...> С 6 утра. Потому что, если утром не купишь, потом днем нигде черного хлеба не найдешь. А про белый-то вообще разговора не шло — его вообще только после войны начали печь. До войны белого хлеба вообще в СССР не было практически — только в ресторанах, может быть. [Это был] [19]61–[19]62-й. Как раз, когда героически целину осваивали. А с хлебом была напряженка.

6. ДНГ: Напротив [дома 36/7 по ул. 40 лет Октября] — там вообще ничего не было, там был пустырь. И на этом пустыре мы его в костерик и опаливали, поросенок. Ну, купили на рынке поросенок. Он у нас похрюкивал немножко, мы ему загончик сделали, в квартире. А потом опалили и съели.

[А съели семьей или устраивали какое-то пиршество?]

ДНГ: Семьей, конечно, ну, тут что-то устраивали. Я так понимаю, что гости какие-то были, и вот, поросенок вот этого зажарили.

[А вообще, гости часто приходили в гости?]

ДНГ: Ну вот ходили друг к другу, ходили.

[И дети друг к другу ходили, да?]

ДНГ: Ну, ты знаешь, как-то... Вот Татьяна может сказать, моя [подруга], потому что <...> там, в финских домах жили они, и они там все друг к другу в гости ходили. Дети играли в одном месте, они гуляли в другом. <...> А мои родители как-то не очень гуляли, я не помню, чтобы... Друзей было мало. Они-то вот как-то — то ли они вместе приехали, некоторые друзья вместе приехали. А мы здесь одни приехали, семья наша одна, понимаешь. Может, друзей мало было. <...> И потом мы сами выращивали [овощи]. У нас земля была, возможности были, свои огурцы были. И солили, и все. <...> Вот где дрова [хранились] — там же у нас и картошка. И моркови хватало [на всю зиму]. И свеклы. <...> Нам от завода давали всем участки под картошку. Около завода распахивали, например, по соткам, вот, и, например, 3 сотки на семью на картошку. И вот мы... а мы, молодежь — куда? Родители-то на работе, нам надо окучивать картошку. <...> Сад — там сад [за больницей давали землю под сады]. А картошка — мы же без картошки тут, в магазинах никаких овощей не продавалось. Вообще. И все эти овощи нужно было самим вырастить. Ну, морковку мы, конечно, в огороде выращивали на себя; морковку, лучок мы высаживали; немножко помидор чуть-чуть у нас, огурчиков было чуть-чуть. А картошка — вот в этих полях. На полях около завода там все распахивали под картошку. И вот дедушка говорит, как он на велосипеде... Вот делянка, и все — давай окучивай. И вот жара, все... <...> У нас там огороды были за кинотеатром [«Космос»]. А где выращивать огурчики, помидорчики? И пока мы сад-то... Чтобы сад-то поднять — сколько надо времени. А нам надо было сразу. И, я ж тебе говорю, овощи-то не продавали никакие. А за кинотеатром овраг, и в этом овраге давали землю, и огородики — вот представляешь — такая узенькая полоса, следующая узенькая полоса — и у каждой свой хозяин. Никаких загоронок не было. И мы там выращивали муромские вот эти огурцы, которые ткнешь, и он сам растет <...> вот просто зернышками сажали, и все. В конце мая сажали зернышками, и огурцов была тьма. Самое интересное — это деляночки такие небольшие, ну, что там у нас: лучок, морковочка, свеколка, там, редька какая-нибудь, репа. И вот эти делянки, и между ними никаких загоронок не было вообще. И вот к этой речке [Вобле]... Там вот, собственно говоря, с бугра идешь — и речка. И вот это вот место — вот всем давали огороды. Ну, народу-то мало было, а ведь надо было где-то что-то сажать. <...> Мы жили в коммунальной квартире. Земли у нас, вот поскольку там дали деляночку, все-таки маловато, да. Единственное что — мы

шли на рынок и на рынке покупали. И картошку тоже, если нам не хватало, например, на зиму. И морковку, и свеклу. На рынке. В магазинах не было овощей. Ну на рыночках были — люди же занимались. <...> При бане был рынок маленький — ну, столы, где торгуют там огурцами-помидорами. Вот там рядом с баней были.

[Это окрестные жители из деревень привозили?]

ДНГ: О, так они же, деревни-то тут, Господи, тут полно — и Сущково, и Старые Луховицы. Там деревень-то полно, и они все возили. Вот на рынок, на базары. Огурцы, конечно, они в Москву возили, а вот эту мелочовку же не повезут они в Москву — они здесь продавали излишки, как говорится. На рынке мясо было, как сейчас помню, 3 рубля свинина <...>, говядина — 5 была. А государственная цена была 2 рубля. Так мы вот ехали в Москву и покупали мясо. Что-то нам было дорого на рынке купить. А есть люди, которые только на рынке покупали. Они сами занимались огурцами, у них деньги были. <...>

[А вот еще про электрички говорили, которые...]

ДНГ: Пахнет колбасой что ли, да? Ну, собственно говоря, мы же за мясом-то в Москву ездили. Можно было на рынке купить, но нам было дорого. Отец пошел на пенсию, и ему от нечего делать — он за мясом все время катался в Москву. В [19]69-м году я замуж вышла, и в это время он уже был на пенсии и ездил. <...>

[А как так получилось, что этот город отдельный, при заводе, стал восприниматься как часть Луховиц?]

ДНГ: Ну, он и воспринимается как Соцгород — вот ты понимаешь? До сих пор мы его называем Соцгород, хотя официально на остановке написано «Поселок Новый». Какой же он новый с [19]53 года? Ему уже... Остановка «Поселок Новый» — гастроним внизу [ул. Жуковского, 1]. Сейчас и называется. «Поселок Новый», да. Иногда на автобусе ты видишь: «Вокзал — Ларино». А иногда написано: «Ларино — поселок Новый». То есть он до гастронима доезжает, разворачивается и в обратную сторону едет.

7. НМИ¹⁴: А он же статус города когда приобрел? Он же поселок Новый был. Потом его называли Соцгород, но Соцгород — это так, это, по-моему, социалистический город как-то... Я не знаю, это официальное было? По-моему, нет. <...> Улица 40 лет Октября <...> 31-й дом по улице 40 лет Октября, там восьмиквартирные дома были. <...> А сейчас эти дома сносят, практически снесли... осталось несколько домов. Это двухэтажные щитовые домики — вот эти были вот финские домики. <...> И вдруг их снесли, и так стало грустно; вот проходим — нет нашего дома. Строился тогда — там ничего еще не было. Баня была, строился 11-й магазин [ул. 40 лет Октября, 32], который сейчас вот под какой-то [фитнес-] центр сделали, да. Строилась больница (*Илл. 10*). Мы по этой траншее бегали, гуляли. Наша школа [школа № 2, ул. Мира, 12] была уже (*Илл. 11*). Строился «Космос» — кинотеатр, который сейчас в «Пятерочку» превратили, тоже очень грустно (*Илл. 12–13*). И все. И что было? Вот этот магазин [ул. Жуковского] — дом № 1, где сейчас гастроним (*Илл. 14*), да, и вот тоже — там был только один фундамент. У меня даже фотография есть: мы еще учились в 10-м классе, он еще недостроенным был. <...> Вот была улица — 40 лет Октября. Напротив вот этого первого гастронима забор был — там солдаты фильмы нам показывали. Теперь там, где музыкальная старая школа [ул. Жуковского, 10] — это были солдатские

¹⁴ Новикова Мария Ивановна, родилась в 1947 году, в Луховицы приехала с родителями в 1952 году. Работала учителем в школе, ныне на пенсии.

казармы. И четыре... и солдатские казармы — это на ДОКе были. Вот весь город был. А все остальное — было поле, поле. Ведь город образовался из деревень: Куйбышева улица, улица Пушкина, которая не была Пушкина, а была Сушково и Кунаково. Ну, те улицы — вот 8 Марта — я их просто по детству и не помню, поскольку мы туда не вылезали. Вот мы так очень долго жили, на этой улице; главный проспект — улица 40 лет Октября. Вечером у нас там был променад. <...> Вот где сейчас булочная [ул. Жуковского, 9-а], остановка-то напротив «Космоса», да — там был солдатский гараж. Здесь, где вот сейчас улица Жуковского — это было поле, тут сажали картошку. Где наша школа, родная, любимая — там всегда было болото, там до середины лета стояла вода. Низкое такое место было. С этой стороны давали сады. Вначале вообще садов не было, сотки. Вот эти сады, вот от больницы которые — они были давно (*Илл. 15*). Я помню, когда уже тут жили — из школы идешь... я уже здесь [на ул. Набережной] жила... май... а тогда — сейчас же все сдвинулось по времени, а тогда весна... как-то 25 мая нас отпускали. Я помню — одуванчики цвели, солнце, хорошо так, идешь по этим... Сады уже были. Мы называли это «маленькая дорожка». Улицы Мира в помине никакой не было, и дороги там не было, ничего не было. Просто тропинка была. Мы всегда говорили: «Как пойдем домой — по большой дороге [ныне ул. Жуковского] или по тропинке [ныне ул. Мира]?» А вот здесь вот все было голо — поле пустое. И с этой стороны тоже там. Потом стали давать по несколько соток под садики. Потом их снесли, когда дома вот эти построили. И внизу, где стадион вначале был, там тоже давали под огороды участки — по одной сотке. <...> Ее не было, [улицы] Жуковского. Я очень хорошо помню, что дорога — домов нету, поля, с этой стороны поле, с этой... ставили такие защитные щиты, снег чтобы не наметало, и долго-долго там снег стоял. <...> А мы жили вот в этих двухэтажных домиках. [Ванны] не было. Не было даже газа. <...> Был 9-й класс, мы сдавали экзамены, помню, математику. И мы тогда... нам проводили газ. <...> Вот давали как[ое]-то временное жилье, пока расселяли квартиры, проводили этот самый газ. Но там уже ванны, в тех домах, были. Они, правда, топились такими титанами. А мы — нет, мы в баню ходили. <...> Там мы жили. Жили очень хорошо. <...> Вначале у нас была двухкомнатная квартира. А у Копытовых трехкомнатная была, но они две комнаты занимали. Я еще помню, тетя Тамара — а мебели никакой не было, — я помню, тетя Тамара ставила вот этот манекен на одной ноге (она шила), и у них у первых появился телевизор — вот этот с линзами, КВН. И мы все ходили к ним, «на телевизор» это называлось. Вот. А к Сычевым... на втором этаже Сычевы жили... он был председателем исполкома, а жена его была главным врачом нашей больницы. А к ним мы на елку ходили. А мы — три семьи — жили в двухкомнатной квартире, причем одна была проходная; большая комната, маленькая, кухня и коридорчик. Вот так мы жили. Потом вот нам дали трехкомнатную, но опять — одна комната отдельно, одна и проходная. Три семьи — это шестеро взрослых, шестеро детей, в каждой семье по двое, да, и бабушка. Поэтому начали строить вот эти вот «скворечники», я их называю [частные дома на ул. Набережной]. Только поэтому. <...> Собирались мы... Не было такого, чтобы запирать. Вот эти вот наши дома — восьмиквартирные, вот двухэтажные [по ул. 40 лет Октября], — там же хорошие площадки такие, там же деревянные они все. Вообще-то детство было замечательное. <...> Нам Генка собирал мальшню вот так, и тогда что ж, не было телевизоров, он нам простынь натягивал и диафильмы крутил. В нашем дворе это было вот. Прямо на улице. И вечером, когда вот так стемнеет, он нам диапроектор выносил и развлекал нас так. <...> А Нина Александровна — у них... Они большую-большую елку привозили всегда, у них трехкомнатная квартира была, в большой комнате елку ставили и собирали деток. Хороводы водили, подарками нас одаривали, вкусными конфетами, которых у нас не было, может быть... <...> Вот я всегда

вспоминаю эти вот наши дворики. Какая-то эстрадная певица: «...где рождения справляют и навеки провожают всем двором... где нет зависти и злости...» «Городок», да вот... Как раз вот мне всегда, как только эту песню поют, у меня всегда это ассоциируется вот с теми нашими дворами. Ну, это не только у меня. «Золотые шары в палисадниках...» Как-то дружно жили, не было действительно ни зависти, ни злости. Все друг друга знали, было какое-то доброжелательное очень отношение, да. <...> Представляешь, как [сейчас] стали жить? Вот раньше у нас умирал кто-то на улице, — а у нас же несколько переулочков — всей, что называется, улицей хоронили, поминки все устраивали, всех приглашали. А сейчас я выхожу... Оказывается, у нее дядя Володя [умер] — я даже не знала. Дядя Женя умер — я не знала. Через забор живем. Ну что: умерли, из ритуального зала унесли и все. Как-то это превратилось уже вот в какую-то обыденность. И раньше... Я вот иногда вспоминаю, говорю: раньше город был молодой. Даже в тех же деревнях — все равно молодое было население достаточно. И любая какая-то... Уход из жизни — это было целое событие такое вот, потрясение даже, да. А сейчас... Я вот хожу на работу или в магазин. К церкви идешь, как только выходной, выйдешь если к 12 часам — постоянно, каждый день отпевание, каждый, каждый день. Каждый Божий день. <...> А так отца первого похоронили — он умер у меня рано, в 58 лет — его отсюда несли на руках по всего Жуковского, по 40 лет Октября к тому дому, где мы жили. <...> Потом вышли там на дорогу, и там уже поставили на машину. Почти 2 километра несли... А сейчас, ты знаешь, настолько стало... вот этот конвейер какой-то просто ужасный. Ну я... Валентина Ивановича хоронили... нет, Валентину Ивановну, наверное, хоронили мы... Борисовых [известные в городе учителя]. И помню, это был декабрь, погода ужасная, там что-то не получалось, тетка эта распорядительница: «Быстрее закапывайте! Там ждут». Вот так это ужасно вообще вот как-то вот, будто бы вот не человека хоронишь, а... Ну, они там, наверное, уже привыкли на кладбище, для них это работа. [Кладбище в Старых Луховицах] говорят, закрывать скоро будут, потому что уж... там ужасно огромное кладбище. Город маленький. У нас же маленький совсем город. Статус города дали почему? Одно градообразующее предприятие, и то там на ладан дышит, по-моему.

Авиационный завод¹⁵

1. МСА¹⁶: У нас в районе деревни Третьяково во время Великой Отечественной войны был аэродромчик, самолеты с которого защищали юг и юго-восток Москвы. Собственно, этот аэродром и стал причиной строительства у нас авиационного завода, который впоследствии нашу деревню Луховицы преобразовал в город.

2. ДБВ: В [19]52 году Иосиф Виссарионович Сталин дал указание наркомы авиационной промышленности, в связи с тем, что территории Жуковского для проведения опытных полетов уже стало не хватать, изыскать в ближайшем Подмоскovie подходящую точку для создания аэродрома и при нем лётно-испытательной базы. Вот, долго смотрели — где, куда, чего... Выбрали две точки: Фруктовая — недалеко отсюда, и вторая точка, вот здесь — деревня Третьяково. Почему Фруктовая — потому что рядом железная дорога, рядом Ока, то есть снабжение: привезти-увезти легко. Ну, автомобильная

¹⁵ Луховицкий машиностроительный завод (ЛМЗ), некогда филиал Московского машиностроительного (авиационного) завода «Знамя труда», ныне Луховицкий авиационный завод им. П. А. Воронина.

¹⁶ Миронов Степан Александрович, родился в 1988 году в г. Луховицы. Работает в Луховицком историко-художественном музее.

дорога — она тогда была еще не очень такая, как сейчас М-5 «Москва — Урал», федеральная трасса, но все равно была. И тут все-таки и линии электропередач все были. А стали смотреть, когда по погоде за год — вот, во Фруктовой в несколько раз хуже по дождям. Там что ни гроза — то во Фруктовой. А в Луховицах смотрят — а в Луховицах максимальное количество солнечных дней в году. Потому что рядом деревня Сушково с церковью Казанской иконы Божьей Матери. <...> Значит, в [19]52 году это определили, и Сталин подписал лично: «В Третьяково — аэродром и летно-испытательную базу». Начали строить. Пригнали военных строителей. Первые вот эти двухэтажные дома, которые напротив бани, и саму баню старую тоже построили. Потому что без бани никак нельзя, горячей воды тогда в кране не было, титаны были на дровах. А потом, в [19]53 году, был такой в Москве 30-й завод у метро «Динамо». Вот у него был свой аэродром — Ходынское поле, но его тоже стало не хватать, потому что самолеты становились все больше и, как говорится, скоростней. И проводить испытательные полеты на территории Москвы тоже как-то не здорово, а производство-то все увеличивалось. В [19]53 году шло уже производство ИЛ-28-х. Очень хороший бомбардировщик... жалко, что Никитка [Никита Сергеевич Хрущев, первый секретарь ЦК КПСС в 1953–1964 годы] их всех «порезал»: «Не нужны нам самолеты — нам нужны ракеты». Ага... Сейчас еще, в наше время, моряки говорят, вот: для моря ИЛ-28-й как разведчик и носитель какой-то торпеды, в случае чего — самое то. Скорость 800–900, запас хода приличный, стоимость у него копеечная — так что таких бы нам. Но уже, увы, давным-давно все это порезано на металлолом. Поэтому здесь было принято решение организовать филиал московского завода «Знамя труда», авиационного. Ну, он считался машиностроительный, потому что секретно все было. Авиационный завод. И здесь был филиал [этого] 30-го авиационного завода. И в [19]53 году уже первые два ИЛ-28-х здесь облетали. Ангар, большой старый ангар. Ворота для него из Германии привезли еще по репарациям. Немецкие ворота. И сам ангар по немецкому проекту построен: такие же и в Германии были. <...> Это сейчас построили новый корпус не так давно. И вот там строили до полсотни ИЛ-28-х в месяц. В квартальный месяц вся взлетная полоса заставлена была этими самолетами. И один за другим они летали, облетывались и шли в воинские части. Потом перешли к производству истребителей уже. Микояновская фирма тут... Ну, и суховские машины (Су-9) тоже одно время были, а потом МиГ-21-е. Я когда пришел с института на практику сюда в [19]69-м, потом, в [19]70-м уже пришел на работу в летно-испытательный цех, МИГ-21 еще у нас шли. А потом, в [19]71-м меня забрали в армию на два года. А в [19]73-м, когда я вернулся, уже шли МиГ-23-е, осваивали. МиГ-21 уже не выпускали, а осваивали МиГ-23 — самолет с изменяемой геометрией крыла: крылья убирались, складывались. И, вот, я как раз занимался электрооборудованием. Конкретно — системой автоматического управления. Ну, тот же, попросту говоря, автопилот. То есть самолет делается, все части, в стапелях, в кондукторе, так скажем. Чтобы не на коленке собрать, а чтобы из всех кусков, из всех частей собрать конструкцию, чтоб все эти конструкции были одинаковые и чтоб крыло, допустим, подходило к любому самолету... киль, стабилизатор, там, и прочие части. Вот — в так называемые стапели [платформа для постройки чего-либо]. Кондуктор — это... вот что-то делаешь, даже табуретку или стул — вот, есть какая-то приспособа, куда кладешь детали, чтоб они заняли определенное место. И только после этого ты их соединяешь: как-то там, шурупами, на клею, вот, или как-то еще... ну а с металлом — сваркой, клепкой. Но как ты ни старайся делать все хорошо — абсолютно одинаково все равно не получится, обязательно будут какие-то небольшие отклонения. Но они по чертежам закладываются — там,

плюс-минус столько-то миллиметров. Если больше — все, это брак. Контроль БТК [Бюро технического контроля] — военная приемка — за этим следит на всех стадиях производства. И, вот, когда уже собирается самолет целиком: все собирается, все оборудование устанавливается, прокладываются все жгуты, все соединяется, начинает он работать. Проверяется все сначала на земле, потом делаются полеты на балансировку механическую, на разгонные характеристики, на проверку оборудования всего, в том числе проверка систем автоматического управления самолетов. Вот, вначале на МиГ-21 был автопилот просто, попроще, но тоже были режимы. Режим стабилизации полета. То есть летчик мог задать какую-то конфигурацию самолету — допустим, горизонтальный полет или полет с набором высоты какой-то, или со снижением, или с каким-то углом крена, вот — отпустить ручку, и самолет заданное положение выдерживал и продолжал так и лететь. Ну вот. То есть можно было задать горизонтальный полет (ну, при определенной тяге двигателя), ручку отпустить и, как говорится, сиди, пей чай. Ну, чай, конечно, летчик не пил. Даже если б сильно захотел — не получилось бы: там и тесно у него было, и кружку некуда было поставить. Но во всяком случае пилотирование намного облегчалось. Автопилот сам проверял внешние возмущения: там, плотность воздуха, какие-то воздушные ямы. Летчику легче было пилотировать, чем постоянно ручку... На истребителях штурвала нет — там ручка. А на МиГ-23 была уже сложнее система — система автоматического управления, там была функциональность больше. Но каждый самолет нуждался в индивидуальной настройке. <...> Вот этим как раз группа, где я работал — был бригадиром в смене, — этим и занималась. То есть приходит самолет, говорят: «Вот, не держит угол тангажа», или «раскачка по крену», там, или что-то еще, и т. д. И, вот, мы его, так сказать, подстраивали.

3. ДНГ: Мы когда сюда приехали — это был Соцгород. Завод-то уже стоял, завод, цеха, полигон был уже. Полигон, 30-й объект. Зашифровано — 30-й объект. А это был филиал Московского авиационного завода. Это была испытательная станция. То есть завод московский делал на «Динамо» самолеты, сюда привозили их ночью или рано утром, и здесь испытание было. Ну, летало здесь. [Взлетно-посадочная] полоса была и был КДП. Контрольно-диспетчерский пункт. <...>

[А когда его переименовали уже в ЛМЗ — Луховицкий машиностроительный завод — официально?]

ДНГ: Ну, это уже намного позже, это уже где-то в [19]60-х годах, наверное. Бабушка наша [К. М. Щепкина, мать ДНГ] ушла на пенсию в [19]70 году, она так и говорила: «Я на промзоне». Это называлось «промышленная зона», промзона, объект № 30. Вся документация была в Москве, финансирование, она часто туда, в Москву, ездила. Она сначала в СМУ работала, а потом ее пригласили объект на заводе строить. Она строила котельную, цеха. <...> И она говорила: «Я работаю на промзоне» (Им. 16). <...> В [19]70 году вот она собиралась уже уходить на пенсию — он уже был как филиал Московского авиационного завода, ММЗ. А этот — ЛМЗ. Секретность была.

4. СНП¹⁷: А потом мы когда ездили ночью в Москву [на машине] <...> И сюда шли ночью — полицейская машина, милицейская... и самолеты тащили со сложенными крыльями. И мы все останавливались и не проходили. Ночью перетаскивали сюда вот.

¹⁷ Старкова Нина Павловна, сестра ЛПТ, родилась в 1945 году в с. Рождествено Карагайского района Пермской области, в Луховицы с 1970-х годов приезжала в гости, с 2002 года переехала навсегда; на пенсии.

ЛПП¹⁸: Их только в восемьдесят каком-то, в [19]87 что ли, наверное...

ДНГ: [МиГ-и] 29-е сюда перестали [возить].

ЛПП: [До этого] их собирали в Москве и ночью привозили сюда, в Луховицы, на отработку.

СНП: Испытательный полигон.

ЛПП: И шло, значит, так — несколько мотоциклов, машина милицейская. Просят в сторону: «На обочину! На обочину! На обочину!»

СНП: А в лесу сидит шпион и фотографирует.

ЛПП: Да ладно уж! Кому это нужно? <...>

[А вот по ночам их возили — как часто?]

СНП: Их 30 штук в месяц делали.

ДНГ: Каждый день делали самолет, каждый день выпускали. <...> Их сколько лет вот так возили. У нас не было цехов как таковых. Ангар надо было большой.

ЛПП: До [19]90-го, наверное. Нет, когда у нас... когда вот у нас это построили?

ДНГ: Нет, мы делали основные части — крылья, там...

ЛПП: Крылья делали, это везли все в Москву, в Москве стыковали, обратно нам возвращали уже готовый самолет. Сюда его привозили в 39-й цех, в 39-м его полностью отработывали. В лаборатории нашей КИСО было, и ребята вот все-все системы отработывают на земле, и потом уже бригада отправляла его в полет первый здесь.

ДНГ: А уж стали собирать-то намного позже.

ЛПП: А потом построили огромный-огромный ангар...

ДНГ: ... и стали собирать. Корпус большой [самолета] стали собирать уже здесь. <...>

ЛПП: [Ангар] для больших самолетов.

ДНГ: Суперджет хотели [строить].

ЛПП: Вот. И сразу с этого [ангара] огромная эта... полоса — сразу выйти на взлет туда.

ДНГ: И стали собирать здесь. А тут завод уже все, закрылся.

События

Гибель и похороны летчика-героя Воробьева¹⁹

1. МСА: Воробьев, да, у нас он летчик-испытатель, у нас долго работал на заводе, он сам не местный, не луховицкий. Тем не менее в послевоенное время он у нас жил и работал. Он испытывал самолеты. В войну он тоже был летчиком военным, у него там тоже масса наград, не только Герой Советского Союза ему в войну было присвоено, много других наград есть. Там написано: за оборону Сталинграда и прочее. Он испытывал в 1965 году 21-й МиГ, испытывал в свой день рождения, на сорокалетие свое. Причем внеплановое было испытание, машина довольно капризная, у него случилась неполадка во время полета, и

¹⁸ Лаврентьева Галина Павловна, родилась в 1942 году в с. Рождествено Карагайского района Пермской области, в Луховицы приехала с мужем в 1970 году. Работала инженером на АМЗ, ныне на пенсии.

¹⁹ Иван Григорьевич Воробьев (24.01.1920—24.01.1965) — майор Советской армии, участник войны, герой Советского Союза (1944), трагически погиб во время испытательного полета на самолете МиГ-21 возле г. Луховицы. Именем И. Г. Воробьева в городе названы улица и парк, в 1965 году в парке был установлен памятник, позже замененный на новый.

самолет начал падать. Он пытался увести самолет от города и плюс пытался в целом исправить эту неполадку и хоть как-то его посадить, чтобы самолет хотя бы частично уцелел. Когда он уже от города самолет увел, он понял, что самолет посадить ему не удастся, он катапультировался, но уже было поздно и парашют не успел раскрыться, и он погиб. Так что его там ждали на заводе, скажем так, на полосе, его друзья, чтобы отправиться с ним праздновать его сорокалетие, но случилась такая вот трагедия. Наши заводчане ему установили сразу памятник, он раньше стоял ближе к «Космосу», где сейчас «Пятерочка», сейчас его немножечко перенесли, но он в том же парке, это парк имени Воробьева, у нас в его честь назван, и памятник там ему стоит. Наши заводчане очень его уважают, и 9 Мая, например, когда у нас городской общий митинг вот здесь проходит, где Вечный огонь, а там до этого митинга, причем и глава там присутствует, администрация, и ветераны, они там, заводчане, устраивают свой митинг именно у памятника Воробьева.

ЛПП: Иван Григорьевич [Воробьев]. Самое главное, что он погиб в тот день, когда его в ресторане, в Москве, уже накрытые столы были. Должны были отмечать, после его полета отмечать его день рождения. А он погиб.

[А почему многие летчики-испытатели тут погибли, а герой — Воробьев?]

ЛПП: Самое главное, что он, во-первых, над городом не упал... Он мог тут разбить много кое-чего. А потом уже у него высоты не хватило, и он погиб: он не смог раскрыть парашют. Если бы у него было хоть высоты какой-то, да. <...> На автопилоте она бы все равно... она бы теряла высоту без него. Он же это, как сказать... над городом могла все это... порушить же все могла.

ДНГ: Он мог катапультироваться намного раньше и жизнь себе спасти, но хотел машину сохранить. Поэтому до конца не выпрыгивал. И вот 300 метров ему не хватило раскрыть парашют.

ЛПП: Он хотел ее [машину, самолет] посадить. Но на город он не может посадить; он ее выводил из города для того, чтобы... хотел посадить. Но не спелось, не спелось.

2. [А вы помните, как Воробьев разбился?]

ЖИН²⁰: О, это Воробьев! Он на глазах, можно сказать, у меня разбивался. <...> Это, между прочим... я уж забыл фамилию, который был этот летчик <...> за каждым летчиком, который облетывает самолет, закреплена машина. Он там сделал 2 или 3 полета <...> а потом было так, дай Бог памяти... Ну, короче говоря, зам. главного инженера <...> Он, значит, в выходной день, надо летать было, ну, уже конец месяца. А, значит, тот летчик — что-то он не явился на полеты. А это было воскресенье. А этот, зам. главного инженера, он отвечал за летную часть. Ну, он чего: Воробьев был старшим летчиком, и ему, значит: «Иван, Иван...», его Иван звали, ну, по батюшке — уж забыл... ему: «Может, полетишь?» — «Ну, чего — полечу, будем облетывать». То есть не его был самолет даже. Он как старший летчик, ему подготовили — садится, пошел в полет. Пошел в полет, и там отказала система АРУ [автоматическая ручка управления]. Я был в комиссии, ну, там схимичили — ну, не буду это говорить <...>. И он пошел. Он все, уже, можно сказать, полет заканчивается, и хотел идти на посадку. А потом у него вот эта система АРУ <...> отказывает эта система, автоматика не работает, и он на малой высоте уже здесь идет, и как привык — они, как обычно, ручку, там... дал, допустим, там, 20–30 градусов, и он, самолет, его

²⁰ Журбенко Иван Николаевич, родился в 1930 году в д. Поньри Курской области. Участник войны. В Луховицы приехал в начале 1950-х годов, работал инженером на ЛМЗ, ныне на пенсии.

слушается. А он же так, на малой высоте, так же дает, но руль, стабилизатор отклоняется на большой угол. А раз на большой угол — значит, сами понимаете, эффективность его тоже это... И вот он шел он то вниз, то вверх. Ну и, короче говоря, он уже потом понял, и самолет пошел на пикирование, и он катапультировался здесь вот... там, за чугункой [одноколейная ж/д, связывающая песчаные карьеры, Луховицы и Зарайск]. Ну, высоты... это сейчас сиденья другие — можно даже с земли катапультироваться, а тогда были сиденья СКА-1, старые. Он это... парашют не распустился, да, не раскрылся, как надо. Ну, и он, короче говоря, живой... то есть внешне нормальный, а...

[А почему именно его считают героем по сравнению? У нас же много таких случаев было — погибли летчики при испытаниях.]

ЖИН: <...> Ну, все-таки он заслуженный был, Героя Советского Союза за войну получил, <...> имел столько вылетов боевых. <...> Ну, как человек был... очень я его хорошо знал, мы часто с ними разговаривали <...>. Ну, и, короче говоря, вот этот зам. главного инженера заставил его лететь, и вот он и погиб.

[А вот правду говорят, что самолет бы над городом упал, если бы он его не увел? Или это легенда уже?]

ДНГ: Ну, вот именно, что якобы он получил вот это — что его именем и улицу назвали, и все...

ЖИН: Ну, знаешь... ну, да... ну, или я забыл, или... ну, если я не знаю — чего я вам буду говорить?

ДНГ: Это, наверное, скорее всего, легенда.

ЖИН: Ну, не знаю. Ну, он Герой Советского Союза — ему и надо.

3. [Анна Ивановна, а вы помните Воробьева? Когда погиб Воробьев — помните его похороны?]

РАИ: Ну, помню я, когда погиб он, но я не бегала, правда. А у нас, из моего отдела, кто-то из девчонок бегал, и она говорит: «Ой, Анна Ивановна, какой кошмар! Крыло там, там одно... Но он сидит, — говорит, — в кабине. Он сидит в кабине».

ДНГ: Даже не катапультировался?

РАИ: Кабина не разлетелась, а там, вот где вот эти были пассажирские — эти все разлетел[и]сь. Считай, одна кабина у него была. И он просто... как сказать?... он об чего-то очень ударился головой сильно, и у него вот сюда вот, говорит, какую-то... вытаскивали какую-то штуку, рассказывали. Говорит, легкие даже он поранил все себе. Вот рассказывали. Я не ходила. Я не пошла. Я не могу. <...>

[А здесь прощание-то было?]

РАИ: Ну, было, как же, все.

[А где? В «Космосе»?]

РАИ: Ну, «Космоса»-то еще тогда не было у нас.

ДНГ: Был «Космос».

РАИ: А, был «Космос»?

ДНГ: Конечно.

[Это [19]65 год...]

РАИ: Ну, тогда в «Космосе»... только в «Космосе». А правильно, я вот помню...

4. ДНГ: Это улица Воробьева — она идет от школы [школы № 2, ул. Мира, 12]. А почему так называется, знаешь? По этой улице хоронили его. [Везли] от нашего... у нас одно было здание — кинотеатр «Космос». По-моему, тогда еще [ДК] «Старта» не было. Ну, ты знаешь, где мы жили-то? По улице Воробьева последний дом [ул. Воробьева, 13]. А вот от нее дорога была к «Космосу». Вот от «Космоса», вот там прощались с ним, и по этой дороге, по улице Воробьева, его несли. А я с балкона, со второго этажа [смотрела] <...> Летчик, который... у него авария была с машиной, и он его отвел, чтобы не на город упасть. Поэтому он считается как герой.

Капсула с посланием в будущее

1. [Речь идет о капсуле с посланием, которая была заложена в Доме культуры «Старт» в 1968 году]

ДНГ: Да, для будущих комсомольцев. «Комсомольцам [20]18 года». И вскрыть эту капсулу в юбилей комсомола.

[И мы сейчас идем к месту, где эта капсула была заложена. А ее вскрыли в [20]18-м году?]

Нет, конечно. Уже и комсомольцев не было, вообще никого.

[И что сделали?]

Ничего. Так, замуровали это место. Там была сначала такая табличка...

[Капсулу не достали, а место замуровали? Она тут была, да?]

Да, где-то на этой стене вот. Там была табличка такая большая. Вот, наверное, вот здесь вот, между окон. Я знаю, что на этой стене где-то, вот рядом со входом. Наверное, вот здесь (Илл. 17, 18).

Праздники

7 Ноября и 1 Мая

1. ДНГ: Демонстрации... Прямо до [ж/д] станции пешочком. Вот по улице Жуковского. У «Старта» обычно собирали. Транспарантики нам давали разные, шарики. И шли. А оттуда уже — была у нас там машина, мы транспаранты должны были положить, и пешочком оттуда. И вот представляешь, каждый год (Илл. 19).

2. РАИ: Кто где [отмечал]. Кто дома. Вообще-то у нас, конечно, когда вот 1 Мая, если демонстрация, — собирались все у «Старта». Свои отделы, цеха, у всех свои там какие плакаты какие-то, транспаранты эти вот. С флажками. Вообще много ходило, конечно, народу раньше. А сейчас, мне кажется, туда никто и не ходит.

25 июня — День молодежи

1. ДНГ: В День молодежи мы ездили туда, на станцию, и около, где озера. День молодежи у нас 25 июня был. И отмечали там, где Захаркины жили, это называлось «кулацкий поселок». Там была ветлечебница, и вот в районе ветлечебницы мы проводили вот эти вот праздники-то молодежи.

[А что вы там делали, на этом празднике?]

А там, в основном, торговая точка была. Ведь снабжение же очень было плохое, в магазинах никаких ничего же не достать было.

[Просто покушать приезжали?]

Да. Вино пили. Вино вот было. Ну, танцы устраивали, музыка была, конечно, и по гармошке какой-то. Я сейчас не помню... Нет, частушки я не помню. Частушки. Мы как-то не занимались такими вещами. Никогда частушки не пела. Ну, просто музыка звучала, и люди просто тусовались. Ну, что, не знаю, может быть, и коврики стелили, может, в карты играли — не знаю, чем занимались. Ты спроси у дедушки, чем они на День молодежи занимались.

Нет, ну понятно, он же с ребятами общался, а я с девушками. У нас разное было (Илл. 20).

Новый год

1. ЛПП: И мы вот как раз с [19]72 года, по-моему... начались у нас «огоньки». А где продукты брать? Вова за руль, мы все сели — и в Москву. Вино, все закупали, продукты. И в ДК «Старт», в малом зале, нам давали этот зал официально, новогодние «огоньки». У нас были сценарии, у нас было все, и все возили мы вот на этой «Волге». Вот я не знаю, поначалу выделял завод [деньги] или нет, потом он немножечко выделял. А вообще мы собирали сами. Собирали сами, сами все накрывали на столы, там, кто-то что-то готовил, приносили, в общем, и... ну, до двух, до трех мы танцевали. Старались 31-го, если мы заранее там это [займем зал]. <...> Но «огоньки» были, не только мы. Мы начали, наверное, и ОГК... а потом многие цеха вот так вот. <...> По графику. Мы старались занять, чтоб на 31-е, с 31-го на 1-е. Мы украшали зал, мы сами лепили шар, вот этот вот. Бились зеркала, лепили на этот шар. На заводе — нет [нельзя было устраивать]. ДК «Старт» был заводской Дом культуры. Сейчас-то он районный, его забрали.

Детские игры и досуг молодежи: от 1950-х к 1990-м

1. ДНГ: [В 1950-е] во дворе мы играли в дочки-матери. Мы в магазин любили играть: устраивали такие весы, рвали травку, взвешивали, туда-сюда, покупали... (Илл. 21, 22).

Вот сейчас мы если пойдем по той вот улице — вот это наше было место. Вот где напротив [Школы искусств] «Орфей» [ул. Мира, 3], вот по этой дороге — мы там играли. И чертили «классики», прыгали... А знаешь, почему? А могу объяснить. Там трубопровод очень близко к земле подходит, и там всегда ранней весной все таяло. Везде кругом снег, а там дорожка была свободна. Ну, она была... какая-то мостовая, и она была освобождена от снега. Ну, типа асфальтика там что-то было. И мы там чертили «классики» и играли. Уже в марте месяце мы уже сгали там, уже все, уже снега там не было. <...> Зимой мы по этим улицам — по улице Мира, по улице Жуковского — катались на коньках. Прямо по этим по улицам катались на коньках. Наверное, дороги не чистили, они были обледенелые — мы на них катались. Тогда были популярны коньки, и мы на коньках прямо вдоль дорог катались. По тротуарам, конечно, не на дорогах. По тротуарам ездили. Каток был на [ж/д] станции, где стадион «Спартак» [ул. Пушкина, 12]. У, там какой был каток замечательный! Музыка, выдавали коньки, чай, было все, в общем. <...> Вот как-то лыжами не очень. В основном, было популярно — коньки. Санки, на санках катались. И могу еще сказать, какой у нас был досуг. Вот это вот здание, которое гастронном [ул. Жуковского, 1]. Его фундамент построили и заморозили на несколько лет. Вот представляешь, там перекрытия были кирпичные, вот это вот все здание. Ну что там — вода была, а зимой снег был. И мы там тусовались. И прыгали в снег, и на плотах катались. <...> А потом решили... и как уж они восстанавливали? Представляешь, на этом фундаменте 5 лет — там все, там

было не поймешь чего... Но как-то вот просушили, потом начали дальше [строить]. Денег, что ли, не было — не могли построить. Начали и бросили. <...> И очень любили — на санках катались с гор. За «Космосом», с горки там катались.

2. ДБВ: Дом, где гастроном, был построен намного позже [домов по ул. 40 лет Октября]. Там был заложен фундамент, и много-много лет — лет 6–8, а может, и десять — там был только фундамент. Зимой там все заметало снегом, весной там все это таяло. А поскольку фундамент — он в земле, — то там, естественно, получалась вода, а сверху лед. Потому что и осенью там была вода. И там были льдины, и мы на этих льдинах катались, внутри этого фундамента. <...> Весной оттаивало, а льдины тают позже, чем снег. И, вот, мы там катались. Интересно было, весело. <...> А зимой на коньках мы катались напротив нашего дома — улица Воробьева, дом не помню... 4-этажный дом [ул. Воробьева, 7]. Здесь сейчас стоит памятник А. С. Пушкину. Там было футбольное поле, а зимой заливали каток. На краю этого катка стояла деревянная горка, высокая <...> Ее тоже поливали водой — получалась такая ледяная горка. И мы оттуда на коньках, с этой высоты, катались. От того, что катались много раз, внизу, где горка кончалась, а начинался каток, — там получалась яма потихоньку. И вот летишь на коньках оттуда — так, в полуприсядку — с горки когда в эту яму. А потом подскакиваешь, летишь по воздуху — ты уже приземляешься на коньки уже на катке и катишься там метров 30–40–50 — у кого сколько получится — до снежного отвала. Ну, каток-то чистили — по краям были снежные отвалы. Зимы были такие, что зимой луж практически никогда не было. Были только или морозы, или так, чуть потеплее. Так что снега было кому по пояс, а кому и по шейку. Вот сейчас вспомнить, как мы катались... вот заставь оттуда на коньках спуститься... Это ж скорость-то мгновенно набирается. А летом за «Космосом» тоже горка — на велосипедах с этой горки спускались. А там тоже — где ровно, а где не очень. Я вот раз въехал в большую такую яму. Короче, «Орленок» [велосипед] согнулся так, что не выправишь, а я «ласточкой» летел несколько метров. Но, хорошо, приземлился удачно. А зимой катались с этой горки на лыжах. А она шла — горка-горка-горка, а потом выравнивалась, а потом был такой обрывчик — как бы небольшой трамплин. Ну, и вот с этого трамплина тоже несколько метров летишь, приземляешься на поле и катишься почти до [реки] Вобли. Она широкая тогда была.

3. ДНГ: Улица [Воробьева] параллельно 40 лет Октября прямо от школы идет, прямо от школы — и пошел туда [к нынешней улице Жуковского]. И вот за этой дорогой, туда, вообще ничего не было. Никаких домов, ничего. Там давали землю — мы картошку там сажали первые годы. Вообще там ничего не было. И на этом поле мы устраивали Масленицу. Заливали каток и ставили вот такие... ну, как это называется?.. санки, салазки, и по кругу вот так вот... Праздновали <...> проводы [зимы]. И вот я вот хорошо помню — устраивали такую вот... штырь такой, и от нее вот эти штуки, санки... и по кругу так катались. <...> Карусель на льду. [Организаторы] от завода же были культурные, вот эти... типа Репина, который занимались, как говорится, бытом [см. далее Репинский пруд]. А вот там, где сейчас у нас напротив гастронома пустырь [пространство перед почтой — ул. Жуковского, 2/8, — где сейчас рынок], — там был каток у нас. Там елка, музыка была.

4. НМИ: Что было хорошо: почти в каждом дворе — вот особенно здесь, когда стали строиться вот эти «Черемушки» [жилые дома от Больничного проезда в сторону Набережной, между улицами Мира и Жуковского], — были спортивные площадки. Вот в школе уроки закончились и... у нас спортивного зала в школе ведь не было, у нас был обыкновенный класс — ты помнишь? — на первом этаже, это потом пристройку сделали уже к школе... А у нас не было спортивного класса. Но мы все равно на соревнования лыжные... у нас тогда 1-я и 2-я школа — две школы были. И спортом много занимались: и волейболом, баскетболом, и легкой атлетикой. Как-то у нас время... было интересно. Телевизоров тогда как-то мало было. Я не знаю, когда у вас появился телевизор? Ну, здесь-то [на ул. Набережной, по-местному — на Мамыкином бугре, см. далее] мы уже были — был у нас [телевизор].

ДНГ: Ну, во всяком случае, детей отпускали самих по себе гулять.

НМИ: Да тогда и не было такого, чтобы не отпускать.

ДНГ: А сейчас ребенка нельзя.

НМИ: Никаких ситуаций таких не было, чтобы... Я не помню ни одной.

ДНГ: Гуляли сами по себе.

НМИ: Я, единственно, помню, что на моей вот жизни, такой сознательной, школьной... тогда хоронили маль[чика], его тогда сбила машина на Черной речке. У него отец там работал. Вот это единственная, по-моему, смерть была. Вообще не было. И не боялись ничего: ни гулять, ни ходить. Если такого понятия — страха — не было. На каток мы ездили зимой. Я не знаю, вы ездили или нет?

ДНГ: А как же! Стадион «Спартак».

НМИ: На стадион. А потом, помнишь, у нас каточек вот здесь, в городе был, где сейчас вот эт[а] булочная, новая остановка, булочная [ул. Жуковского, 9 а] — вот там заливали каток, там катались на катке.

5. ДНГ: Школа вторая [№ 2]. А на ней написано — [19]52 год. <...> То есть мы приехали — ее как раз в этот год построили. <...> Вот она, наша школа. <...> И я хорошо запомнила ту дорожку, по которой я встретила с Татьяной [подругой]. Первый человек, которого я встретила, была она. <...> И мы с ней когда гуляем, она говорит: «Ты помнишь?». Я говорю: «Конечно!» Как нам тут было хорошо (Им. 23). Вот этот вот парк относился к школе, вот эту потом загородку сделали (Им. 24, 25). Это все было школа, это мы сами все тут сажали. Тут были грядки. Мы что только не выращивали! Кролики у нас были. <...> Директор школы жил в школе, и они разводили кроликов. Вот, они здесь жили и разводили кроликов. И мы участвовали в этом: носили траву разную, морковку нарезали, клетки у нас были и всякое это самое... выращивали мы. Я помню, сельдерей здесь выращивали.

[Да? А куда это потом девалось?]

Ну, все потом разводить уже не стали тут, и уже сейчас-то это не школа. Это уже не школа.

[Нет, я имею в виду, вот вы выращивали, а куда это шло, вся эта продукция?]

Я так думаю, что этим, которые здесь жили.

[То есть не в школьную столовую, условно говоря? То есть школьники работали на директора?]

А нас приучали к труду, понимаешь? А чтоб мы этим пользовались — это я не помню, чтобы мы этим пользовались.

[А может, вас кормили? А как вас кормили в школе?]

У нас был вот завтрак: киселек, молочко, компотик с булочкой с какой-нибудь — вот и все.

Это вот обед, вот это я помню: нам разносили компот; очень хорошо помню этот киселек с булочкой. А вот чтобы мы что-то еще ели — этого я не помню.

ДБВ: Вот, и я во второй класс уже пришел во вторую среднюю школу — где сейчас Центр досуга [Центр развития творчества детей и юношества, ул. Мира, 12]. Школы там, на этом месте, нет, а в этом здании Центр досуга. Вот, и там со 2-го по 11-й класс учился. Было профтехобразование — я считаю, это хорошее дело. Какое-никакое, не то чтобы какая-то, там, профессия — просто само отношение к труду — это тоже очень большой элемент воспитания. Мы раз в неделю ходили на ДОК — деревообрабатывающий комбинат, который рядом с заводом авиационным. Он тоже делал и контейнера для перевозки самолетов, и кое-что еще. Вот там был 22-й цех инструментальный, начальник цеха был Евгений Иванович Орехов. Институт он окончил как раз по этой части, и он нам читал лекции: структура металла, металлообработка. Читал на очень хорошем уровне — не как даже для школьников, а по институтскому курсу. Ну, и практически — руками... берешь болванку и долго-долго, шмыгая напильником, делаешь из нее молоток. Или берешь железяку, размечаешь, высверливаешь, шмыгаешь напильником и делаешь из нее ключ.

[Это с какого класса вы уже туда ходили?]

Ну, 9–10–11-й класс. Ходили туда пешком — через поле, через [реку] Воблю. А в перерывах гоняли там в футбол — начиная с осени, и зимой. Ну, одевались, естественно, во что похуже — что не жалко, как говорится, испачкать, когда шмыгаешь напильником. Ну, и в футбол погонять — тоже не жалко. Да и не было хорошей лишней одежды.

6. НМИ: Школа была средоточием вообще всего. Ты помнишь? Наши эти новогодние вечера, бдения с Григорием Палычем, украшение зала, пацаны любили очень. Вообще мы школу очень любили. Я не знаю, Нина, как ты. Может быть, я всегда это такая, немножечко идеализировала все. Для меня школа много очень значила в то время. Больше ничего не было, в принципе. А, был профсоюзный клуб. «Старта» не было, профсоюзный клуб был в одном из этих четырех домов, там, на первом этаже [ул. Жуковского, 10]. Ты не помнишь его?

ДНГ: А как же! (Илл. 26)

НМИ: И когда мы учились в 9-м, по-моему, 10-м, 11-м классе, помнишь, были так называемые университеты культуры. То есть из Москвы приезжала группа артистов, вначале нам читали лекции, а потом был концерт. Причем это не была вот эта поп-музыка какая-то, а нас знакомили с оперой. Вообще было замечательно! Я детство свое вспоминаю с большим удовольствием.

7. ДНГ: Профсоюзный клуб был. [Музыкальной] школы как таковой не было, был профсоюзный клуб, и там был кружок для занятий на фортепиано — взрослые не ходили, дети ходили. И уже потом из этого профсоюзного клуба организовали школу музыкальную, и при открытии я была первая. Первая музыкальная школа, и я — первая ученица этой школы, первая по счету (Илл. 27).

РАИ: А так здесь ничего. Вот деревня была Кунаково, и все.

ДНГ: Но понятие «профсоюзный клуб» было, потому что там всякие кружки были. Вот где общежитие — там было специальное отведено место, и это у

нас был профсоюзный клуб. Там мы организовывали танцы у нас, в профсоюзном клубе...

РАИ: Да, да, танцы.

ДНГ: Буфет. <...> Для нас там все это было радость, потому что дефицит был всего, и... ну, бутербродики...

РАИ: И бутербродики были, и, конечно, сладости...

ДНГ: Булочки.

РАИ: И булочки были, печенья там, конфеты какие. Так, было все, все...

ДНГ: И самостоятельность была всякая-разная. Кружки были, и вот там устраивали вечера и концерты.

8. ГВВ²¹: А мы-то раньше, пятачок-то вот, где 9-я школа [ул. Гайдара, 2] — там был пятачок. Мы маленькие были — мы не застали, чтобы там танцы, чтобы мы ходили. А наблюдать туда ходили, на бугор, где 9-я школа.

ДНГ: Ну, где «Космос».

ГВВ: Да, [там] танцплощадка была; взрослые танцуют, а мы наблюдаем. А потом вот профсоюзный клуб — это уже мы застали. В профсоюзный ходили.

ДНГ: А это вот общежитие где, вот там был профсоюзный клуб. И там всякие кружки были, самостоятельность была.

ГВВ: Да. Мы в театральный ходили. Я ходила в театральный, там была такая интересная женщина, вела [кружок].

ДНГ: Я помню ее — Вера, по-моему, звали.

ГВВ: Вера, Вера. Ее не Вера... Виктория или Вероника — как-то, да. Вот. Ходили мы, я занималась, ходила, например.

ДНГ: Я тоже ходила. Да, да, фотографии есть, [играла в спектакле] «Макар Чудра» (Илл. 28).

9. ЛПП: Мы еще приехали — мы застали танцплощадку, вот от нее кусок бетонный остался около ДК «Старт» [ул. Жуковского, 18] (Илл. 29).

СНП: Где чучело сжигали!

ЛПП: Когда идешь от [«Старта»] — это справа, и там кусок вот такой виден тонкий. Она типа кладки или что-то бетонное, что-то такое. Когда от «Старта» сюда [в сторону «Космоса»] — справа, а слева будет теннисный корт. И вот эта танцплощадка — еще мы застали ее — она была деревянным... пол деревянный, и была окружена тоже деревянн[ыми] какими-то конструкциями — ну, типа... не забора, а такая... Перила... ну, что-то было там. На танцплощад[ку]... на танцы я не ходила уже. Мы ходили в «Космос», в кино.

ДНГ: Ну, мы только туда и ходили. Принарядиться можно было только туда.

ЛПП: Да, да, да, и мы ходили вот в этот «Космос».

ДНГ: Куда еще можно было наряжаться, нарядное платье надеть... куда?

10. БИН²²: [В 1990-е годы] по-моему, все праздники у нас только у «Старта» проходили. И все. Какие-то точки молодежные — даже не знаю. Только у

²¹ Гусева Валентина Викторовна, родилась в 1950 году в г. Полоцке, в Луховицы приехала с родителями в 1950-х годы. Работала на АМЗ, ныне на пенсии.

²² Бублик Инесса Николаевна, родилась в 1979 году в г. Луховицы, работает в музыкальной школе.

«Старта» проходили праздники. А! Ну и в «Старте» дискотеки были. И все, больше никаких тут особо развлечений. Кстати, в соседнем дворе какие-то проходили, по-моему, концерты, еще давно, там сцена была, вот я помню в детстве [в 1980-е годы].

ДНГ: Открытые такие площадки, там кино показывали, по-моему, даже.

БИН: Да! Что-то там было, там было здорово! Это прям в глубоком детстве было. Но потом это все прекратилось.

ДНГ: [Раньше] у «Космоса» была танцплощадка.

БИН: Танцплощадки уже не было, я не помню. Но помню, дискотеки в самом «Старте» проходили, там на втором этаже. А что на открытом воздухе, вот это вообще в глубоком детстве в соседнем дворе. В кино в «Космос» мы ходили. <...> А потом там видео стали показывать, вот видеопрокат. <...> Зимой за «Космосом», да, мы катались в детстве, горки были. <...> Катки у «Старта» заливались все время.

ДНГ: В мое время было напротив гастронома: вот эта площадка была большая и там заливали тоже каток. [Где стадион] — само собой, там платный был, а это просто: горел фонарь и катались.

Летний отдых

1. РАИ: И в Воблю мы ходили, плавали. Она была большая речка. Очистили ее тогда. Была хорошая. Очистили ее как следует. От моста идет вот сюда, тоже подальше. А туда дальше — уже все, ручейки были. И вот мы ходили, там загорали на берегу. За кинотеатром [«Космос»]. Песочку нам привозили первое время. А, и тогда прямо, где за кинотеатром, ну, сюда поближе, там все же прорыли ее, сделали как озеро. А туда дальше — здесь мы купались. Я помню, я даже ходила, белье полоскала туда. Вот сюда ходила, к мосту — здесь дорога и там мост. И вот я туда, к мосту ходила... коля[ска]... ну, какая у меня коляска — ну, детская была коляска, от сына оставалась. Вот, я туда бак ставлю и поехала полоскать белье. Ходила. Потому что вода ж была плохо: когда есть, когда нет ни черта. Было с водой все. Это сейчас, да, вода течет, газ идет — хорошо!

2. ДБВ: [В Вобле летом] купались и рыбу ловили. Потому что вначале она была вообще хорошая река. Даже когда еще не было плотины там, в конце, где уходит она, ныряет под автодорогу с Соцгорода на авиационный завод, даже когда не было плотины, была река такая, что пешком не перейдешь — глубоко. И даже в одном месте был островок небольшой песчаный — туда надо было плыть — и там можно было загорать. А потом, когда сделали плотину, через несколько лет туда запустили карпов. Карпы вырастали до пяти килограмм. Но поскольку весной снега было много, весной все это таяло — уровень поднимался. А на той стороне дома и огороды рядом с Воблей были. И один из крайних домов там постоянно подтапливало — и огород, и может, и до дома доставало. И, вот, хозяин этого участка как-то тайно эту плотину подкопал — и в одну из весен ее промыло, и вся вода ушла. А вода ушла, а лед, естественно, еще — он же тает позже — опустился. И когда растаял лед — вот, лежало множество вот таких вот подносов — карпов по пять килограмм. <...> Это было [19]60-е годы, [19]62-й–[19]64-й примерно.

3. [В Вобле вы не купались в детстве, в ваше уже время?]

БОА²³: Я купалась!

МСА: Я нет. Мать вот у меня купалась. Я где-то недавно вычитал в наших книгах краеведческих здесь, что было развлечение такое у нашей молодежи луховицкой раньше: когда Вобля была еще покрупнее, на льдинах плавали по Вобле. А я в свое детство, просто один год так совпало, что была подходящая льдина, и тоже мы разбегались и на ней с палкой переправлялись с одного берега на другой. Получается, что раньше у нас такая, оказывается, народная забава была...

БОА: Это же в детстве.

МСА: В детстве, да.

БОА: Вобля же в том понимании... Вы застали, не знаю, еще когда вот эти мостики, через которые переходил, прямо по мостику, была вода? И вот эта зона, которая на улице Пионерской, если за «Космосом», сейчас это на горках за «Космосом» всегда катаются дети на санках, на лыжах иногда, на ледянках, это тропинки же уже такие, раньше тропинок там не было, там всего лишь были деревья такие, самосад. Этот овраг, когда еще не было [домов по] улице Пионерской, когда просто 9-я школа была и гаражи там под мостом, где через Воблю.

ДНГ: Короче, туда не надо было ходить.

БОА: Да, да, такое место. Но дело в том, что там была зона отдыха, там городская зона отдыха, там был городской пляж. И в разлив вся эта местность, где дорожка, в разлив это все заливалось. По сути, эта насыпь, которая на Пионерской улице, где дома стоят высоко, она сделана специально из-за того, что они, все дома, стоят на сваях. Потому что заливалась эта дорога, эта местность.

МСА: Где-то я встречал недавно фотографии, как люди в Вобле купаются.

БОА: Именно городской пляж я помню, потому что мы туда ходили с семьей, стелили полотенчики. Это [19]80-е, конец [19]70-х — начало [19]80-х. Где-то там [19]83-й, [19]82-й, [19]85-й уже, там уже все, она стала затягиваться. А еще фишка-то в чем? Там же как раз по берегу Вобли частный сектор расплодился, и в свое время это само русло было, скажем так, загажено именно местными жителями. Первое: они тянули насосами, у каждого дома стоял насос, из Вобли на полив воду, они тянули эту воду. Соответственно, река не успевала наполняться, особенно в летний период. То же самое наши огурцы, наши посадки. Это же край этого Сушково как раз, которое сухое было. А они тянули там воду. И плюс еще весь этот местный хлам. У них, представляете, русло, вот заборчик, а вот русло, они вот так кидали холодильники, весь мусор, все русло было завалено, когда она уже начала сохнуть. Естественно, кто когда что чистил?

МСА: Его вот очистили, а говорят, там неправильно сделали. Оно обмелело еще сильнее и заросло еще сильнее, не соблюли там какие-то условия.

БОА: Помимо истоков, надо еще русло прочищать, чтобы вода куда-то пошла, надо сначала русло очистить, прочистить.

МСА: Ее расчистили, вода совсем прям в землю ушла вся.

БОА: Ну, что? Я говорю, я помню отчетливо, стоишь на мостике, вот вода, вот кто-то под мостиком проплывает. То есть настолько она была не мелководная, вода очень чистая была.

Речку очень жалко, это зона города, представляете, территория города в

²³ Буслаева Оксана Александровна, родилась в г. Луховицы в 1970-е годы. Работает в Луховицком историко-художественном музее.

шаговой доступности, вот сейчас на Пионерской люди вышли и пошли на пляж. Казалось бы? А представляете, сколько, даже если просто представить и задуматься, сколько нужно средств для того, чтобы... А русло-то где? Русло-то совсем далеко, поэтому... Надо же истоки сами. А потом же она еще перетекает, она же в речку Гнилушу перетекает. Видели на карте? Там она местами... Это знаете где? В районе «Авиатора» [стадион на ул. Островского]. И когда она пошла туда на изгиб, где заводской вот этот мостик, в районе Набережной, вот там это ответвление, Гнилуша она называется.

МСА: Она везде по-разному. В Рязань едешь, по навигатору смотришь — Гнилуша, а в указателе стоит — Вобля.

4. АНД: А когда мы выходили из школы, и вот наша вот эта часть Кунаково — «Самара»... У нас был, знаете, как разновозрастный отряд. Меня мама всегда говорила... Рядом, знаете, жил... он был в 4-м классе, а я в 1-м, и она ему говорила всегда: «Вовка, ты отвечаешь за мою дочку». И вот так и ходили: 1-й, 2-й, 3-й и т. д. классы. А когда осень — мы возвращались из школы «по задам» — это сзади домов огороды, и там проселочная такая дорога; с одной стороны поле, с другой — мы. Подходили к реке Вобле, так... Мы тогда ее и Воблей-то не называли, потому что родители нам говорили: «Ну, что это такое — матерщинное какое слово». «Во...» и дальше, да. А мы называли как-то ее... Называли-то по-другому мы у себя. Хорошая речка наша была. Подойдешь к ней, видно: чистенькая водичка, как эти маленькие рыбки плавают там. И через речку там был проходик узкий. С одной стороны была кругленькая... прямо кругленький омуток такой, где можно было купаться, но там глубоко. С другой стороны идет спокойно речка. И на этой стороне был колхозный огород. На колхозном огороде росла свекла. Сахарная. Но к сахарной свекле нас не очень допускали. А там еще рос турнепс. Вот это мы любили. Какие там эти сейчас редиска или что-то такое, дайкон продают. Вот дайкон продают, муж мне говорит: «Слушай, купи». Я говорю: «Чего?» — «Ну, купи вот это... пусть белый, пусть не сиреневый там, но купи. Вспомним детство: вкусы похожие». И когда мы подходили, нас всегда встречал — на берегу на следующем была кузница — кузнец, и он отвечал за этот огородик-то. Так, и говорит: «Так, не ходить! Видите, какая крапива? Это для вас! Будете... полезете — крапиву получите. Я вам сейчас продерну». И вот он нам продергивал этот турнепс, и еще капуста. Вот мне вчера принесли родственники мои кочан капусты, я посмотрела на нее и даже чуть не прослезилась. Вот она мне напомнила вот ту капусту, которая была не такой, как сейчас продают, а это вот такой огромный кочан. Он искал, и она лопалась от того, что... И вот он лопнутый найдет кочан, разрежет и начинает резать: этому, этому... Пока мы доходили до дома, то мы эту капусту-то с удовольствием всю съедали. Но это когда учились, поэтому очень любили осень, сентябрь.

НМИ: У нас еще знаешь, где пруд был? За «Космосом». Не пруд, а целое озеро. Там запрудили плотину, и там, за «Космосом», было большое [озеро], больше, чем Репинский [пруд]. Вот этот овраг весь был заполнен водой.

ДНГ: Привозили песочек.

НМИ: Был момент... Ты помнишь такое, да?

ДНГ: Да.

НМИ: Да. Купались, загорали, да. <...>

5. [А летом как вы развлекались?]

ДНГ: Летом — на карьер. До станции доезжали и пешочком. На первом [карьере] не купались, он был заброшенный. На втором карьере. Первый — там разработки были и неоформленный он был, первый. А на втором уже разработки не были, песок не забирали. Мы вот на второй карьер ходили, там купались. А больше я вот... На Оку! На Оку ездили. На автобусе. Ну, конечно, с родителями, мы сами-то не ездили. Мы сами девчонками ходили только на карьер. <...> И потом, я помню, дедушка... от завода давали машину, и мы ездили отдыхать на Осетр <...> вот к старому мосту, наверное, где-то [мост через р. Осетр у д. Берхино]. <...> Так я понимаю, что вот этот лагерь... это, кстати, бабушка этот лагерь находила. Заводской лагерь. «Лесные дали». У них... у нас был начальник [Тимофей Андреевич] Репин — вот этот, который вот — озеро-то его, да [Репинский пруд, см. далее]. Вот, они с ним поехали, он говорит: «Поедем, Максимовна, посмотрим место для лагеря, для турбазы». И вот они поехали на легкой машине, от завода им дали, и они по всему побережью проехали, и вот остановились в этом месте. Решили, что тут будут строить турбазу [заводская турбаза «Старт» на р. Осетр] (Илл. 30). Вот они там проехали, им там это место понравилось <...> Вот, и получается, что этого лагеря еще не было, и вообще там ничего не было. И от завода давали машину первое время, я помню, маленькая была. И на этой открытой машине, представляешь, посадили всех желающих отдохнуть. Ну, в смысле, одеялко с собой, там, еду с собой — понимаешь? Нас выгрузили, у речки посидели, как говорится, покушали там, вот, и назад увезли. Это день выходного дня, так называется. А ты говоришь — куда, какой досуг? Вот так вот: от завода давали машину. Кстати, завод давал машину — за грибами, сажались все желающие и ездили за грибами. Вот насчет грибов я не помню, куда нас возили. Вот отдыхать на Осетр — это я хорошо помню.

[А на Оку куда? В какое место ездили?]

ДНГ: А это ты лучше спроси дедушку (ДБВ), потому что его отец же рыбак, и он его туда возил. И как они там эти помидоры... Там же на лугах росли помидоры в естественном виде. Ну как, я даже не знаю: сажали их или чего? Там все было поле — помидоры. И вот они когда ездили на рыбалку, они брали с собой отварную картошку, соль и кусок хлеба. А помидоры на поле. Вот, и у них была эта рыбалка, и закуска — все. И ничего больше с собой не брали. Вот он и говорит, «Надо же, — говорит вот отец, — ничего, вот хлеб, помидоры, соль и что... и картошка».

6. БИН: [Летом ездили] на карьер. А! Еще на речку, кстати, на Воблю ходили под мостом, я помню, нас в лагере [городской лагерь в 9-й школе] водили купаться. Вот как идти как раз от Сушково, за «Космосом», или вот улица Полевая как идет, как к церкви идти, там речка. Вот мы в том месте купались, под мостом, там недалеко. А она еще была, может, там воды было побольше. Я помню, еще большой палец порезала там об консервную банку, там и шла с такой ногой, какой-то лист приложила там подорожника по ходу. Купались мы. А сами мы ездили купаться на первый [карьер]. [Родители одних] отпустили в старших классах. Так мы с мамой ездили на велосипеде, потом на машине, там по-всякому.

7. БОА: Не только озера, все прибрежные зоны Оки, начиная с дединовского поворота, как ехать на Красную пойму, в Дединово упирается и все-все-все: самая главная дорога, небольшая такая обочина и ивы, под каждой ивой палатка. И машины прям стоят на обочинах, то есть не вот, чтобы тебе там

куда-то заехать, спрятаться. Каждый закуток, который к воде, когда жара; этот год, наверное, дикость такая. А так в основном такие группы организованные из нескольких семей приезжают, и посмотришь иной раз, если едешь не так часто, допустим, много дней стоят, как в отпуск приезжают, кемпинг так называемый.

МСА: Да, некоторые прям лентой огораживают территорию. Или я буквально недавно ехал, машину поперек ставят и все, туда уже не проедешь, надо назад и в другое место ехать.

[А на Осетр не приезжают с палатками? Меньше?]

БОА: Приезжают.

МСА: Приезжают. Мне кажется, там поменьше.

БОА: Поменьше, но Осетр не такой комфортный для такого купания.

МСА: Да, там, во-первых, нет песчаных пляжей, там заросшие берега у него. Плюс он более холодный из-за того, что он глубокий, очень много ключей.

БОА: И водоворотов очень много, опасная река.

МСА: Там в нескольких местах еще у нас перекаты. Но там байдарочники у нас летом спускаются, сплавливаются. И вдоль него всякие эти турбазы строят.

[А вот турбаза заводская, она сейчас не работает? Помните ее?]

БОА: «Старт»? Работает. Но уже не в таком ключе, как раньше.

[Она тоже как заводская и туда путевки дают?]

МСА: Да, да.

БОА: Я не знаю, путевки сейчас оформляют? Они возобновили?

МСА: Насчет путевок не знаю. Я знаю, что у меня друг работает на заводе, он состоит в молодежи там. И у них стабильно: они своей этой компанией молодежной заводской туда, по-моему, два раза в год выбирают на выходные.

БОА: Раньше там просто была, скажем так, сервис более налажен: и кухня работала, и столовая, и трехразовое питание.

МСА: Сейчас там, мне кажется, охранник просто есть. И приезжаешь, сам себя обеспечиваешь.

БОА: Да, сейчас именно просто домик оплачиваешь в каком-то там усеченном варианте и уже там просто на природе с мангалом, уже сам по себе. А раньше это именно была путевка, как в пионерлагерь. «Лесные дали» еще заводской был лагерь.

МСА: Да, они уже не рабочие давно.

БОА: Запустение там такое, конечно. Все требует ухода, естественно, и вложений.

Городские локусы

Сушково

1. ДБВ: В Луховицах максимальное количество солнечных дней в году. Потому что рядом деревня Сушково с церковью Казанской иконы Божьей Матери. Идет с Зарайска туча, немного не доходя до Сушково, раздваивается: левая часть уходит в сторону Оки, в сторону Коломны; правая часть — в сторону Рязани. Огибает Сушково и, соответственно, огибает Соцгород, Луховицы и, соответственно, и завод [авиационный] тоже. Деревня Сушково — это не просто так называется.

2. МСА: Да, там потому что засушливая почва, она на холме находится, там в целом обычно очень сухая земля.

БОА: Сейчас она уже Сушково не называется, уже нет такой деревни, это город.

МСА: Официально нет, но все равно люди называют.

БОА: Да, это уже часть города, улица Пушкина, та, которая идет в сторону Зарайска, это городская территория.

МСА: В целом Сушково, и туда дальше тоже идет Астапово, у меня в Астапово, например, огород. Здесь дожди поливают, в Зарайске дожди поливают, а в Астапово — нет. Потому что там она на горной немножко части. Оно на глаз не очень заметно, но там выше немножко по уровню, и тучи, облака, они очень часто обходят стороной.

БОА: Хотя с Зарайска дождь — всегда наш. Вот она идет туча с Зарайска, идет, идет, вот так по прямой линии идет.

МСА: Она не всегда туда.

[Там, где церковь Казанская, Сушково рассекает эту тучу. Такое не слышали, что это с церковью связано?]

МСА: О ней, на самом деле, много есть легенд, я их не очень хорошо знаю, я знаю, что кто-то говорил, что раньше эта церковь была вообще в другом месте, ее сюда перенесли.

БОА: Деревянную запросто, сруб перебрал и все перенес.

МСА: Про эту церковь, наверное, больше ничего не знаю. Она как раз таки центр Сушково, где сухо все всегда. В принципе, такая легенда про нее вполне реальная, я думаю.

3. [А вы слышали про сушковскую сушь? Какие-то легенды?]

ЛПП: Ну, это говорят вроде как. Мы тоже слышали, что почему Сушково называли — потому что вот дождь идет, мол, а там все время сухо. Ну, то есть как-то вот обходило. И что вот интересно, вот когда с Зарайска идет дождь, вот туда идет — она обязательно выльется здесь. А вот с других сторон — почему-то... я даже не знаю.

4. ГВВ: Почему ее называли «Сушково»? Оно как-то получается, вот это село, деревня раньше, высоко стояло. Ну, дождь — да, поэтому... вот по рекам тучи... Оно и сейчас у нас так. Идет-идет туча, иной раз заходит — сейчас пойдет дождь. Нет, растянуло все к рекам. А нам ни капельки не капнуло. <...> Когда уж он не нужен — он будет лить и лить. Это как в пословицах, Боженька спрашивает: «Ты где, — говорит, — был, поливал-то?» Нет!.. [Дождь спрашивает:] «Где еще-то поливать?» А он [Бог] говорит: «Где пыль — там и поливай». А ему послышалось: «Где был — там и поливай». Так оно и получается, льет. [Смеется.]

5. АНД: А это вот это Сушково. Сушь была. И поэтому — кто-то мне рассказывал <...> что это Сушково, когда начался строить[ся] завод, и необходим был этот здесь аэродром, и ученые выяснили, что вот эта вот местность — она у нас сухая. Меньше всего здесь. У нас и правда: где-то льет, а у нас здесь нет, а вокруг нас обходит. Но это все старина. Вот опять-таки, отец и рассказывал: когда это было еще, как говорится, пацаненком, то есть еще царское время было, он говорит: «Ты не представляешь, как мы любили вот эти праздники».

А чем они, эти праздники, ему нравились? Особенно когда наступала Пасха. Значит: «На Пасху шли мы поздно туда, в ночь, в сушковскую церковь, да, и начался перезвон колоколов. Дединовские колокола мы знали. А там три церкви было. Вот начинали эти колокола бить, дединовские. После дединовских колоколов переходили... здесь вот у нас на «низах» потом Ловцы. И вот такая последовательность шла... Дединово, потом Ловцы, далее Старые Луховицы, Кунаково, Троицкие Борки, дальше до Зарайска. Вот этот перезвон мы уже, говорит, даже знали, хотя были дети, но знали, как идет вот этот перезвон колоколов, узнавали каждый колокол, как звенит». Я говорю: «Неужели все это было слышно?».

Самара

1. Наше Кунаково — деревенские дома до поворота на Городну — называлось «Самара». Вот здесь все мы и тусовались. <...> Отсюда начиналась деревня Кунаково и кончалась она где-то... за речкой [Воблей] далеко. Там между был какой-то промежуток, домов просто не было, и дальше начиналось Сушково — там, где храм. <...> А Новокунаково — это мне отец рассказывал. Вот наше Кунаково — говорили «Старое Кунаково». А Новокунаково — значит, это была кунаковская земля там, и поэтому там новые когда семьи образовывались, им выделялась — это только кто может купить эту землю — выделялась земля для того, чтобы строили себе дом и прочее-прочее. Вот, и поэтому образовалось Новокунаково. <...> Мой еще отец был пацаненком еще в те времена. Он у меня 1899 года рождения. <...> Когда вот с этого, с мостика [через Воблю], поднимаешься на Кунаково, и там такой поворот, там такой отросточек есть нашего Кунакова. Там называлось это Тарасовка. Ну, а называлась почему так? Потому что там, значит, семья была Тарасовых, слишком долго они там жили — как раз и мой отец отсюда же. Вот так. Это Тарасовка была. <...>

[А почему «Самара» называлось то место?]

АНД: А вообще это сейчас трудно сказать. Вообще-то ведь это нужно тогда начинать с Зарайска. Все это виновные были татары, когда проходили. Значит, это нужно посмотреть на Зарайск-то. <...> «Самара» — это опять-таки татарское название. Самара. И Кунаково опять-таки... Кунаки — Кунаково. <...> «Самара», моя «Самара». Тем более, мы пели так: «Ах, Самара-городок, беспокойная я, успокой ты меня». (Илл. 31)

Комсомольский парк

1. ДНГ: Ну да, это по улице 40 лет Октября — там несколько домиков осталось. А вот это вот, представляешь, тут были дома, дворы хорошие. Вон тут тоже около дворики занимали, что-то высаживали: какие-то растения, травки какие-нибудь. Вот этот вот парк — называется он «Комсомольский» — мы школьниками... школьниками высаживали. Тут ничего не было — представляешь? Вот это все мы сами высаживали... деревья сажали. То есть вообще ничего не было.

Кинотеатр «Космос»

1. ДНГ: Ой, «Космос» был раньше, чем «Старт». Ой, какой же он... Как же мы радовались этому зданию! Во-первых, на втором этаже у нас буфет был: там можно было мороженое съесть, шоколадку купить, что-то выпить там, в смысле, чаю какого-нибудь. Или кино! Ты что... Очередь в кино, ты что! На

хороший фильм достать билеты нельзя было.

[А сейчас превратили его в «Пятерочку».]

Превратили в магазин. А у нас же память-то осталась. Как же было здорово! Вот мы... мы же... Это было место встречи молодежи — понимаешь? Все вместе встречались; мы иногда целыми классами ходили в кино все вместе, влюблялись, как говорится... с любимыми ребятами, девушками ходили (Илл. 32, 33).

Мамыкин бугор

1. [А Мамыкин бугор начали сразу называть, прямо как он построился?]

НМИ: Ну, это, так скажем, неофициальное название. Она была улица Набережная. Вот эта речка была — мы в ней купались, она была очень чистая — Вобля. Мы там все де[тство]... Овраг у нас какой был здесь, разнотравье. Вот, и поэтому он назывался «бугор». А там Мамыкины — они первые самые получили участок. Поэтому вот Мамыкин бугор так укоренился. <...> Здесь первыми на нашей улице стали строиться Мамыкины²⁴ <...> Была у нас учительница химии, Марья Ивановна Мамыкина. Они здесь начали строить дом — вот тут, от меня через два дома, 29-й. Это у них был первый дом. Они долго-долго [строили]. Это был первый кирпичный дом (Илл. 34). <...> Дома строили вот по всей улице — это называется шлакозаливные. Что это такое — это когда давали из котельной вот эти вот, как уголь сгорит, оставался шлак. Строили фундамент из ничего, можно сказать, потом строили опалубку, мешали вот это вот все, заливали в так называемое кольцо. Я просто это помню уже. И застывало, поднимали следующий — вот так строили. Это называется шлакозаливное. У меня подруга говорит: «Как ты еще в этом доме живешь? Как он у тебя не развалился?» [Дом постройки] [19]55 — [19]56 года. А переехали — вот стены были, и крыша была. Потолка не было. Вот соседи строились, а жили у нас, спали на полу, потому что жить было негде. Тогда жили очень бедно, простые тогда жили очень бедно. Даже вот на это, чтобы построиться, нужно было ссуду взять какую-то, потому что материала не было. Все было очень сложно. <...> У меня даже уже полуистлевший листочек сохранился. Тогда еще город не городом назывался, потому что сейчас вот эти наследственные дела все очень сложные, я тут приводила в порядок. Написано... я могу даже достать его, показать этот листок... там написано, что выделяется Новикову Ивану Васильевичу участок в деревне Кунаково. А Кунаково — знаешь, это где?

[Да, вот у «Космоса», там дальше, к Пушкина.]

НМИ: Вот, вот... да, вот, и сюда, да, ближе к перекрестку. Это называлось Кунаково.

2. ЛПП: Мамыкин бугор. Так вот Мамыкин бугор — это... Мы в 39-м [цехе] работали, а в 39-м формулярном работала его дочка Оля. Это его дочка, Мамыкина. И я там, когда мы что-то разговорились, она говорит: «Ну, я же Мамыкина была». Я говорю: «Да ты что!». «Я же, — говорит, — дочка Мамыкина, который первый построился на...» И вот мы когда приехали, и уже этот бугор, назывался «бугор» он почему-то, Мамыкин бугор...

ДНГ: Ну, он потому что высоко.

ЛПП: Да.

²⁴ Михаил Георгиевич Мамыкин, работник ЛМЗ, и его жена Мария Ивановна.

ДНГ: Раньше кладбище лошадиное было. Да, мне говорила Тюрина.

ЛГП: Ну, может быть.

ДНГ: Да, где бугор — там хоронили где-то лошадей. Именно лошадиное кладбище. <...> В каком году строили [дома на бугре] — вот когда мы начали квартиры эти получать [в середине 1950-х годов], нам давали квартиры, и они в это время начали...

ЛГП: Мы в [19]69-м приехали, 1 октября — эти дома уже стояли. Несколько домов там. Не полностью улица, но домов 5–6 стояло.

<...>

ЛГП: Это будем так говорить: от улицы Жуковского — если сейчас взять — до улицы Мира — это была картошка. И вот мы шли по улице Жуковского, как бы продолжение, на бугор туда...

ДНГ: Это расстояние вот от школы [№ 2] и до бугра...

ЛГП: Ну, километр точно.

ДНГ: ...и казалось, никаких домов, ничего — поле! Представляешь, как страшно было ходить?

ЛГП: Улица Жуковского, улица Мира. И вот от улицы Жуковского вправо — сады начинались там в низине. А поначалу, от улицы Жуковского, просто лужайка была, луг. А здесь вот, я запомнила, вот идешь — а здесь картошку сажали. Но я не помню, полностью до Мамыкина бугра сажали?

ДНГ: Полностью там.

ЛГП: Полностью. Ну, в общем, <...> от Больничного [проезда] до Мамыкина бугра, вот именно между Жуковского и Мира картошку сажали. А потом вот им уже дали от Мира... от Мира по левой стороне, вот уже сады им дали.

ДНГ: Это [19]57-й год.

Черемушки

1. [А «Черемушки» — это какой район?]

НМИ: Вот эти вот дома. Ой, я уже и забыла это название. Это вот эти, по Жуковского, вот с этой стороны пятиэтажки.

[Между Жуковского и Мира — вот эти, да?]

НМИ: Ну, да, да, да. Вот мы их тогда, знаешь как — в Москве Черемушки, тут Черемушки. Ты знаешь, уже все это как-то ушло. <...> Вот дорога идет на больницу, да, и вот досюда, до нас.

[От Больничного проезда до Набережной?]

НМИ: Да, да, да <...> вот это были у нас «Черемушки». Надо же... забыла.

[А вот та территория, которая от Черемушек, наоборот, туда, в старую часть — она как-то называлась одним словом, нет?]

НМИ: Ну, я даже не знаю. Мне кажется, мы ее никак не называли.

2. БИН: А, на бугре — Черемушки вот у меня бабушка говорила. Черемушки — это вот на [улице] Набережной. Набережную у меня бабушка называла Черемушки почему-то.

ДНГ: Это вот за больницей туда, к бугру — это Черемушки называлось. Между Жуковского и Мира — вот этот массив назывался Черемушки.

БИН: У меня просто бабушка так называла. Я говорю: «Бабушка, ты куда?».

Она ходила на «Технику», в магазин «Оксана», потому что там дешевые цены. И вот она говорила: «Я пойду в Черемушки».

ДНГ: Да, там это место, от Больничного проезда туда до бугра, вот эта застройка, новая застройка (Илл. 35). Новая, вдруг — не строили, не строили, а тут как раз молодые специалисты понаехали в [19]70-е годы, и нужно было их благоустроить, как говорится. И начали застройку, бурную застройку, это [19]70-е годы. Вот это место называли Черемушки (Илл. 36).

3. ДВА²⁵: И оттуда — Кировская, Костромская [области] — агитаторы вот ездили, собирали [работников на ЛМЗ]. <...> На заводе были не то что свободные места — народу не было. Народу же не было.

ДНГ: Цеха строили, нужно было...

[Когда он расширился, завод?]

ДВА: Да. Там ведь было до 9 тысяч работающих, на нашем заводе. 8,5–9 тысяч было. Это когда было... 29-е МиГи когда делали, много-много, везде выпускали... перед перестройкой. В [19]80-е. <...> Ну, когда мы приехали — вот этих улиц даже не было, нашей [ул. Островского], ни это самое... [Черёмушек] <...> Доковский дом один стоял — [ул. Жуковского], 17 [последний дом перед Больничным проездом]. А вот этого ничего не было. <...>

[А где вас поселили, когда вы приехали сюда?]

ДВА: Вон общежитие — 8-е, 6-е, 10-е общежития были [трехэтажные кирпичные дома по ул. Жуковского, д. 6, 8, 10]. Одно мужское, а 8-е было женское. А потом уже, через два года — вот по улице Мира, д. 20. Ой, тоже, Господи не приведи... 15 лет я квартиру ждала. И вот, конечно, на заводе, особенно первые годы, выживали... Я вспомню как эти копе[йки]... ну, тяжело было — что там говорить? Я уже много раз собиралась куда-нибудь уехать отсюда, бросить. <...> Ну, первые годы веселые в то же время были.

ДНГ: Ну, молодые потому что...

ДВА: Да, хватало еще энергии, силы как-то вот. В техникуме учились... до 8 учишься, бежишь, а ведь уже все закрыто. В общежитии как[ой]-то буфет был — какой-то кефир можно было купить, булочку там что-то... Ну, в выходные все-таки мы готовили, как-то старались. <...> А потом я в [доме] 16-а [по ул. Мира] даже жила — это уже семейное общежитие. <...> Вот это наш дом [ул. Островского, 1], мы здесь живем 35 лет. Мы полтора года жили в 16-а.

[А, общежитие семейное...]

ДВА: [Да], Мира, 16А. Потом я пошла уже... мне было за 30, пошла отрабатывать за квартиру. То есть без всяких этих, левых-правых путей, полтора года я на стройке работала — кирпичи носила, штукатурила.

[Вот прямо на этом доме?]

ДВА: Не на этом... могли дать в любом доме. Мне дали вот в этой вставке кирпичной квартиру, а потом мы съехались с бабушкой.

[То есть прямо буквально нужно было полтора года после работы или в выходные?]

ДВА: Нет, мы переводились, за 100 рублей зарплаты, переходили на 3-й разряд строителя. И кирпичи таскали, и цемент, и раствор... <...> Я пошла отрабатывать [за квартиру] в [19]83 году.

²⁵ ДВА — Демина (Микишева) Валентина Аркадьевна, 1953, родилась в Кировской области, приехала в Луховицы в 1970-е годы работала на авиационном заводе, ныне на пенсии. Невестка ДБВ.

Греческие дома

1. ДНГ: Там же был овраг. Вот эти дома, которые греческие... Тектониди²⁶... Называют «греческие дома» — он там от завода начал строить дома для заводчан. Напротив гастронома — там [ул. Пионерская, 24–33]. Греческие — потому что Тектониди [начал застройку]. Там была канава, ров. И вот эти дома стоят на насыпном грунте. Там естественный был ров. И там планировали ставить лодочную станцию. Хотели запруду делать, и хотели, чтобы... Почему вот эта [улица] Набережная называется? Вот хотели там типа набережной, понимаешь... Наверху Набережная у нас называется, вот где церковь — это Набережная. Это вот конец Набережной. Набережная и потом завод. Остановка «Набережная»...

[А греческие дома напротив гастронома, вот как въезжаешь на Жуковского, где рынок?]

Напротив гастронома, да... да, да, да! И там раньше был овраг, и мы там на санках катались, в этот овраг. <...> И там вообще ничего... Не знаю, как они могли строить дома в этом месте. Там был ров. Привезли землю, понимаешь... насыпной называется...

[Почему в другом месте не стали строить?]

А где еще строить?

[Не знаю. Ну, вот тут, в поле.]

А там коммуникации все — водопровод, там все, газ, там все уж. <...> Судилирядили — ну где? Там дальше речка, спуск-то... где стадион там... там как?.. Где строить-то? Там вот чугунка — запретная зона. Здесь вот [на поле за больницей] нельзя строить — здесь нефтепровод у нас идет, нельзя строить. Нигде нельзя было строить. И вот они решили на насыпном грунте строить.

*Репинский пруд*²⁷

1. [Репинский пруд — это что такое?]

ДНГ: Ну, это для заводчан решили вырыть. И запруду сделали где-то там. В [19]60-х годах.

[А почему Репинский?]

А потому что Репин был у нас... как это называется?.. на заводе руководитель, организатор культурный... культурного досуга, видишь. Вот он этот лагерь ходил-смотрел, место для лагеря, для заводчан вот это озеро. Культбыт что ли — вот как-то назывался... Это такая вот должность.

2. [А Репинский пруд почему так?..]

НМИ: А потому что его это самое... Тимофей... как его отчество-то было? Он его, в общем-то, построил.

[Вырыл?]

НМИ: Ага.

²⁶ Севастьян Спиридонович Тектониди, родился в 1940 году, грек, в 1985–1993 годах был руководителем ЛМЗ, в 1993–1996 — зам. главы администрации Луховицкого района, в 1996–2009 годах — главой района.

²⁷ Ранее в Луховицах были и другие топонимы, образованные по тому же принципу: первый магазин в городе (магазин № 11) назывался «Жбановский» по имени первых продавцов, семейной четы Жбановых; первые детские ясли (ул. Мира, 3) назывались «Романовским», а первый детсад (ул. Мира, 4) — «Деминским» (по именам их директоров). Ныне в здании магазина фитнес-клуб «Зевс», яслей и детского сада уже нет, эти топонимы сохраняются лишь в памяти старожилов.

[Сам?]

НМИ: Ну, там... Там был овраг, и там немного нужно было усилий приложить, чтобы запрудить. Мы там купались, рыбу ловили.

ДНГ: Зона отдыха.

3. [А почему пруд — Репинский?]

ДБВ: Потому что был замдиректора завода по административно-хозяйственной части Репин Тимофей Андреевич. <...> Значит, там был овраг и... ну, речка — не речка, ручеек — не ручеек. Ну, короче, где овраг — там обычно родники. Ну, текла такая небольшая речушка — она в Воблю впадала. Подумали, посмотрели — решили овраг перекрыть, плотину построить. Ну и построили плотину — образовалось озеро. Поскольку родники — то не тухлое озеро, а такое, довольно ничего. И там рыба развелась, там и карасиков запустили. Можно было искупаться, порыбачить. Это сейчас его, вот, там ремонтировали... не знаю, сам-то я так только — мимо проезжал на машине, а посмотреть... Хотели улучшить, но народ чего-то недовольный: жалуются, как-то, говорят, не так все делают. <...> Там и караси были тоже такие — о-го-го! — по килограмму с лишним.

Карьеры

1. ДБВ: Их давно вырыли — после войны. Дело в том, что в СССР не так много залежей такого песка, который имеется здесь, на карьере. Это формовочный мелкий песок. <...> Их всего несколько — может, 3–4, не больше (а то и 2–3) — месторождений формовочного песка. Потому что для формовки нужен песок мелкой формации. Причем определенного химического состава, чтобы он особо и не рассыпался, и не особо слипался. То есть это стратегический объект. И как его, так сказать? Снимают верхний слой, там, землю убирают — там, может, полметра, метр-полтора. Ну, обычно в этих местах сосны растут, потому что там эти родники. А потом начинают его добывать. Вначале экскаватором, а потом родники вступают в свое действие, пробиваются наружу — получается водоем. А раз водоем — уже экскаватором не возьмешь — значит, насосами эту воду с песком гонят, заодно и размывают. Туда от железной дороги ветка была построена. Подгонялся состав и загружался песок. То есть песок намывали — такие большие, как бы пирамиды (по типу египетских) — он заодно чистый, промывался; бери его экскаватором, ковшом и грузи в вагоны. Загрузил вагон — следующий. Ну, а в последнее время — не знаю. Первый карьер, где поселок вот — там уже давно не работают, второй — тоже давно бросили. За ним дальше, в сторону леса, к Красной пойме — третий, маленький, но там, может, хуже он, меньше разработан. А то и туда дальше, еще куда, вот, мы ездили — четвертый, пятый и шестой [карьеры]. А седьмой, который по эту сторону железной дороги — его позже стали разрабатывать. Ну, не знаю — там вроде бы до сих пор что-то добывают. Там глубины где-то метров 12, а то и больше — может, 15.

2. [А когда стоял выбор, куда пойти — на Репинский, туда за «Космос» или на карьер?]

НМИ: На карьер, конечно. Я не знаю, как вы, — мы на карьер. Мы и зимой, и летом на карьер ходили. [Зимой] на лыжах катались. На лыжах на карьере, там хорошо очень... А летом, конечно, на карьер. Вот причем вот этого первого карьера не было, который за переездом вот он... А мы далеко в лес ходили.

ДНГ: Во второй мы ходили.

НМИ: Да, там несколько карьеров.

ДНГ: [На первом карьере] разработки были, там доски плавали, ну, нельзя было купаться. <...>

[А вас когда начинали отпускать родители одних, с друзьями? В каком возрасте?]

НМИ: Мы маленькие были — уже ходили на карьер. Я думаю, в классе 7–8-м уже на карьер ходили.

ДНГ: Одни.

3. [А местные больше на первом, на седьмом карьере отдыхают, на каком вообще?]

МСА: Первый и седьмой, в основном. Первый, скажем так, более оборудованный, там есть кафешки, есть магазинчики, есть катамараны хорошие, более цивилизанный. Седьмой — он более дикий, там, в принципе, хорошие песчаные пляжи большие. Тем не менее там нет никакой инфраструктуры.

БОА: Дело в том, что седьмой еще до недавнего времени [был] в разработке. То есть он постоянно в разработке, не всегда там можно уютно расположиться.

МСА: Плюс седьмой — единственное озеро по эту сторону железной дороги. Если, например, переезд закрыт, то просто сворачивают на седьмой и все, если ждать не хочется. Но в выходные дни в жару дальние озера тоже битком, тяжело найти место, там в основном с палатками.

ПАМЯТНИКИ

1. НМИ: Луховицкие памятники... Первый памятник — по-моему, Воробьеву был у нас памятник, когда он погиб. Вот сейчас его переделали, раньше он был около «Космоса»: ну, простой, из металла сделанный такой, да, вот когда он разбился (*Илл. 37*).

[Получается, он был другой изначально? Этот вот недавно сделали?]

НМИ: Вот этот — да, вот тоже к какому-то юбилею, то ли к его гибели... вот этот вот сейчас новый (*Илл. 38*). <...> [Первый памятник] — металлический обычный памятник <...> он смотрел на «Космос». А сейчас там вот это вот дерево-то с этими свадебными замками висит (*Илл. 39*). Вот это был самый первый памятник.

2. НМИ: Остальные памятники... Я не знаю. А к памятнику Огурцу (*Илл. 40*) как-то никак не отношусь, абсолютно никак. Я помню, где-то мы были, отдыхали, едем оттуда — звонят из Прибалтики мои знакомые, родственницы, говорят: «Сейчас по интернету нашла, что у вас в Луховицах памятник огурцу открыли». Кстати, да, это не первый памятник в России, еще есть памятники огурцу — не только у нас. Это уже Тектонида, это его детище. А больше, какие у нас здесь памятники? А, нет, потом памятники вот участникам локальных войн. Их сейчас перенесли; он был вначале вот где сейчас рынок в Луховицах, а сейчас перенесли их, по-моему, к Вечному [огню]. А, ну вот памятник... сейчас скажу... в [19]67 году... в [19]67-м или в [19]65-м — когда открывали? По-моему, в [19]67-м. Вот этот памятник луховичан[ам], погибшим в войне — около которого митинги 9 Мая проходят. Ну, ты же помнишь, вы же тоже ходили. Да, около Черной [речки], ну, Вечный огонь-то, вот этот памятник, да. Я еще помню, что мы собирали деньги на этот памятник, вот так. Он был к какой-то дате открыт, но это было [не юбилей Победы], нет. Я уже в школу...

Мы в [19]65-м закончили школу, я уже не училась в школе. Он был какой-то дате посвящен, он в декабре открывался. Это была то ли какая-то дата — битва под Москвой, вот что-то такое. Это была осень, такая, помню, сыкатная, уже декабрь. Вот мне памятник Печкину нравится, Почтальону Печкину [возле почты, ул. Жуковского, 2/8] (Илл. 41). Это тоже Тектонида. Вообще, я считаю, в городе очень много связано хорошего с Тектонида. <...> Вот много что построено в Луховицах, зримо построено — это связано, конечно, с Тектонида. <...> И вот при нем как раз и появились — памятник Печкину, памятник Огурцу. А так — какие у нас здесь памятники? Собственно, чем Луховицы-то знамениты? Ну, чем? <...> А, Пушкину еще. Пушкину — это тоже Тектонида. Но он вначале стоял на перекрестке, где «Макдоналдс» сейчас [ул. Куйбышева, 67]. А потом его вот в этот «Пушкинский дворик» [парк им. А. С. Пушкина вдоль ул. Жуковского перед д. 5]. Почему там «Пушкинский дворик» — не очень понятно. Ну, во всяком случае, сюда его, в город перенесли. И то — 6 июня же день рождения Пушкина там устраивается у нас, литературные чтения библиотека устраивает (Илл. 42).

3. ДНГ: Пушкин... он был у нас на перекрестке. А знаешь, чей это дом был? Это Кольникова дом был, родительский. И им предложили квартиру, чтобы поставить там памятник [Пушкину]. Да. А потом, видишь, «Макдоналдс» его убрал, и Пушкина поставили сюда [на улице Жуковского]. <...> «Макдоналдс» заплатил за это место, его оттуда сняли и сюда привезли <...>

[А почему тут Пушкин именно?]

А потому что улица Пушкина у нас вот эта основная, вдоль зарайской дороги — это улица Пушкина у нас. <...> Это все Тектонида... И Огурец, памятник Огурцу — это его заслуга. И вот этот вот Почтальон Печкин — это тоже его заслуга, Тектонида.

4. [Если посмотреть на памятники. Какие ты памятники важные назвала бы в городе?]

БИН: Пушкина, конечно, первый. Потом, памятник Огурцу сейчас построили. Ну, Печкина — вот эти три основных.

[А другие помнишь какие-то?]

БИН: Самолет, конечно, еще. (Илл. 43)

[Самолет — это у «Старта»?²⁸]

БИН: Да, памятник самолету. А еще погибшим солдатам там памятник.

[Это который?]

БИН: Это у «Космоса», сейчас поставили там монумент такой. Напротив булочной.

Детская площадка, у «Старта» детская площадка, и там памятник стоит.

ДНГ: Это Воробьеву.

БИН: А, ну может быть, Воробьеву.

[А там, где эти деревья, напротив «Космоса», эти деревья свадебные с этими замочками? Там раньше был памятник, не помнишь?]

БИН: Был какой-то памятник.

²⁸ У ДК «Старт» с советских времен стояли самолеты, в том числе производства АМЗ, — АН-10, ИЛ-14, ныне — МиГ-23.

[Какой? Не помнишь?]

БИН: Там Воробьеву, по-моему.

[Вот его оттуда и перенесли, значит, да. А ты не знаешь, с этими памятниками что-то делают, вот, скажем, с Печкиным? Натирают им какие-то части на удачу или что-то?]

БИН: Мне кажется, там просто дети на них сидят, и все, где Печкин: то на руле, то на багажнике, то на раме.

ДНГ: Они и фотографируются, и там залезают. Кто здесь приезжает, те сразу туда идут, там фотографируются.

МЕСТНЫЕ БРЕНДЫ

Огурцы

1. МСА: У нас, кстати, когда выйдете [из Луховицкого историко-художественного музея, ул. Советская, 8-а] на улицу, налево повернете и зайдете за угол, там есть настоящая грядка огурцов, в этом году посадили, можете посмотреть воочию, как они сейчас там как раз цветут, там как раз есть огурцы (Илл. 44). А здесь у нас макет. Луховицкий огурец — это не сорт, как мы думаем, это производство. Это то, на какой земле растет и как его выращивают. В первую очередь, луховицкие огурцы — это наши низа, поокские села, где заливные луга. Ока, когда весной разливается, приносит ил, по плодородию сравнимый с илом Нила. По крайней мере, раньше в советское время было, сейчас, конечно, экология меняется, уже пять лет разлива не было, к слову сказать. У нас, кстати говоря, по всей Московской области паромная переправа, причем аж три штуки. Больше в области нигде нет парома, военные только. В разлив заливаются поля, почва увлажняется, удобряется, и поэтому овощи у нас в целом там растут очень хорошо. Зерно, как я говорил, гниет из-за влажности, а овощи растут. И примерно в [19]60-х годах начали у нас выращивать огурцы. Самый бум продаж и выращивания приходится на [19]90-е годы, как раз такое тяжелое время финансово. Тем не менее наши огуречники в [19]90-е годы за один сезон зарабатывали на машину, за два сезона строили кирпичный дом. Они называли огурцы золотом. Там фотографии как раз примерно того периода, видите, да, где много-много пленки, это как правило, огороды были все частные, никакого там промышленного производства не было. 20 соток чисто одних огурцов — это адский труд. Когда солнышко только-только начинает пригревать, еще снег на лежит, снег на грядках посыпают черной торфяной крошкой, снег тает быстрее из-за того, что черная крошка притягивает солнце. Как только снег сходит, укрывают черным укрывным материалом, либо черной пленкой, каждые 40 сантиметров оставляют отверстие для последующей высадки. Сразу же в межу сыпят солому, потому что солома опять же держит тепло, держит влагу, не дает расти сорнякам, и сразу ставят малую дугу. Таким образом, вот уже под двумя слоями плюс солома землю прогревают. Как только земля прогревается, высаживают огурцы, ставят большую дугу, получается, такая самодельная теплица. Таким образом, у наших огуречников уже в середине мая есть огурцы на продажу. Это колоссальный, адский труд, всей семьей там всегда занимались этими огурцами с утра до ночи: полив, прополка, раз в два дня сбор огурцов. Стандартный луховицкий огурец 7–8 сантиметров. Больше, меньше — это уже брак, это уже уцененка, скажем так, идет. Вот с такими столиками, сейчас более такие интересные конструкции делают, вдоль дорог продают огурцы. У нас, да, много продают сейчас, и по низам если ехать, в сторону Зарайска, и по Рязанке стоят. В принципе, самый такой надежный способ сбыта огурцов, в плане, что нет никаких посредников.

Потому что сейчас сложнее, нет рынков в таком изобилии, как раньше. Сейчас наши огуречники, в основном, сдают либо в какие-то сетевые магазины, в Москву возят, в любом случае посредники есть. Еще просто бизнесом занимаются люди, ездят по деревням как раз таки и скупают. Соответственно, уже не та цена, которая идет изначально. Здесь вот можно увидеть карту с географией, куда наши луховичане возили огурцы в [19]90-е годы. В принципе, география приличная, славу заслужили наши огурцы во многих городах. Возили на север, соответственно, на юге свои растут. <...> Вот здесь розовая эта бумажка, свидетельство: в 2016 году луховицкий огурец стал официально зарегистрированным брендом. Такую бумажечку может получить каждый луховичанин, нужно только иметь документ о прописке на территории Луховицкого округа и документ о наличии земельного участка. 100 рублей стоит копия такой бумажечки. Наши все огуречники, кто всерьез занимается, они себе, конечно, приобрели такую копию. Если вы где-то покупаете огурцы, вы можете потребовать в качестве доказательств, что они действительно из Луховиц. Опять же, если это не какие-то перекупщики.

2. БОА: Производство-то огурцов уже старое, скажем так, это где-то начало — середина XX века. А чтобы увековечить память... Памятник, который на перекрестке, он где с [200]8 или [200]7 года, а именно зал, посвященный [огуречному производству], открыли [в музее] в [20]15 году. А мы продолжаем дальше традицию, уже живую грядку делаем, живую экспозицию, на улице посмотрите. Огуречную экспозицию [в музее убирать не будем] — это народный такой промысел местный, который славится далеко за пределами Луховиц, поэтому огуречная экспозиция будет (Им. 45). <...> И бренд зарегистрировали уже, то есть это наша такая визитная карточка. Луховицы — город МиГов и огурцов.

3. Эти огуречники — они занимались, у них специальные свои технологии, они увозили все в Москву. <...>

[А вот эти огурцы луховицкие — они отдельный сорт?]

Способ выращивания называется луховицкий. <...> Это на низах. Низы — это вот... есть «верха» и есть «низы». «Верха» — то есть вот через перекресток — это вот «верха» называется. То есть можно к Оке по этой дороге проехать. А можно на низах, через Красную пойму. Это называется «низа» — Дединово, Ловцы — это «низа». Вот эти места Ока заливала, пойма Оки была. И испокон века там занимались огурцами. Вот они дома высаживали, в бумажных стаканчиках раньше было. Это потом уже стали парники, заливать специально. А то раньше просто в бумажные стаканчики — выращивали, а потом высаживали в грунт. Пленки-то не было. Вот я не знаю, как они умудрились выращивать. В начале века уже начинали ими заниматься, огуречники-то эти. <...> Все в Москву увозили. Здесь не торговали, потому что они же очень это дорого там, в Москве, брали. А тут не возьмешь, прибыли-то никакой. Тут, во-первых, беднота. И потом мы сами выращивали. У нас земля была, возможности были, свои огурцы были. И солили, и все.

<...> А есть люди, которые только на рынке [продукты] покупали. Они сами занимались огурцами, у них деньги были. <...> Ну, правильно — они с деньгами были, эти огуречники. Ну, их так и называли — «огуречники».

[А как к ним относились?]

Нормально относились — ты чего? Квартиры они кооперативные покупали, эти люди. Правда, зарплаты на заводе давали меньше, чем на основном заводе, на 30-м [в Москве], потому что: «Вы тут огуречный край, вы с деньгами»,

понимаешь. Да, зарплаты меньше были из-за того, что... Чем на московском заводе. Да оно и сейчас, но тогда они мотивировали так, что мы тут богатые все, понимаешь. А действительно, они [огуречники] очень были [богатыми] — они были миллионерами.

[А если вы, например, не огуречники, вам зарплаты все равно маленькие?]

Ну, считалось, район возможности, поля, вот, пожалуйста.

Лухлома

1. МСА: В [19]70-е годы луховицкий наш лесхоз решил организовать на своей базе цех по производству подобной [сувенирной] продукции. Они из дерева выпиливали, вырезали эту посуду и там же на месте расписывали. Они хотели изначально расписывать хохломой. Они пытались узнать у мастеров хохломы секрет этого свечения. Самое сложное — вот этот золотой цвет, внутри который, чтобы он был такой блестящий, яркий и со временем не блек. Это все подлежит обжигу, то есть производство непростое. Но мастера хохломы не рассказывали своих секретов, оставили при себе эту тайну. И наши мастера целый год экспериментировали, прежде чем научились сами делать, подобный цвет получать, обжигать по-своему, но система отличается, хохлому по-другому делают. В начале 2000-х это производство заглохло, цех этот закрылся, потом там в этом здании жили гастарбайтеры. Сейчас оно просто сгоревшее стоит, это здание, где это было. Сейчас, года, наверное, три назад, у нас уже частники занимаются производством, есть она, она живет эта лухлома. Назвали это лухломой, то есть хохломские мастера не рассказали, они видоизменили рисунок и цвета рисунка, он отличается от хохломы, назвали уже лухломой. Свое так свое делать. Не захотели делиться, значит, сами сделаем. <...>

ДНГ: У нас на заводе очень тяжелые были события [в 1990-е годы], и очень многие наши женщины ушли туда и расписывали.

МСА: У нас как раз в мое детство в [19]90-е годы тоже были знакомые, которые занимались росписью. Очень было это популярно, у нас дома были даже банки из-под кофе расписаны под лухлому, все, что угодно.

Голубые озера

1. НМИ: А мы в лес далеко ходили на карьер, Голубые озера наши.

[А вы называли их «Голубые озера» тогда?]

НМИ: Нет, «Голубые озера» мы не называли, мы называли «карьер». «Голубые озера» их, наверное, стали позже называть, когда здесь бардовские концерты уже устраивали. Тогда это «Голубые озера», они уже так официально, по-моему, мелькали названия «Голубые озера».

2. БОА: Опять же основное место, лето — всегда карьер, всегда Голубые озера.

МСА: Ну, природа.

БОА: Плюс фестивали вот эти типа «Есенинских струн», которые бардовские. Сейчас в Ганькино проводят, раньше они были на Голубых озерах, а потом, когда пожар уже был в [20]10 году, уже все закрыли. Потому что туда забирались в такие места, в какие там... четвертый, пятый [карьеры]?

МСА: На дальние.

БОА: Туда вообще невозможно было ни на машине пробраться пожарной, там колеи такие огромные. Там даже шлагбаум отдельно вешали, чтобы

именно на эти озера попасть. А сейчас в Ганькино проходит, это как раз Алпатевское сельское поселение, туда. Это местный фестиваль, но всегда барды приезжают со всей страны. Ему уже более 20 лет, этому фестивалю, где-то как раз в июне он проходит. Это палаточный лагерь, соответственно, песни под гитару.

МСА: Сейчас немножечко изменит свой формат все равно: несколько лет назад бардов стало ездить меньше в связи с отсутствием финансирования, а в основном сейчас туда работники культуры ездят.

[А вы называете «карьер» или «Голубые озера»? Все-таки как привычнее?]

МСА: Привычнее «карьер».

БОА: «Голубые озера» называют неместные.

МСА: У нас все знают, что это Голубые озера, но это больше в Коломне, кто к нам ездит купаться, с Коломны много людей, из Рязани, я знаю, ездят. Особенно на дальних карьерах больше любят дикарями отдыхать в палатках.

БОА: Потом рязанцам, чтобы добраться до каких-то своих водоемов, им проще в Луховицы приехать по прямой, 60 километров. Потому что если они едут в сторону Солотчи или там на Ласковское озеро или торфяные тоже есть у них карьеры, это тоже надо за Рязань уехать по окружной. Это, в принципе, практически [сложнее], нежели через центр Рязани проехать в Луховицы на Голубые озера. Еще Луховицкое море, да, называют карьеры? Я слышала просто, не от местных жителей.

Три столицы

1. [А ты не знаешь эту фразу: «Есть на свете три столицы...» — как там?]

ДНГ: Москва, Зарайск и Луховицы. Да. Это потом уже Тектониды переделал: «Москва, Рязань и Луховицы». И «Питер, Луховицы». Это уже Тектониды тут навывдумывал. «Москва, Зарайск и Луховицы» всегда было — как мы приехали сюда. Это было очень давно. «Москва, Зарайск...» Потом уже «Питер, Луховицы... Рязань, Питер, Луховицы».

[Нет, я помню по своему детству, было: «Москва, Рязань и Луховицы».]

Нет, «Москва, Зарайск и Луховицы». У нас не было Рязани. «Москва, Зарайск и Луховицы».

«Москва, Зарайск...» — это самое было вот такое. Потому что очень был этот город... Я тебе говорю, там такие предприятия были. В печати использовали офсетные эти пластины-то вот эти. [Завод офсетных пластин.] Оно вредное было предприятие, и поэтому они и в санатории... А какое снабжение у них было изумительное! Так что Зарайск — это у нас было самое начало. <...> Так что мы с Зарайском — у нас много связано, потому что мы все время ездили, для вас покупали там и одежду, и обувь, и канцтовары.

2. АНД: А это сейчас уже по-всякому. «Есть на свете все столицы — Москва, Рязань и Луховицы». Потому что этот «Огурец», памятник Огурцу — это уже появился во время Тектониды, да, и это почему? Потому что самые огуречные районы у нас были — это «низа». Это что, значит, за «низа»? Это если вот от Красной поймы туда двигаться, к Оке. И вот там, на этих «низах» — все-таки там водички было много, там когда бывает разлив... Разлив иногда бывал такой, что до Красной поймы доходила вода. Поэтому так. А потом уже начали: «У нас три столицы — Москва, Зарайск, Луховицы» — вот так уже говорят.

[А самый изначальный вариант — «Рязань», получается?]

ДНГ: Нет, Зарайск.

АНД: Зарайск все-таки? Нет, вот я не помню. Почему? Потому что дело в том, что здесь по-всякому назывался этот самый памятник, да. Но памятник все-таки поставлен.

[Памятник-то Огурцу — он поздний. А вот это выражение-то когда вы помните?]

АНД: Когда этот «Огурец» поставили сюда.

[А вы в детстве не помнили эту фразу?]

АНД: Нет. Этого нет, не помню.

ДНГ: А-а! А я-то хорошо помню. «Москва, Зарайск и Луховицы» — это у нас было...

[Значит, это соцгородская какая-то фраза, получается.]

ДНГ: Потому что поставили этот вот памятник как раз по пути в Рязань, поэтому здесь и написали.

АНД: Поэтому здесь «Москва, Рязань и Луховицы» говорили.

3. НМИ: Так, и еще какое-то там, было другое сочетание... «Москва, Париж и Луховицы» — вот еще что. Вначале висело «Москва, Париж и Луховицы» — это на растяжке. В детстве этого не было никогда.

ДНГ: Ну, не знаю, мы говорили.

НМИ: Да ладно, мы не говорили никогда, я не помню этого. Это появилось, когда Тектониды был, вот эта вот глупость появилась на растяжке, когда построили этот переход [надземный переход через трассу, где она пересекает ул. Пушкина — дорогу на Зарайск].

ДНГ: «Москва, Питер, Луховицы...» он написал, это его задумка. Но у нас было по-другому.

НМИ: Я, честно, это не помню. Может быть, но со мной это никак не связано. Я помню, что я это точно не говорила никогда.

4. [А еще это растяжка там висит на М5 в сторону Рязани «У нас на свете есть три столицы...» Как ты помнишь с детства, как говорили?]

БИН: Так и говорили, как написано: «В России три столицы: Москва, Рязань и Луховицы».

[Вот там сейчас «Рязань» написано, а еще был «Питер» написан какое-то время назад.]

БИН: Мне кажется, «Москва», «Рязань», про Питер ничего, это они, наверное, сами придумали. На растяжке [было], а мы так не говорили, говорили: «Москва, Рязань и Луховицы».

ДНГ: В общем, когда ставили эту растяжку, Тектониды написал: «Москва, Питер, Луховицы». А сейчас уже поменяли, сейчас написано «Рязань».

МСА: Их здесь два варианта. «Есть на свете три столицы: Москва, Пекин и Луховицы». А есть, которая у нас напечатана: «Есть в России три столицы: Москва, Рязань и Луховицы». То есть, в принципе, два варианта, но это тоже народная, мне кажется, вещь, потому что авторов я тоже не знаю. Они давно у нас эти ходят такие поговорочки наши местные.

[Вы с детства, наверное, это знаете?]

МСА: Да, да.

[А про Пекин я раньше не слышала, например.]

БОА: Это было до Рязани.

МСА: Эта более старая версия.

БОА: По разговорам местных жителей. Рязанцы, это же Рязанка у нас дорога.

МСА: Ну да, дорога на Рязань идет.

БОА: Рязанцы всегда говорили: «Ну надо же, мимо нас, по сути в нашу сторону едут, а как Рязань-то ни при чем?!» На одной же ветке Москва, Рязань и Луховицы.

ДНГ: А я слышала, что Москва, Зарайск и Луховицы.

БОА: А Зарайск — он вообще сбоку. Зарайск ни разу, скажем так, массово не упоминалось. В свое время, когда президентом России стал Владимир Владимирович Путин, уже на баннере, который перегораживал, закрывал переход, там было написано: «Москва, Питер, Луховицы». <...> Она сейчас периодически обновляется, тогда в свое время «Москва, Питер, Луховицы» там указывали. То есть чтобы выказать уважение, скажем так, президенту.

МСА: «Москва, Питер, Луховицы» там тоже была. Такая версия мне не нравится, потому что Питер как-то не звучит.

ДНГ: В мире, в мире [три столицы]! Поэтому Пекин лучше звучит.

МСА: С Пекином благозвучнее все-таки.

БОА: Это про мир когда поговорка, а у нас начало же тоже поговорки: «У нас в России три столицы: Москва, Рязань и Луховицы». То есть и Рязанская область, деревни...

МСА: С Рязанью тоже звучит.

БОА: Да. Именно про Россию, когда про мир, да, там Пекин, конечно.

[Я в детстве слышала про Рязань, но судя по тому, что раньше — ты слышала гораздо раньше про Зарайск.]

ДНГ: Я в [19]53 году сюда приехала, у нас было «Зарайск и Луховицы». До нас «Рязань» была — это что-то! Это было так далеко...

БОА: Мы были Луховицы Зарайского уезда Рязанской губернии, поэтому Зарайск прямо подчинялся Рязанской губернии. Потом только Луховицы отошли к Коломенскому уезду.

ДНГ: Вот мы здесь, когда приехали, для нас Рязань эта была — мы туда не ездили. Вот у нас были Луховицы и Зарайск, все!

БОА: Это именно местные.

ДНГ: Да. У нас была такая поговорка, может, мы между собой так говорили. <...>

БОА: Конечно, это именно народная такая вещь, поэтому ее истоки особо не известны, да, кто это начал и кто придумал.

Как видно из интервью, 1990-е годы оказались важным периодом для «городского текста» Луховиц не только из-за известных общественно-экономических трансформаций, но и из-за той роли, которую сыграл в жизни города директор завода и затем глава района С. С. Тектонида. С его уходом с должности активная деятельность по трансформации городского пространства сошла на нет, поэтому и «символическое бурление» несколько затихло. В эти

же годы, впрочем, информация о Луховицах, истории и достопримечательностях активно распространяется в интернете — в публикациях местных краеведов, гостей города, путешественников, просто любопытных людей, а также интернет-СМИ. Участники разных форумов активно обсуждают наиболее яркие и известные факты о Луховицах — огуречный край, «третья столица России», истребители МиГ... Эти факты легко увязываются вместе, так что получается вполне логичная конструкция: Луховицы — «третья столица» потому, что она столица огурцов и МиГов²⁹.

Этот конструкт возвращается в город, влияет на его восприятие жителями, переформирует коллективную память и вернакулярную топографию и в итоге изменяет городской текст. Эти изменения отражаются в новых публикациях местных краеведов, в экспозиции музея, культурных мероприятиях — что, в свою очередь, вновь влияет на внешнее восприятие.

По интервью мы видим, что версии «городского текста» и локальной памяти уже отличаются у людей 1940-х и 1970–1980-х годов рождения, хотя это все еще был период *longue durée*, как мы теперь понимаем. Было бы интересно посмотреть, как меняется картина пространства и локальная история у представителей более младших поколений — 2000-х и далее годов рождения, периода информационного бума. Это дело будущих исследований.

Иллюстрации

Илл. 1. Растяжка над трассой М-5 с надписью «В России три столицы — Москва, Рязань и Луховицы!», гербом Луховиц и истребителями МиГ. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова

²⁹ См., например, статью: [Харламов 2004], а также публикации на форумах: [https://zen.yandex.ru/media/club_starec_62/istoriia-proishojdeniia-pogovorki-est-v-rossii-tri-stolicy--moskva-riazan-i-luhovicy-5efdd58a868577791bfbfbff]

*Илл. 2. Один из сохранившихся «финских домиков». Ул. Пионерская. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова*

Илл. 3. Одно из четырех первых многоэтажных зданий в Соцгороде, бывшее общежитие, позже вечерняя школа. Ул. Жуковского, 6. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 4. Ул. 40 лет Октября. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 5. Ул. 40 лет Октября. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 6. Двухэтажный дом по ул. 40 лет Октября. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 7. Ул. 40 лет Октября, 36/7. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 8. Ул. Пионерская, 20/1. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 9. Городская баня, ул. 40 лет Октября, 34. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 10. Луховицкая ЦРБ, ул. Мира, 39/5. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 11. Школа № 2, ул. Мира, 12. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 12. Кинотеатр «Космос», ул. Гайдара, 4. 2009 год.

Илл. 13. «Пятерочка», ул. Гайдара, 4. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

*Илл. 14. Дом, в котором был гастроном № 1, ул. Жуковского, 1. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова*

Илл. 15. Дворец культуры «Старт». 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 16. Сады в Соцгороде. 1960-е годы. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина

*Илл. 17. Окончание строительства столовой промзоны (будущего ЛМЗ). 1956 год.
Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина*

Илл. 18. Место, где была заложена капсула с посланием «Комсомольцам 2018 года». 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 19. Первомайская демонстрация. Вторая половина 1950-х годов
Фото из архива В.А. Деминой.

*Илл. 20. День молодежи. Начало 1960-х годов.
Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина*

*Илл. 21. Дети возле дома 36/7
по ул. 40 лет Октября. 1959 год.
Фото из архива В.А. Деминой.*

*Илл. 22. Н. Г. Демина (Лемешонок) и
Т. И. Быкова (Спрыгина) возле профсоюзно-
го клуба; на заднем фоне — ул. Воробьева,
д. 13/1 и д. 8 по ул. Жуковского. Начало
1960-х годов. Фото из архива Н.Г. Деминой
и Б.В. Демина.*

Илл. 23. Дети во дворе детсада № 1 вместе с директором Н. И. Деминой, ул. Мира, 4. Вторая половина 1950-х годов.

Илл. 24. Н. Г. Демина (Лемешонок) и Т. И. Быкова (Спрыгина) на ул. 40 лет Октября. Около 1960 года. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина

*Илл. 25. Яблоневый сад у одного из жилых домов на ул. 40 лет Октября: Н. Г. Демина (Лемешонок) с отцом Г. И. Лемешонком. Около 1954 года.
Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина*

Илл. 26. Яблоневый сад у бывшей школы № 2. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 27. Урок в музыкальной школе ведет ее первый директор Л. И. Ковлер. Около 1960 года. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина

Илл. 28. Сцена из спектакля «Макар Чудра». Начало 1960-х годов. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина

Илл. 29. Сохранившийся фрагмент танцплощадки около ДК «Старт». 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова

Илл. 30. Турбаза «Осетр»; отдыхающие подготовили кукольный спектакль. 1983 год.
Фото из архива автора

Илл. 31. «Моя Самара». Ментальная карта Луховиц Н. Д. Авчиной. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова

Илл. 32. Группа молодежи на строящейся ул. Жуковского.
Вторая половина 1960-х годов. Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина

Илл. 33. Группа молодежи недалеко от кинотеатра «Космос». 10 августа 1969 года.
Фото из архива Н. Г. Деминой и Б. В. Демина

Илл. 34. Один из первых домов на Мамыкином бугре, 1957 года постройки. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова

Илл. 35. Больничный проезд, за которым начинаются Черемушки — панельная застройка 1970-х годов. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 36. Черемушки. Школьники по ул. Мира возвращаются домой после поездки в подшефный колхоз на уборку овощей. 1986 год. Фото из архива автора

Илл. 37. Первый памятник И. Г. Воробьеву около кинотеатра «Космос». 1 сентября 1985 года. Фото из архива автора

Илл. 38. Новый памятник И. Г. Воробьеву, установленный в конце 1980-х годов на другой стороне парка, возле ул. Жуковского. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 39. «Свадебные деревья» на Аллее влюбленных в парке им. И. Г. Воробьева, установленные на месте первого памятника летчику-герою. 2019 год.
Фото: Ольга Христофорова

Илл. 40. Памятник «Огурцу-кормильцу» на перекрестке ул. Пушкина и трассы М-5. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 41. Памятник Почтальону Печкину возле почты, ул. Жуковского, 2/8. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 42. Памятник Пушкину, ул. Жуковского, 5. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 43. Истребитель МиГ-23 перед ДК «Старт». Фото: Ольга Христофорова

Илл. 44. Экспозиционная грядка огурцов в Луховицком историко-художественном музее, ул. Советская, 8-а. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 45. Фрагмент «огуречной экспозиции» в Луховицком историко-художественном музее, ул. Советская, 8-а. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Илл. 46. Изделия росписи «Лухлома» в Луховицком историко-художественном музее, ул. Советская, 8-а. 2019 год. Фото: Ольга Христофорова

Литература

- Алисов, Д. А., Гейфнер, О. В., Золотова, Т. Н., Хилько, Н. Ф. (2019). *Культурные ландшафты советского города: сибирские города позднего социализма*. М.: Институт Наследия.
- Белоусов, А. Ф., Строганов, М. В. (Сост.). (2001). *Провинция как реальность и объект осмысления*. Тверь: Тверской университет.
- Бугров, К. Д. (2018). *Соцгорода Большого Урала*. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета.
- Глазычев, В. Л. (Ред.). (2003). *Глубинная Россия: 2000–2002*. М.: Новое издательство.
- Зайонц, Л. О. (Отв. ред.), Абашев, В. В., Белоусов, А. Ф., Цивьян, Т. В. (Сост.). (2004). *Гео-панорама русской культуры. Провинция и ее локальные тексты*. М.: Языки славянской культуры.
- Лоу, С. М. (2016). *Пласа: политика общественного пространства и культуры*. М.: Strelka Press.
- Тишков, В. А. (Отв. ред.). (2011). *Мы здесь живем. Малый российский город сквозь призму социальной антропологии*. М.: ИЭА.
- Харламов, В. (2004, 27 мая). МиГ, «Орел» и огурец. *Гудок*. Режим доступа: <https://gudok.ru/newspaper/?ID=760930>

References

- Alisov, D., Gefner, O., Zolotova, T., Khilko, N. (2019). *Cultural landscapes of the Soviet city: Siberian cities of the late socialist era*. Moscow: Institut Naslediya. (In Russian).
- Belousov, A., Stroganov, M. (Eds.). (2001). *The province as reality and as an object of reflection*. Tver: Tverskoy universitet. (In Russian).
- Bugrov, K. (2018). *Socgorods (socialist cities) of the Greater Ural*. Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta. (In Russian).
- Glazychev, V. (Ed.). (2003). *The deep Russia: 2000–2002*. Moscow: Novoe izdatel'stvo. (In Russian).
- Kharlamov, V. (2004, May 27). The Mig, the Eagle and the cucumber. *Gudok*. Retrieved from <https://gudok.ru/newspaper/?ID=760930> (In Russian).
- Low, S. (2016). *On the plaza: The politics of public space and culture*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Tishkov, V. (Ed.). (2011). *We live here. The small Russian town from a socio-anthropological perspective*. Moscow: IEA. (In Russian).
- Zajonc, L. (Ed.), Abashev, V., Belousov, A., Tsivyan, T. (Compls.). (2004). *The geolandscape of Russian culture: The province and its local texts*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russian).

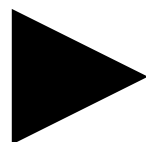
ДЕТАЛИ ГОРОДА

Что же больше всего привлекает людей в Переславль-Залесский? Красивые древние храмы и монастыри, вид на Плещеево озеро с холма от Горицкого Успенского монастыря, прекрасный дендрологический сад? Да, конечно. Но в последние десятилетия большой популярностью стал пользоваться Синий камень, о котором пишут на множестве сайтов, как об одном из мистических мест России. Камень расположен на берегу Плещеева озера. Согласно городским легендам, он сохранился с языческих времен и обладает силой исполнять желания (например, помогает бездетным парам). Как пишут на одном из туристических сайтов, «христиане пытались его зарыть, перевезти, но он необъяснимым образом снова оказывался на берегу». Согласно «Википедии», это «один из немногих подлинных ритуальных объектов, сохранившихся со времен языческой Руси». Камень стал частью экспозиции национального парка «Плещеево озеро», и вокруг него образовалась инфраструктура с предложением купить «языческие» предметы и загадать желание, повязав ленточку на специально вбитые шесты.

ЛОКАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

«Его никто никогда так не называл»: дискуссионные локусы в Рязани

НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА ПЕТРОВА ^{[1], [2]}

✉ PENA.TALYA@GMAIL.COM

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ

^[2] РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА РЫЧКОВА ^[1]

✉ RYCHKOVA-NN@RANEP.A.RU

ORCID: 0000-0001-5516-1643

^[1] РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

ПЕТРОВА, Н. П., РЫЧКОВА, Н. Н. (2021). «Его никто никогда так не называл»: дискуссионные локусы в Рязани. *Фольклор и антропология города*, IV(1), 158–173. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-158-173.

В подборке представлены тексты о городских парках и памятниках, зафиксированные во время экспедиции проекта «Народной истории России» в Рязань в 2019 году. Выбор именно этих городских объектов обусловлен, с одной стороны, их популярностью, с другой — обилием дискуссий относительно их названий и функционирования в пространстве города.

Ключевые слова: Рязань, «Народная история России», вернакулярные топонимы

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС

“NOBODY HAS EVER CALLED IT THAT”: DISPUTED LOCI IN RYAZAN

Natalia S. Petrova ^{[1], [2]}

✉ PENA.TALYA@GMAIL.COM

ORCID: 0000-0002-6514-5601

^[1] RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA

^[2] RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

Nadezhda N. Rychkova ^[1]

✉ RYCHKOVA-NN@RANEP.A.RU

ORCID: 0000-0001-5516-1643

^[1] RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY AND PUBLIC ADMINISTRATION, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

PETROVA, N., RYCHKOVA, N. (2021). “NOBODY HAS EVER CALLED IT THAT”: DISPUTED LOCI IN RYAZAN. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, IV(2), 158–173. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-158-173. (In Russian).

This selection is comprised of texts about the urban parks and monuments that were recorded during a 2019 field trip to Ryazan as part of the project “The People’s History of Russia”. These particular urban objects were chosen due to their popularity, on the one hand, and due to the abundance of disputes concerning their names and functioning in urban space, on the other hand.

Ключевые слова: Ryazan, People’s History of Russia, vernacular toponyms

Экспедиция в Рязань состоялась в марте 2019 года и длилась пять дней. В ней участвовали только авторы публикации, что и обусловило небольшое количество бесед: глубинные полуструктурированные интервью мы записали у 19 человек в возрасте от 29 до 81 года. Кроме того, мы провели анкетирование во время одной из наших лекций, в котором участвовал 21 горожанин (от 18 до 58 лет). Среди наших собеседников были студенты, пенсионеры, сотрудники туристической (экскурсоводы) и культурной (музейные работники, библиотекари, книгоиздатель) индустрий¹.

Исследование Рязани мы проводили в рамках проекта «Народная история России», выбор этого города (и не только его, тогда же были организованы и другие экспедиции) не случаен: его близость к столице имеет, с одной стороны, положительные (решение рабочего вопроса), с другой — негативные последствия (молодые люди часто приезжают в свой город только ночевать). Такая локация способствует появлению социокультурной проблемы, заключающейся в том, что наиболее активные жители с высокими культурными запросами, чаще всего молодежь, даже оставаясь работать в своем городе, уезжают посещать (иногда и организовывать) культурные, образовательные и досуговые мероприятия в Москву. Эта поведенческая стратегия подрывает культурную жизнь нестоличных городов. Наш проект предлагал вариант решения этих проблем за счет популяризации местной устной истории, а также за счет обучения жителей методикам сбора локальных нарративов.

Эта публикация посвящена двум типам городских объектов: паркам и памятникам, безусловно, не всем, что есть в Рязани, а только центральным. Причины такой выборки очевидны: во-первых, это главные места, где чаще всего бывают горожане, а во-вторых, это самые популярные локусы, о которых жители рассказывают приезжим, в том числе нам, исследователям. А это значит, что именно об этих объектах говорили все участники интервью.

Есть и еще один фактор, который объединяет выбранные объекты, — их дискуссионность. Наши беседы с горожанами показывают, как одни и те же городские локусы и объекты становятся предметом споров и обсуждений: разные группы (возрастные, социальные) высказывают свои взгляды на исторический и актуальный статус этих мест, происхождение их названий и практики освоения.

Верхний городской сад vs Наташкин парк и Нижний городской сад vs Пьяный парк

Из заголовка раздела видно, что речь в нем пойдет о вернакулярной топонимии. Тема неофициальных названий городских мест или объектов довольно популярна в современных гуманитарных науках. К настоящему моменту статей, которые ей посвящены, немало, и перечислять их все здесь нет необходимости, скажем только о разных направлениях в этой области.

¹ Репортаж о мероприятиях проекта в Рязани см. [Бирюкова 2019, 26 марта].

Чаще всего исследователи собирают в определенном городе различные народные названия, классифицируют их и пытаются понять, почему люди стали называть тот или иной объект именно так [Борейко, Шпак 2013, Подюков 2013, Павлюк 2017, Вибе, Рыженко, Карбышева 2019 и мн. др.]. Есть и другой подход, который использовала в статье, посвященной названиям памятников, Дарья Радченко. Исследовательница предлагает рассматривать неофициальную топонимию как «практику вербальной интервенции», которая помогает увидеть сложные отношения объекта (в ее случае памятника) «с городом — его жителями, пространствами и историей» [Радченко 2019: 230]. Несмотря на то что наша публикация не является исследовательской статьей в полной мере, нам все-таки было необходимо выбрать позицию, как публиковать тексты и как говорить о выбранных объектах. Именно ориентация на подход Д. Радченко предполагает не просто перечисление названий и их классификацию, а публикацию законченных историй, в которые включены интересующие нас объекты. Их сквозное чтение как раз покажет читателю диалог внутри одной истории, когда собеседник как будто спорит с другим мнением, взгляд разных поколений на выбранное место или объект, на его освоение, на повседневные практики в нем или с ним.

Впервые о том, что у парка в центре Рязани есть официальные и народные названия, мы узнали в первый же день во время прогулки по городу с местным экскурсоводом.

Илл. 1. Верхний и Нижний городские сады (OpenStreetMap)

На карте видно, что большой зеленый массив делится улицей Ленина на две части, то есть на Верхний и Нижний городские сады. Так эту локацию не называл ни один наш собеседник, кроме экскурсовода, которая профессионально рассказала об официальной и вернакулярной топонимии. Мы проверили публикации в интернете и убедились, что официальные названия используют преимущественно официальные ресурсы: сайт администрации города, новостные издания, карты. Однако часто даже в новостях у обоих официальных наименований встречаются скобки, в которых приведен один из народных топонимов. Верхний городской сад в настоящее

время называют Наташкин парк. Историй о нем, которые стали поводом для появления неофициальных топонимов, несколько.

Нижний городской сад известен как Пьяный парк, объяснительный нарратив, почему он именно пьяный, тоже не один. Однако старшее поколение высказывается о таких вариантах неодобрительно и считает это веянием последних лет, так как всю их жизнь это был просто «Горпарк». При этом они не до конца различают, какой из садов парка зовется Наташкиным, а какой Пьяным, в их воспоминаниях есть Горпарк, где зимой заливали каток, а летом были танцы, где назначали свидания и слушали выступления оркестра. Другую форму времяпрепровождения вспоминает среднее поколение: гитары, песни и алкоголь. Несмотря на то что в интернете встречаются истории о том, что выпивали в нем и в советское время, наши информанты не упоминали об этом. Их Горпарк — совершенно другое, почти идиллическое место, что подчеркивается и названием: в советское время городские парки были местом культурного отдыха жителей.

Первая версия о Пьяном парке

1. Кстати, у нас есть Нижний городской сад, у нас называется Пьяный парк. Рязанцы вообще не приемлют название Нижний городской сад. Во-первых, местность там не ровная, а холмистая. Он очень давно, еще с дореволюционного периода, называется Пьяный парк. Ну, естественно, парк студенчества, ну а студенты злоупотребляют алкогольными напитками. Поэтому, соответственно, Пьяный парк. Когда-то еще был Сад трезвости, но до сих пор [идут] разговоры, где он все-таки располагался. Но Сад трезвости, как я поняла, по тем документам, которые доступны, в него можно было зайти только за плату, вот там подразумевались какие-то развлечения: а-ля качели, карусельки, что-то такое. Сад трезвости у нас тоже был. Дореволюционные фотографии его есть. Соответственно, у нас Пьяный парк и Сад трезвости².

Вторая версия о Пьяном парке

1. Есть забавная история, что Городской парк, парк напротив, через дорогу от Наташкиного парка, его называют Горпарк или Городской парк, его народное название — Пьяный парк. Значит, здесь опять же две версии. Первая версия банальная — потому что студенты там пили. <...> Просто там такое место: удобные лавочки, тенисто, очень хорошо там — сели и напились где-нибудь, было много пьяных компаний и поэтому как бы Пьяный парк. Но я раскопал такую историю, что до революции, опять же, там, в этом парке, была организована территория, и назывался Парк трезвости. Рязане, мещане и дворяне здесь местные — местная интеллигенция, создали общество трезвости, и вот в этом парке была создана такая зона трезвости, где можно находиться только трезвым, то есть была такая пропаганда трезвости. И вот как бы в отместку за это его назвали потом Пьяным парком. [Красивая версия.] Потому что после революции, когда это все ушло в прошлое, это моментально превратилось в зону, наоборот, питья постоянного. Плюс там, опять же, в этом парке, там была одна из питейных. Ну в советское время в [19]50–60-х годах там была популярная, их называли шайбами иногда. Это, так сказать, круглый, так сказать, типа круглого пивного бара. То есть такая круглая конструкция. Она была в Центральном парке, такая была шайба, вот здесь в Городском парке и где-то еще, наверное, была тоже. То есть это пивной бар со

² К., ж., 1991, экскурсовод.

стоячими столиками, где вот, знаете, аттракционная, где берут люди кружки и стоят, как в фильмах, где там: «Жить хорошо, а хорошо жить — лучше». Берет кружку, становится на стол, и вот они стоят и пьют пиво. Да. И вот там была одна популярная вот эта пивная именно такая стоячая. И, видимо, люди там напивались и по парку потом расплзались, и поэтому вот Пьяный парк³.

Вариант второй версии о Пьяном парке

1. [Нам вчера про какой-то Пьяный парк говорили.] А, Пьяный парк — есть такой, да. Есть такая забавная история, что до революции на том месте был Сад трезвости. [Как же он переквалифицировался?] Со временем поколения сменились. Видать, Сад трезвости — он тоже не на пустом месте ведь организовался. Потом реальность победила. Но надо сказать, справедливости ради, что Сад трезвости был не совсем на том месте, где Пьяный парк — рядом. Буквально вот в том же квартале, но чуть в стороне. А теперь там. Но Пьяным парком он стал, можно сказать, на моей памяти уже, то есть где-то в начале 1990-х годов он был еще просто парком с лавочками, парком⁴.

Попытка изменить репутацию парка

1. Сейчас подходим к Пьяному парку. Я все-таки доведу вас до Верхнего, покажу памятник. Вот кстати, вот история моя из детства, покажу то, что мне папа рассказывал. Покажу-расскажу. Вот как раз Пьяный парк. [Он такой у вас детский.] Пьяный детский парк. Было открытие его, и стоит какой-то депутат местный, я присутствовала на открытии. Говорит: «Ну что же, как назывался тот парк до этого момента?» Все кричат: «Пьяный!!» — «Правильно!» — «А как же он будет теперь называться?» А там поставили детскую площадку, все благоустроили. Все кричат: «Пьяный!» А он отвечает: «Правильно, детский парк». Ну, здесь когда-то были каскадные пруды⁵.

Досуг в Пьяном парке в 2000-е годы

1. Еще был вариант [собираться] — Пьяный парк, соответственно, потому что там очень много места. Там летняя веранда, она тоже вся была занята. Но там больше такой, летний отдых: с гитарой, пиво попить, где-то песни попеть, ну и, соответственно, пойти домой⁶.

Наталья Климова и Наташа, которая повесилась из-за несчастной любви

1. А вот сейчас у нас есть Верхний городской сад, он у нас тоже не Верхний городской сад. [А какой?] Он у нас Наташкин парк. [Что за Наташка?] Есть несколько версий. Самая популярная — это Наталья Климова, участница, если не ошибаюсь, покушения на Столыпина, неудавшегося. В честь нее⁷. А еще есть версия, что девушка Наташа очень хотела выйти замуж за простолюдина, папа ей не разрешил, она повесилась в этом парке. <...> Ну, вот Верхний сад, он же Наташкин. Здесь стоит памятник Есенину, первый, который был поставлен

³ ДВ — м., 1970.

⁴ ААН — м., 1971.

⁵ К., ж., 1991, экскурсовод.

⁶ К., ж., 1991, экскурсовод.

⁷ Революционерка Наталья Климова действительно уроженка Рязани. Есть версия, что дом ее отца стоял на месте сквера до 1940-х годов, затем его снесли и разбили сквер, который стали называть в честь Натальи. Подробнее о жизни и судьбе Климовой, а также один из вариантов происхождения названия парка см. тут: <http://stopgulag.org/object/93054274>

в Константинове. Потом его переместили именно сюда. Сейчас мы подойдем к арт-объекту, ну, не арт-объект, а памятник советского периода, садово-парковая скульптура. [А вот этот памятник Есенину, который с [разведенными] руками?] Который с руками, это [19]75 год⁸.

Вариант о несчастной Наташе

1. [А почему парк Наташкин?] Ой, это я, честно говоря... Я слышал две легенды на этот счет. Одна совсем старая прям из детства — из детства. Что якобы когда-то какая-то девушка Наташа была там, любила какого-то парня, а он там военный. Он там, его куда-то там услали. И она повесилась в этом парке. Такая... Ну, мы же тогда любили страшные истории рассказывать, вот это была одна из таких страшных историй. Что где-то она там повесилась. И вот поэтому парк называли Наташкин⁹.

Бездомная Наташа

1. А другая история была какая-то... Я сейчас даже толком не помню, в чем дело было. Что там якобы в этом парке обитала беспризорная, такая, ну, бездомная тетка, бомжишка такая Наташа. Она жила в этом парке, ее там знали, поэтому его так называли, что этот парк, где она там тусуется постоянно, — «Наташкин парк»: Наташа там живет. Я уж не знаю, правда это или нет, мне иногда кажется, что это навеяно песней группы «Крематорий» про безобразную Эльзу, но это моя личная версия. Но я такое слышал, якобы потому что там была такая местная полусумасшедшая тетка, которая жила в этом парке¹⁰.

Почему он Наташкин, неизвестно

1. [А нам интересно еще про местные названия. Нам называли какой-то Наташкин парк, между собой так называют или все знают официальное название?] [КЛИ:] Наташкин парк я не слышала. [Не слышали такого названия?] Нет, не слышала. [ПТН:] Наташкин парк — это напротив Есенина парк? Туда мы ходили на танцы, я туда хожу на танцы. [А почему он так называется?] А вот почему он называется¹¹...

Досуг в Горпарке (1960–1970-е)

1. [А вот скверик, который Наташкин?] Ааа, это Городской парк, это где филармония, ну кто его назвал Наташкин, я не знаю, он вообще, на мой взгляд, он сейчас имеет дурную славу, потому что молодежь туда приходит, чтобы на вот этих лавочках, которые раньше были сделаны для летнего театра и там и сцена долго — сейчас ее, по-моему, снесли — открытая сцена, как раньше в парках было, и лавочки, сейчас на этих лавочках сидят, пьют, безобразничают, ничего хорошего в этом нет. [А раньше это просто был городской парк? У него не было названия?] Раньше это Горпарк, работал он круглогодично, зимой все дорожки парка залиты льдом, и мы катались на коньках. Городской парк, танцплощадки всегда работали, и в городском парке вот в том, и там, кстати, был и Дом пионеров, вот этот Дом народного творчества, если вы там бывали, Наташкин, как вы его называете, и такой с резьбой, это был Дом пионеров¹².

⁸ К., ж., 1991, экскурсовод.

⁹ ДВ — м., 1970.

¹⁰ ДВ — м., 1970.

¹¹ КЛИ — ж., 1944, ПТН — ж., 1950.

¹² МГБ — м., 1940.

Илл. 2. Скульптурная композиция Дама с ребенком. Фото: Надежда Рычкова

2. [А какие обычно танцплощадки были раньше?] [ГИ:] Для нас главная танцплощадка была около театра Есенина, филармонии, городской парк. И там в субботу-воскресенье играл ансамбль. Он так и называется — «Гор-парк», сейчас существует этот ансамбль. Но мы, прогрессивная такая молодежь, любили больше дискотеку. А по понедельникам была дискотека. И кто посовременней, помоложе на дискотеку ходили. Там всякие и ABBA, и Pink Floyd, и вот что-то такое там уже было, больше западной музыки мы любили. А по понедельникам у нас... Я училась в это время в музыкальном училище, и был смешанный хор. И как раз он заканчивался где-то часов в восемь. И мы компанией (я, моя подружка, еще кто-то) все на дискотеку туда приезжали... [ГМ:] Рядом с площадкой там были качели в форме лодочек, и катались парни с девочками... [ГИ:] Какое-то маленькое колесо обозрения было¹³.

3. [РТН:] А мы в мою молодость, мы были, вот Дом офицеров, там скверик, в этом скверике мы значит. В Доме офицеров были тоже концерты, я участвовала в концертах, пела там песни. Про маму я пела. Вот [напевает]: «Здравствуй, мама, опять руки твои» — вот эту песню. Вот эту я пела. И там же встречалась вот в этом парке после концерта. Танцы там были, я на танцы там сколько раз была. [ТАЯ:] Это вот парк ты имеешь в виду наш? [РТН:] Нет, Дом офицеров. [Прямо на улице, получается, танцы?] [РТН:] Нет, там было внутри. [ТАЯ:] А вот мы-то как раз где вторая аптека и свидания, и проходишь — городской парк. Сейчас это просто, ну, как сказать, наверно, сквериком можно назвать. Там детская площадка, там ясельки. Там есть у нас Дом творчества, где выступают иногда наши там хоры. И мы как раз на свиданиях с мальчиками «ля-ля-ля-ля», и там танцплощадки для ребят. И вот мальчики по стеночкам, девочки в кружочки. Потом, значит, выбираешь

¹³ ГИ — ж., ок. 1945; ГМ — ж., 1937.

себе жениха — кого же выбрать. [Смеется.] [А там была танцплощадка?] [ТАЯ:] Конечно, и был ресторан, как шас помню, «Красный мак». В этот [ресторан] «Красный мак» ходили только офицеры-летчики и какие-нибудь еще там, вертолетчики. И вот мы ходили, смотрели. Ну, мы еще школьники старшие. Боже мой, какое счастье, пошла какая красивая женщина с ним, боже мой! Ой! Нам бы так вот повезло, ведь офицеры хорошие, красивые, зарабатывают много! [Смеется.] Это была любовь! Сейчас вспоминаю, потому что было очень интересно, нам это было очень интересно. Вот так мы жили. И очень хорошо жили, кстати, очень дружно. Правда, Тань?¹⁴

4. [В каких парках были эстрады? Куда ходили послушать музыку или потанцевать раньше?] Конечно, в Рошцу ходили. Или Центральный парк есть, Центральный парк у нас рядом с художественным музеем, там внизу. Там такой миленький парк, и там еще одна такая низинка, там деревья, а на другой стороне стоит Дом творчества. Туда тоже обязательно надо сходить. Там сейчас выставки, там у них постоянно выставки или художников рязанских или областных, или какие-нибудь рукоделия, кружевоплетения, лоскутная техника. Такие есть произведения! Это просто потрясающе!¹⁵

Горпарк, скверик и Павловский сквер

1. [Городская была мама?] [ВГП:] Она на работе была всю жизнь, а у нас была нянька с сестрой, она нас ежедневно водила, сестру там возила, потом мы туда вместе уже ходили. Парк и скверик — это мои любимые летние утренние места. [А какой скверик?] Который Наташи Климовой, просто назывался сквер, никто никогда не знал, что он назывался парк Наташи Климовой. [К:] Недавно встречала фотографию этого парка, и там подписано «Павловский сквер». Не был он никогда Павловским сквером? Официально он никогда не был. [А кто-то называл?] Я тебе скажу когда. Когда решили ставить где-то памятник, мама тогда в Мытищи ездила к [нрзб.] и вот тот Павлов, которого вы сейчас видите, это мама его придумала, потому что он сначала сидел, она поехала, говорит: «Не сидел, что вы». Какие энергичные рязанцы люди. Другой раз поехала, он его переделал, а переделывал как? Что он вот так стоял и шляпу держал, она говорит: «Да, вы что? Вы знаете, какие мы, рязанцы, гордые? Мы никогда ни у кого ничего не просим». А он стоит как нищий [А, как нищий со шляпой?] Вот он его сделал, сжал этот кулак, рабочий крестьянский такой. [Так и что, хотели его поставить туда в этот скверик?] Да, и вот когда решался вопрос, куда его ставить, видимо, тут у меня две версии, видимо, его хотели поставить в этот скверик — а там был сквер хороший с клумбами, со всеми делами, — либо просто, чтобы он стоял напротив этого скверика, как бы смотрел туда на него, но так, чтобы прям официально Павловский сквер, не знаю, не было такого. Хотя ты знаешь, один альбомчик, я видела его когда-то очень давно, он остался в моей памяти, у меня фотографическая память, я в школе вот так мотала головой, чтобы мне не читать, у меня золотая медаль в школе. И прислал мне один парень фотографию, и он там пишет Павловский сквер, фотография. [К:] Может, как раз я видела что-то подобное, фотография старая, девушки там сидят на лавочке. Возможно, может, фотограф сам назвал, не берусь судить. [Но люди так не говорили? Вот вы просто ходили в скверик?] Вообще его никто никогда так не называл, это был Горпарк, там качели, карусели, там танцверанда, зимой там необыкновенный этот, где

¹⁴ ПТН — ж., 1950; ТАЯ — 1938.

¹⁵ КИВ — ж., 1943.

пединститут. [Нижний сад?] Вот опять все Нижний и Верхний, не люблю я, вот называют так, никто никогда его так не называл¹⁶.

Скульптурная композиция «Дама с ребенком», или «Ленин с мамой», или «Та самая Наташа»

Точкой пересечения различных интерпретаций названия и историй появления стал не только городской парк, но и один из объектов на его территории — скульптурная композиция изображающая женщину с ребенком. Никаких подписей на ней нет, кроме указания завода-производителя и года на основании скульптуры: «Художественный фонд РСФСР Мытищинский завод художественного литья 1958 г.». На большинстве городских карт она обозначена как «М. А. Ульянова с сыном» или «М. А. Ульянова и Володя Ульянов». Однако не все наши собеседники называли ее так. О дискуссии вокруг скульптуры мы впервые услышали во время экскурсии (см. первый текст) и в дальнейших интервью уточняли, какой версии придерживаются другие респонденты.

1. А сейчас мы подойдем к арт-объекту, ну, не арт-объекту, а памятнику советского периода. <...> [А кто это?] Вот сейчас расскажу. Это таинственная скульптура, мне всегда папа говорил, что это Ленин с мамой, но никто не может доказать, Ленин ли это с мамой или нет. Он как со значка октябренька. Вообще называется «Памятник маме с ребенком»¹⁷, но все рязанцы, естественно, говорят, что это Ленин с мамой, которая читает ему книгу¹⁸.

2. Потом в скверике Наташи Климовой, там было два памятника: один — это мать Ленина Мария Александровна, сидящая, и с ней рядом мальчик Володя с книжкой. [Это у вас Ленин с мамой?] Да, там был памятник, теперь... Там же был памятник, Ленин там с двумя или тремя какими-то детьми, дедушка Ленин, это тоже все сидячие памятники¹⁹.

3. [А там еще есть памятник «Женщина с ребенком»...] Женщина с ребенком? [Да.] В каком месте? [Напротив филармонии.] Ааа, там тоже маленький скверик. А, ну там не женщина с ребенком, там, по-моему, няня с Владимиром Ильичем с маленьким сидит. Нам всегда говорили, что это Володя Ульянов. <...> А там, кстати, напротив этого памятника огромное было панно, травяное, и высаживали, огромный был портрет Ленина, Каждое лето высаживали²⁰.

4. [А вот памятник женщине с ребенком: не знаете, кто это?] Скверик называется «Наталья», скверик называется имени Наташи какой-то. Вот эта Наташа, наверно, и сидит с ребенком, но фамилию я вам не вспомню, есть-есть название, благодаря этой Наталье с ребенком, это вот этот скверик Наташи. Там очень часто баянчики, распевание идет, собираются рязанцы, рязанки и поют под гармошку. [А в вашей молодости было там что-то?] Тоже был скверик, задрипанный, прошу прощения. А вот напротив был парк, в котором этот был [ресторан] «Мак» с военными, танцплощадка наша, а зимой заливали лед в этом парке, и мы на коньках²¹.

¹⁶ ВГП — ж., 1946; К., ж., 1991, экскурсовод.

¹⁷ В интернете тоже встречается оспаривание такого наименования. В качестве правильного комментатор приводит свое: Дама с ребенком, <https://wikimapia.org/19277102/ru/Памятник-М-А-Ульяновой-и-Володе-Ульянову>. На сайте «Рязань и область» скульптура названа «Женщина с ребенком», ниже даны две версии, которые публикаторы называют маловероятными. Первая — это эскара Наталья Климова и вторая — Ленин с мамой, <https://ryazan-region.ru/wiki/zh/608/>

¹⁸ К., ж., 1991, экскурсовод.

¹⁹ ВГП — ж., 1946.

²⁰ МГБ — м., 1940.

²¹ ТАЯ — ж., 1938.

Памятник Сергею Есенину на реке Трубеж

В нашей анкете, помимо всего прочего, мы просили горожан перечислить имена известных рязанцев. В списке персоналий лидировал уроженец Рязанского уезда Сергей Есенин. В городе есть два памятника, посвященных ему. Один уже встречался в нарративах выше, он установлен в Наташкином парке, однако отдельных историй о нем нет. Второй, работы А. Кибальникова и Р. Бегунца, был установлен к 80-летию со дня рождения поэта 2 октября 1975 г. Этот монумент интересует нас сразу по двум причинам: во-первых, в городе развернулась дискуссия по поводу его внешнего вида, во-вторых, выяснилось, что мнения горожан относительно неформальных практик с этим мемориальным объектом не совпадают.

Исследователи, которые изучали взаимодействия горожан с памятниками, отмечают, что деятельное «осваивание» памятника предполагает несколько не противоречащих друг другу форм: «1) его некоммеморативное утилитарное использование (в бытовых целях: встреча у памятника, фотографирование), 2) борьбу с памятником, порчу памятников (снос, разрушение), 3) наделение памятника новым смысловым содержанием, включение его в другой семантический контекст (доставление композиции, одевание, включение в текстовый ряд, который кодирует как отношение к памятнику, так и его функции в городском пространстве)» [Петров 2018: 45, см. также Радченко 2016: 436]. Применительно к рязанскому памятнику Есенину мы встречаем практически все эти способы вернакулярного освоения городского объекта (за исключением борьбы с ним). Он выполняет функции пространственного маркера и места встречи, фона для фотографирования, места посещения свадебной процессией (см. о посещении достопримечательностей как части современного свадебного обряда [Громов 2008]) и объекта манипуляций в ходе переходного обряда: выпускники Рязанского десантного училища 2 августа одевают его в тельняшку и берет. Поскольку «столичный дискурс» Рязани формируется именно вокруг десантников («Рязань — столица ВДВ» — лейтмотив полученных нами анкет), «присвоение» ими одного из центральных городских памятников, пусть тематически и несвязанного с этим родом войск, выглядит по-своему логичным.

Половина Есенина

1. [А Есенину когда появился памятник?] [ВГП:] Есенину, значит, сначала появился на набережной, большой, как будто он из русской земли силы берет, но не всем он понравился. Сказали: «Бедный Есенин, его даже после смерти утопили в земле». [К:] Еще туристы иногда так говорят: «Очень тяжеловатый памятник. Что вы его вкапываете в землю?»²². Так, подожди, в каком же его году... [вспоминает]. [К:] В 1975-м на набережной. [ВГП:] Ага, в [19]75 году его поставили [нрзб.]. Я даже не помню, сколько он лет стоит. [К:] Я не знаю, сколько он стоит, я знаю, что это был первый памятник в Константинове до полного роста, потом его перенесли как в Горпарк²³.

²² Ср. схожее мнение путешественника, опубликованное на туристическом портале TripAdvisor: «Честно говоря, памятник мне не понравился. Сергей Есенин, конечно, великий поэт и заслуживает памятник такого размера, но зачем его разрубили пополам? Или в землю закопали, что не лучше. А рельеф памятника так устроен, что все дети считают своим долгом залезть на руки к “дяде Сереже”. Да и некоторые взрослые делают то же самое. Единственный большой плюс этого памятника — это его расположение. В красивейшем месте, на Трубежной набережной, рядом с Храмом Спаса Преображения». [https://www.tripadvisor.ru/Attraction_Review-g298485-d2360403-Reviews-or20-Sergey_Yesenin_Monument-Ryazan_Ryazan_Oblast_Central_Russia.html]

²³ ВГП — ж., 1946; К., ж., 1991, экскурсовод.

2. [А еще про памятники тоже хотела спросить. Нам какие-то истории рассказывали, что с памятником Есенину в День города²⁴ что-то делают.] [КИВ:] Ой, ничего интересного. Забыла, как фамилия этого архитектора. У нас там такой комплекс церквей, кремль, еще там «Спас на крови»²⁵, как правильно называется?.. В общем, такое место, откуда очень хороший вид на перспективу. То, что воспето у него в стихах, там и поставили его памятник. Вот это: «Синь, сосущая глаза...» Когда они далеко, они все прям синие, красиво. А там он знаете, как? Он избражен, и не бюст это, а половина его... [По пояс?] По пояс, руки расставлены. Но все это понятно, что символизирует: вроде талант вырос на могучей русской земле, на рязанской земле, все такое. Но что-то мне не очень это нравится. [А почему?] [ПТН:] Не знаю, мне кажется, нормально. [КИВ:] Привыкли²⁶.

Фотографирование у памятника

1. [А Есенин всегда был? В какое время его поставили, не помните?] Памятник? [Да, Есенину.] Сейчас попробую примерно, конечно. [Примерно.] Примерно. [Н. Н.] Чумакова у нас была председатель горсовета, [А. П.] Кибальников, по-моему, автор этого [памятника]. [Ну ладно, в 1970-е? В 1960-е?] Да. В [19]70-е годы, папа мой еще фотографировал. Хороший памятник, в [19]70-е годы. [А нет такого, чтобы, например, там в какие-то даты цветы носят или вот молодожены фотографируются?] Ну как, молодожены: там все замочками увешана вся набережная, начинают как раз от памятника Есенину. Сын мой туда приезжал после регистрации брака. Нет, ну все в выходные дни, там забито все машинами, и машины едут туда к памятнику Есенина. [Свадебные?] Да, свадебные, да. Все висят там замочки сплошь по всей набережной. Так что этот ритуал там у нас справляется. [Фотографируются, наверное, с ним?] А как же, конечно. [Это примерно когда появилось? Наверное, в [19]70-е такого еще и не было?] Мне кажется, что было. Как появилось, так, конечно, как появилось, так и началось. <...> [А вот куда еще ездят, ездят к Есенину молодожены, а еще по городу?] И ездили также к памятнику Ленина и к мемориалу Победы на площади Победы, в три места. Но самое популярное место для этих целей — это памятник Есенину²⁷.

2. [ПТН:] У меня, когда сын женился, молодожены всегда туда едут, к этому памятнику [Есенину]. У них там фотографии. [КИВ:] Там было всякое. Понимаете, есть люди, которые идут под этим делом, делают, что хотят, могут сесть на руку: он же большой такой, детей сажают, бутылки... [ПТН:] Господи, ну это исключение. А так летом я там гуляю, там с гитарами ходят... [КИВ временно:] Следят, конечно. [ПТН:] Женщина у Ольги Михайловны знакомая. Как там, Галина? А, нет, там две женщины, они играют в таких костюмах... [КИВ:] Цыганских. [ПТН:] Цыганские мелодии, молодожены дают им денежку. Там очень много народу. [КИВ:] А потом у нас очень много иностранцев училось в училище связи. Так они туда ходили, знакомились с русскими девушками. [Это такое место для встреч было, для молодежи?] [КИВ:] Там было оно еще не очень-то освещенное. Если из темноты выйдут такие белые глаза и белые зубы... Даже страшно. [Смеется.] Уж я не знаю, конечно, это имеет историю, по телевидению-то я вижу, есть такие истории, когда женщины наши женились на каких-то там князьях²⁸.

²⁴ С 2011 года ежегодно в Рязани День города выбирается городской думой в районе 2 августа — Дня ВДВ.

²⁵ Имеется в виду Спасо-Преображенский храм (Спас-на-Яру).

²⁶ КИВ — ж., 1943; ПТН — ж. 1950.

²⁷ МГБ — м., 1940.

²⁸ ПТН — ж. 1950; КИВ — ж., 1943.

3. А у нас была традиция по-всякому использовать памятник Есенину. [А как вы его использовали?] В частности, большинство очень любило его использовать... Он же стоит у нас вот там... [С рукой?] В руку сесть. Залезть. Причем это не очень просто. Там же она в сторону отведена рука, то есть она еще... в нее залезть же надо. Вот пробраться, сесть в руку и вот сфотографироваться, как ты в руке. Ну, обычно там и девчонок подсаживали, чтобы они туда сели. Или там пацаны на него залезали. Вот это так, такое было, то есть памятник Есенину, вот как-нибудь там сесть ему в руку — это да, это было. Сидеть в руке Есенина, посидеть в руке Есенина²⁹.

Одевание памятника³⁰

1. [Скажите, а свадьбы, они куда ходят?] В кремль! [Так, это мы поняли, а еще?] Едут по городу, соответственно: кремль, памятник Есенину, у нас, конечно, главная фишка, Есенин же вот так с рукой стоит, я уже сказала. Нужно сесть на руку Есенину, прям на ладошку. Я всегда говорю туристам, что если такой фотографии вы не сделали, то вы в Рязани вообще не были. Вот и у меня бабушки туда лезут, дедушки. Вот причем такое местечковое. Причем у меня есть фотография: второго августа на Есенина надевают тельняшку и берет, это главный десантник нашего города. Вот. Поэтому я вам сейчас даже покажу [показывает фотографию в телефоне]. Такой вот у нас Есенин³¹.

2. И памятник, ну, и памятник Сергея Есенина. Я, я [смеется], честно говоря, не слышал об этой традиции, но мы сейчас собирали ребят-экскурсоводов и нам показывали фотографию, когда десантники обряжают его (ну, типа, тельняшки такой, в полосочку) и фотографируются на нем. Это будущие офицеры, которые, ну, вот, заканчивают институт. У него беретка такая, значит, висит. Я в первый раз видел, ну, так как бы³².

3. [Нам вчера сказали, что как раз таки на День ВДВ десантники у памятника Есенина что-то делают.] А, они наряжают его в тельняшку и берет, по-моему, была такая тема. <...> А, да, десантники, кроме того, что купаются в фонтанах и бесчинствуют на рынках, они, да, говорят, что одевают Есенина. Я не знаю, сейчас это есть или нет, ну можно приехать посмотреть. [Да, интересно. Как раз День города и десантники.]³³

Памятник Ленину на одноименной площади

Современный памятник Ленину, авторства скульптора М. Манизера, был установлен в 1957 году и заменил первый 1937 года работы Г. Алексеева. Этот памятник — главный герой трех групп сюжетов: истории первой группы рассказывают о его путешествии, вторая группа — это анекдоты с его участием и третья — интерпретация его позы.

Путешествия памятника

1. Когда я сюда вышла замуж в [19]68 году, поступила я в медучилище (но я и

²⁹ ДВ — м., 1970.

³⁰ Периодически встречающаяся разновидность манипуляций жителей с городскими объектами, о других способах см. в [Лурье 2003: 426]. Здесь приведем только максимально схожую с нашей практикой: «На памятник Ивану Крузенштерну моряки-курсанты при выпуске надевали специально сшитую тельняшку (из двух-трех настоящих)».

³¹ К., ж., 1991, экскурсовод.

³² ЗВ — м., 1960.

³³ ААН — м., 1971.

работала, и училась). А когда училась в школе, то было такое задание дано: надо было узнать историю создания памятника Ленину на площади Ленина. Это было очень интересно, и я взялась. Мы были даже дома у главного архитектора, он уже старенький был. И он нам все рассказал. Изначально первый памятник Ленину был открыт в [19]37 году. Этот памятник невысокий был, но, так как была перестройка во всех, как говорится, ракурсах и во всех, так сказать, направлениях, то этот памятник убрали. И все думали: «Ну, как его разрушить, когда это тоже наша история?» Его отвезли в город Касимов. По-моему, он там стоит до сих пор. Этот памятник новый. Все-таки решили соорудить такой высокий и оставить это как историю нашу³⁴.

2. [А еще там какие-то странные истории, что памятник Ленина то ставили, то убрали, то опять ставили?] Да, да, это есть такая история. Его... Здесь даже можно еще интереснее рассказать, что... Я специально даже интересовался этой историей этого памятника. Изначально там был поставлен еще в [19]30-е годы, там был поставлен небольшой памятник Ленину, [вспоминает] он там стоял вот с [19]30-х там до [19]50-х, по-моему, годов. В конце [19]40-х или в начале [19]50-х годов поставили тот памятник, который сейчас стоит. Его сделали, его сделали два, по-моему, архитектора довольно известных. Я сейчас фамилии, к сожалению, не вспомню. А довольно два известных архитектора московских, они сделали его для Дальнего Востока³⁵. Но на Дальний Восток он не уехал по каким-то причинам, что-то там отказались, и рязанская тогда управа, советская еще, да, как-то там подсуежилась и этот памятник сюда привезли. А тот старый памятник увезли в Солотчу. Он сейчас стоит в Солотче... [Это маленький?] Да, который поменьше, вот, он сейчас в Солотче на центральной площади стоит. <...> [А были какие-то интересные истории?] Да, это памятник Ленину и значит, когда у нас после [19]91 года был этот вот отказ от коммунизма, его сняли и куда-то увезли и даже говорят, что он где-то в Лупшовском лесу. Ну, там в лес его поставили. И там поставили такой символ Рязани — такие три луковичи, три, имеется в виду собор, который... [Купола?] Да, купола собора. Когда выбраны, ну, символическое такое изображение. Потому там стояли эти три купола, его называли «три луковичи»³⁶, они стояли на этом месте. А потом уже в путинские времена, типа, «давайте вернем Ленина обратно». И его обратно поставили³⁷.

3. У нас тут Ленин, он вообще очень интересный. Изначально Ленин стоял в центре площади Ленина, на месте бывшей часовни. Там была Александроневская часовня, вместо нее поставили памятник Ленину. Он стоял спиной к Москве, лицом к Рязани. Его основание было собрано из надгробных плит с территории Спасского монастыря. Потом решили, что Ленин маловат. И к [19]54 году его перенесли в то место, где он стоит сейчас. Но перенесли очень интересно, потому что до революции на этом месте располагался рязанский эшафот! Там, где происходили публичные казни! И Ленин очень антуражененько встал там на рязанский эшафот. На этом приключения Ленина не закончились. В [19]93 году его под покровом ночи сносят и на постаменте

³⁴ ВВ — ж., ок. 1945.

³⁵ В качестве подтверждения этой гипотезы в интернете пользователи пишут о форме постаментов, который напоминает нос корабля, см. об этом тут: <https://turbina.ru/guide/Ryazan-Rossiya-88583/Zametki/Progulki-po-Ryazani-Pamyatnik-Leninu-na-odnoimennoy-plotstchadi-43835/>

Мотив о том, что памятник предназначался другому городу, популярен в городских нарративах. Можно вспомнить историю памятника Минину и Пожарскому, который изначально создавали для Нижнего Новгорода, но затем отправили в Москву [самозапись Н. Н. Рычковой, узнала от коллеги из Нижнего Новгорода во время прогулки по городу].

³⁶ Еще два варианта названия встретились в интернете — клизмы, червяк под напряжением. см. https://rusovok.ru/c/ryazan/Malo_kto_pomnit_chno_pamyatnik_Leninu_na_odnoimennoy-2403650/

³⁷ ДВ — м., 1970.

Илл. 3. Памятник Сергею Есенину на реке Трубеж. Фото: Дарья Радченко

появляется огромный деревянный крест зеленого цвета. Причем не как символ православия, а как крест на предыдущей власти. Потом сносят и постамент, и на этом месте появляются такие луковки деревянные Успенского собора Рязанского кремля. Потом их демонтируют и к [19]96 году Ленин из ангаров рязанского завода возвращается на свое законное место. Вот так вот!³⁸

4. [А вот скажите, памятник Ленину в [19]90-е случайно не сносили? Он всегда стоял?] [ТАЯ:] Не сносили, но поставили. Это было у нас, я не буду путать правителей, которые сидели на троне. Он решил вместо Владимира Ильича поставить огромный крест. [РТН:] Ммм! Как на могиле. [ТАЯ:] И рядом с Лениным это крест поставил. Я даже частушку написала. Шас я ее не вспомню. [Ой, жалко.] [ТАЯ:] Потому что мне это настолько было дико. Это потрясение. Даже верующим было потрясение. Это кошунство, ребята, ну что это такое?! Вот, а потом, когда начали люди возникать, этот крест убрали. Это было что-то! Но не снесли благодаря этому. Потому что народ восстал и сказал — это че такое?! То есть СССР только, ну у памятника, ну у памятника, пусть даже у самого кровавого, но все равно это памятник³⁹.

«Говорящие» памятники

Встречаются в Рязани и шуточные попытки связать несколько памятников вымышленным диалогом, восстанавливая смысловые связи в городском пространстве и преодолевая разорванность, исключенность мемориальных объектов из городской повседневности (см. об этом [Радченко 2019: 246–249]). Один из способов вербализовать эту связь — рассказать анекдот (см. тексты 1 и 2)⁴⁰.

1. Была шутка такая, что если взять три памятника, то памятник Есенину

³⁸ К., ж., 1991, экскурсовод.

³⁹ РТН — ж., 1959; ТАЯ — ж., 1938.

⁴⁰ Примеры анекдотов о памятниках см. в [Лурье 2003: 424–425].

стоит на набережной, потом, если вверх по улице Есенина подниматься и потом завернуть на улицу Ленина, то там стоит памятник Павлову, ой, Павлову, да, Павлову. Он стоит напротив филармонии, как ни странно, не Есенину. А дальше, если идти по [улице] Есенина, то выходишь на площадь Ленина, где стоит Ленин собственно. И вот их позы обыгрывались так, что Есенин стоит такой задумчивый, такой: «Где бы выпить?» А Павлов стоит и думает такой «Надо у Ленина спросить». А Ленин: «В Первомайской». [Смеется.] Это «Первомайская» — это гостиница «Первомайская». Самое популярное, это один из самых старых и самый популярный ресторан тогда был в Рязани. Ну, где, а вот там, в «Первомайской». И так вот обыгрывалась эта такая поза памятников, указывающая на ресторан⁴¹.

2. Памятник Павлову выглядит вот так: вот так вот он стоит, Есенин вот так, ну Ленин вот так. Павлов спрашивает: «Ребят, — грит, — выпить есть где?», Есенин грит: «Я не знаю», Ленин грит: «На Победе уже бухают». [Смех.] [Жесты, интерпретация жестов?] Ну, да-да-да, жестов, как раз вот такая. [Что значит «На Победе уже бухают»?] Ну на Победе — это мемориал, площадь Победы. [И там действительно собираются?] Нет. Когда-то было, сейчас нет⁴².

Следующие тексты — типичные сюжеты интерпретации указательного жеста памятника. Причем, как показывают записи других исследователей, чувствительным для жителей оказывается направление памятника после разворота: известны истории о том, что в прибалтийских странах после присоединения к СССР все памятники развернули на восток [Лурье 2003: 421] или рассказы о памятнике Пушкину в Москве, который до 1937 года смотрел на монастырь, а сейчас, перевернутый на 180 градусов, поклоняется «Макдоналдсу», то есть Западу⁴³.

Ну, памятники, они и были памятниками, их было не так много. Во-первых, был памятник Ленину, он сначала стоял лицом на Почтовую улицу, в [19]57 году поставили новый памятник, его развернули, и он на Первомайский проспект стал показывать: «Правильной дорогой идете, товарищи!» [А куда ведет Первомайский?] В Москву⁴⁴.

А здесь стоит вот этот памятник Ленину с рукой, указывающей на вокзал. Типа «Вам туда, товарищи». [Смеется.] Все, кому надоело жить в Рязани, вон туда, вон Рязань-первая [железнодорожный вокзал Рязань-1] вас ждет⁴⁵.

Собранные здесь рассказы жителей показывают, какие значимые объекты городской среды они выделяют, что для каждого поколения важно в том или ином месте, как они используют пространство или объект, каким, по их мнению, должен быть городской порядок. Запись таких историй насыщает места смыслом: читая о своем городе, делясь воспоминаниями, люди оживляют город, а экскурсоводы, архитекторы, урбанисты, прислушиваясь к этим голосам, могут почерпнуть важную информацию, которая поможет им воплотить свои решения или идеи, связанные с городом, таким образом, чтобы они были приятны каждому жителю.

⁴¹ ДВ, м., 1970.

⁴² К., ж., 1991, экскурсовод.

⁴³ Полевые материалы Н. Н. Рычковой.

⁴⁴ ВГП — ж., 1946.

⁴⁵ ДВ — м., 1970.

Литература

- Бирюкова, Н. (2019, 26 марта). В Рязани прошла презентация проекта «Историческая память городов». *Vezdekultura*. Режим доступа: <http://www.vezdekultura.ru/12161-events-v-ryazani-proshla-prezentaciya-proekta-is-torichesk>
- Вибе, П. П., Рыженко, В. Г., Карбышева, Н. В. (2019). Омская топонимика: официальная и народная версия. *Известия Омского государственного историко-краеведческого музея*, 2019(22), 5–13.
- Громов, Д. В. (2008). Посещение достопримечательностей как часть современного свадебного обряда. *Традиционная культура*, 2008(2), 28–39.
- Лурье, В. Ф. (2003). Памятник в городе: ритуально-мифологический контекст. В А. Ф. Белоусов, И. С. Веселова, С. Ю. Неклюдов (Сост.). *Современный городской фольклор*, 420–429. М.: РГГУ.
- Павлюк, С. Г. (2017). Городская локальная топонимия как индикатор пространственной самоорганизации общества. *Urban Studies and Practices*, 2(2), 33–42.
- Петров, Н. В. (2018). Памятники в пространстве Москвы. *Живая старина*, 98(2), 44–48.
- Подюков, И. А. (2013). Особенности неофициальной топонимии города Перми. В О. В. Лысенко, Е. Г. Трегубова (Ред.). *Пермь как стиль. Презентации пермской городской идентичности*, 224–231. Пермь: редакционно-издательский совет ПГПУ.
- Радченко, Д. А. (2016). «На человека стал похожим»: советские памятники Украины и России в конфликтном контексте (2013–2015). В М. В. Ахметова, Н. В. Петров (Сост.). *Genius Loci: сборник статей в честь 75-летия С. Ю. Неклюдова*, 435–461. М.: Форум.
- Радченко, Д. А. (2019). Бабы жарят крокодила: право на интерпретацию памятника. *Фольклор и антропология города*, II(1–2), 230–255.

References

- Biryukova, N. (2019, March 26). A presentation of the project “Historical Memory of Cities” took place in Ryazan. *Vezdekultura*. Retrieved from <http://www.vezdekultura.ru/12161-events-v-ryazani-proshla-prezentaciya-proekta-is-torichesk> (In Russian).
- Gromov, D. (2008). Sightseeing as part of contemporary wedding ceremony. *Traditional Culture*, 2008(2), 28–39. (In Russian).
- Lurie, V. (2003). The monument in the city: Ritual and mythological context. In A. Belousov, I. Veselova, S. Neklyudov (Eds.). *Contemporary urban folklore*, 420–429. Moscow: RGGU. (In Russian).
- Pavlyuk, S. (2017). Urban local toponymy as an indicator of the spatial self-organization of society. *Urban Studies and Practices*, 2(2), 33–42. (In Russian).
- Petrov, N. (2018). Monuments in the Moscow urban space. *Antiquity Alive*, 98(2), 44–48. (In Russian).
- Podyukov, I. (2013). Features of the unofficial toponymy of the city of Perm. In O. Lysenko, E. Tregubova (ed.). *Perm as a style. Presentations of Perm urban identity*, 224–231. Perm: Redaktsionno-izdatel'skiy sovet PGGPU. (In Russian).
- Radchenko, D. (2016). “He started looking like a human”: Soviet monuments in Ukraine and Russia in the context of conflict (2013–2015). In M. Akhmetova, N. Petrov (Compl.). *Genius loci: A collection of articles in honor of the 75th anniversary of S.Yu. Neklyudov*, 435–461. Moscow: Forum. (In Russian).
- Radchenko, D. (2019). The women a-frying a crocodile: The right to interpret a monument. *Urban Folklore & Anthropology*, II(1–2), 230–255. (In Russian).
- Wiebe, P., Ryzhenko, V., Karbysheva, N. (2019). Omsk toponymy: The official and vernacular versions. *Proceedings of the Omsk State History Museum*, 2019(22), 5–13.

Монастыри Переславля-Залесского как точки притяжения и коммуникации

АРИНА СЕРГЕЕВНА КУПРИЯНОВА ^[1]

✉ REENACUPRUM@GMAIL.COM

^[1] РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ
ORCID: 0000-0001-8020-8079

ДАРЬЯ МАРКОВНА АГАПОВА ^[1]

✉ DASHAGAPOVA@MAIL.RU

^[1] РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ

ЯНА ОЛЕГОВНА ПОЦЕЛУЙКО ^[1]

✉ YANA_POTSEL@MAIL.RU

^[1] НЕЗАВИСИМЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Для цитирования статьи:

Куприянова, А. С., Агапова, Д. М., Поцелуйко, Я. О. (2021). Монастыри Переславля-Залесского как точки притяжения и коммуникации. *Фольклор и антропология города, IV(1)*, 174–191. DOI: 10.22394/26583895-2021-4-1-174-191.

Подборка представляет собой описание полевых материалов, собранных авторами в январе 2021 года в г. Переславль-Залесский Ярославской области в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций». В работе рассматриваются нарративы о монастырях города в советский период и в современности. В СССР монастыри были перепрофилированы в государственные учреждения (склад, туристическое бюро, музей и т. д.). В то же время эти территории по-разному осваивались местными жителями, например, становились площадкой для детских игр. Сейчас четыре из пяти монастырей (Феодоровский, Даниловский, Никитский, Никольский) переданы РПЦ и являются действующими. Они выступают в качестве точек притяжения как для местных жителей, так и для туристов и паломников.

Ключевые слова: Переславль-Залесский, «Народная история России», монастырь, детские практики, паломничество, граница

Исследование выполнено в рамках проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций», поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20-1-036197)

Выражаем искреннюю благодарность нашим коллегам по экспедиции Н. В. Петрову, К. В. Сироткиной, П. А. Богомолу, Э. Г. Матвеевой, а также Переславскому Свято-Феодоровскому историко-культурному форуму, Феодоровскому женскому монастырю, епархии и всем нашим собеседникам за помощь в проведении исследования

MONASTERIES IN PERESLAVL-ZALESSKY AS POINTS OF ATTRACTION AND COMMUNICATION

Arina S. Kupriyanova ^[1]

✉ REENACUPRUM@GMAIL.COM

^[1] RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA
ORCID: 0000-0001-8020-8079

Daria M. Agapova ^[1]

✉ DASHAGAPOVA@MAIL.RU

^[1] RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA

Yana O. Potseluyko ^[1]

✉ YANA_POTSEL@MAIL.RU

^[1] INDEPENDENT RESEARCHER

TO CITE THIS ARTICLE:

KUPIRYANOVA, A., AGAPOVA, D., POTSELUYKO, YA. (2021). MONASTERIES IN PERESLAVL-ZALESSKY AS POINTS OF ATTRACTION AND COMMUNICATION. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, IV(1), 174–191. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-174-191. (IN RUSSIAN).

The article dwells on the description of the field research which was conducted in January 2021 in the city of Pereslavl-Zalessky, Yaroslavl region, within the framework of the project “The People’s History of Russia: Crossroads of Local Civilizations”. The work contains the narratives about the monasteries of the city during the Soviet era and in the present time. In the USSR, monasteries used to be repurposed as state-run institutions (a warehouse, a tourist office, a museum, etc.). At the same time, these territories were developed in various ways by local residents, for example, one of those became a children’s playground. Currently four of the five monasteries (Feodorovsky, Danilovsky, Nikitsky, Nikolsky) have been restituted to the Russian Orthodox Church and are functioning. They act as points of attraction for both locals and tourists and pilgrims.

Keywords: Pereslavl-Zalessky, People’s History of Russia, monastery, children’s practices, pilgrimage, borderline

ВВЕДЕНИЕ

Наша подборка посвящена социальной роли монастырей в пространстве г. Переславль-Залесский в советский и современный период. Мы рассматриваем монастыри как места, в которых происходит коммуникация между сакральным и светским.

Сама идея этого исследования появилась осенью 2020 года. В Переславле-Залесском проходила XX Школа-конференция по фольклористике и культурной антропологии, организованная Центром типологии и семиотики фольклора РГГУ и Лабораторией теоретической фольклористики РАНХиГС. В дневной перерыв между лекциями студенты — слушатели и докладчики — были заняты полевой работой: брали интервью и проводили включенное наблюдение рядом с городскими достопримечательностями. Одной из локаций стал Феодоровский женский монастырь. В свечной лавке участницы полевого практикума познакомились с одной из сестер

монастыря. Та порекомендовала связаться с послушницей, которая отвечает за социальную работу монастыря и его медийный облик. Выяснилось, что монастырь заинтересован в сотрудничестве с исследователями, поскольку для монахинь было важно узнать историю монастыря. Они надеялись получить информацию о тех, кто имел отношение к Феодоровскому женскому монастырю, о судьбе монахинь после закрытия монастыря, об исчезнувшей колокольне и т. д. На защите итогов полевого практикума будущие участники экспедиции озвучили идею приехать в монастырь еще раз. Н. В. Петров предложил устроить экспедицию в рамках проекта «Народная история России». В команду вошли Никита Викторович Петров (кандидат филологических наук, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС), Дарья Марковна Агапова (на момент экспедиции — студентка филологического факультета МГУ им. Огарева, ныне магистрантка ЦТСФ РГГУ), Павел Анатольевич Богомолов (студент школы востоковедения НИУ ВШЭ), Арина Сергеевна Куприянова (студентка УНЦСА РГГУ), Яна Олеговна Поцелуйко (на момент экспедиции — студентка кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета, ныне — независимая исследовательница) и Ксения Владимировна Сироткина (на момент экспедиции — студентка исторического факультета МГУ им. Ломоносова, ныне — магистрантка ЕУ СПб). Как было сказано выше, интерес был обоюдным: монастырю хотелось, чтобы мы собрали информацию об истории монастыря как в царский, так и в советский период, нас же интересовали нарративы, посвященные городу и, в том числе, роли монастыря в пространстве Переславля-Залесского.

Экспедиция проходила с 26 по 31 января 2021 года. Основными методами сбора данных стали глубинные полуструктурированные интервью и включенное наблюдение. Последнее предполагало погружение в исследуемую среду: мы жили в кельях, питались монастырской едой в трапезной, ходили на службы, общались с насельниками монастыря. Наши опросники предполагали как стандартные для проекта «Народная история России» вопросы [Петров и др. 2019], так и специализированные, связанные непосредственно с Феодоровским монастырем. Кроме того, мы просили наших собеседников рисовать ментальные карты города. Всего мы опросили 15 человек в возрасте от 41 до 78 лет: насельниц и прихожан Феодоровского женского монастыря, пенсионеров, работников культурной (музеи, искусство) и туристической сферы, священника, экскурсовода и бездомного. По просьбе наших информантов мы приняли решение анонимизировать данные, оставив год рождения, пол и сферу занятости.

Монастыри Переславля-Залесского

Всего в городе насчитывается пять монастырей: Горицкий Успенский, Свято-Троицкий Данилов, Феодоровский, Никитский и Никольский. При этом Горицкий монастырь перестал функционировать в 1744 году, а с 1919 года там располагается музей. Все остальные монастыри — действующие.

Этнолог С. С. Савоскул, говоря о базовой основе локальной идентичности переславцев, называет два основных ее элемента: «представления о местном историко-культурном наследии, воплощенном в разнообразных памятниках истории и культуры» и «локальная историческая память, опирающаяся в первую очередь на значимых для переславской, а также и общероссийской истории деятелей, так или иначе связанных с Переславлем» [Савоскул

2015: 173]. В группу памятников попадают как действующие (на данный момент) монастыри, так и музейный Горицкий монастырь. Неудивительно, что практически во всех интервью наши собеседники упоминали монастыри как наиболее важные достопримечательности города. Столь же часто разговор заходил разве что о Синем камне¹ — достопримечательности, получившей свою популярность в начале 1990-х годов.

МОНАСТЫРСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В период СССР монастыри не работали в качестве религиозных учреждений, но здания не пустовали: в них размещались светские организации. Д. Г. Дубовка пишет о том, что перепрофилирование зданий в ряде случаев было выгоднее уничтожения: «Взорвать храм означало лишить себя возможности практически использовать здания, поэтому к монастырским комплексам применялась иная стратегия. Церковные строения избавлялись от прежней символической нагрузки частично с помощью перепланировки, а частично — посредством новой инфраструктуры и практик использования» [Дубовка 2020: 44]. Эта тенденция не обошла стороной и Переславль-Залесский: в период с 1918-го по 1923 год монастыри города были закрыты, а их здания переданы разнообразным организациям — от военных частей до музея.

Как мы уже сказали выше, экспедиция проходила в партнерстве с Феодоровским женским монастырем. Это обусловило большое количество текстов, посвященных именно ему. Одна из наших собеседниц говорила о до-революционной истории монастыря, вплетающейся в историю ее семьи: настоятельница Евгения была двоюродной бабушкой рассказчицы.

И они вот еще рассказывают, что, значит, это... их было 9 человек, детей-то, а этот... ну вот отец-то их бросил. И вот эти монахини — они приходили — 2 раза в год, что ли, — и вот они их там обшивали. Ведь одежды же мало было. Вот, там штопали... [Монахини штопали?] Монахини, да, монахини Федоровского монастыря приходили и помогали вот это... [А как, они их звали, что ли?] Они сами приходили... Я не знаю, как-то лизвали они их... ну, в общем это, они вот приходили и помогали. [То есть это, получается, было до 1920-х годов, да, что они приходили?] Да, это... [До революции еще?] Да, это до два [дцатых годов]... Она умерла в [19]20 году, а это же было при ней. Бабушка Варя — она... вот... ну, мамина и теток-то мать — она с 1882 года. А дед был намного старше ее. А это самая старшая сестра деда. [То есть правильно я понимаю, что матушка Евгения, да, когда она руководила монастырем, она посылала сестер, чтобы те обшивали семью?] Да. Чтоб те обшивали... да. Чтобы тебе обшивали семью. Но насколько все это правда?.. И вот после того, как это... как вот рассказывают, тетка рассказывала, и как вот в этой в книжке-то — вот они мне дали...²

Этот рассказ переключается с одним из нарративов на экскурсию, которую нам провела одна из послушниц: «На месте монастыря была “артель”, ее разоблачили и разогнали. Непонятно куда делись 500 сестер»³. Собеседница отдельно просила нас задавать вопросы об этом периоде истории монастыря. Вероятно, монахини стали работницами артели после 1917 года.

¹ Синий камень — камень ледникового происхождения, расположенный на берегу Плещеева озера. При намокании приобретает синий оттенок. Нарративы о камне чаще всего включают в себя упоминание чудодейственной силы камня (исцеление, исполнение желаний) и описания вернакулярных практик (кормление камня молоком, «заряжание» вещей у камня и т. д.).

² Инф. 3, ж., 1949, пенсионерка.

³ Полевой дневник от 27.01.2021.

О. В. Кириченко пишет о том, что такое развитие событий было типичным именно для женских монастырей:

Женское монашество вышло к революции в полной боевой готовности, в отличие от большинства мужских монастырей. Не случайно же женские монастыри в большом числе, как могли, держались вплоть до начала 1930-х годов, превратившись в образцовые сельскохозяйственные артели и кооперативы, к которым не было претензий по существу дела у дотошных проверяющих комиссий [Кириченко 2010: 457].

Мы не зафиксировали истории о том, как артель была расформирована, но можно предположить, что это случилось именно в 1930-е годы.

ВОИНСКИЕ ЧАСТИ

В советское время в зданиях Феодоровского и Данилова монастыря помещались воинские части. Несмотря на предполагаемую закрытость военного пространства, горожане — преимущественно дети — все же попадали внутрь. Воспоминания наших собеседников о воинских частях относятся к их детству, то есть к 1950-м годам. На сайте Данилова монастыря также указан этот период, правда, без конкретной даты образования и расформирования военного объекта: «В 1923 году Свято-Троицкий монастырь был закрыт. В советское время на его территории размещалась машиннотракторная станция, воинская часть, заготовительная контора»⁴. Нашим собеседникам запомнились именно склады военной базы.

Феодоровский монастырь

1. Здесь была воинская часть, был магазин. Нас солдаты пропускали через проходную. <...> [А солдаты вас пропускали зачем? Чтобы в магазин?] В магазин сходить, да. Тут же пло... ну, бедно жили-то: ни масла не было, ни колбасы не было. А военных-то обслуживали — здесь же все, все продукты все были. Вот даже в каком вот... Вот где это вот... как вотходишь — здание, а тут вот рядом... магазин тут вот был рядом. [И прямо можно было покупать?] Да. [А родители ваши... ну, то есть, в смысле, они детей пропускали, в основном?] Ну, как же... Конечно, детей. Остальные-то все по пропускам, а это вот... Дяденька скалится — значит, нас впустит в магазин. [А что покупали?] Масло, колбасу — что там... здесь же не было⁵.

2. Значит, я здесь не был лет тридцать. Здесь многое изменилось. Тут же, когда я бывал здесь, здесь были, можно сказать, развалено все — все было заколочено, забито. Здесь помещалась одно время, значит, перед войной и после войны, воинская часть стояла⁶.

3. [А вот вы не знаете, что на месте Феодоровского монастыря раньше было? Вот до того, как его восстановили, что было в советские годы? Что с ним происходило вообще, с этим местом?] Это... как этот называется, воинская часть держала здесь лошадей⁷.

⁴ <https://p-danilov.ru/%d0%b8%d1%81%d1%82%d0%bc%d1%80%d0%b8%d1%8f-%d0%bc%d0%bc%d0%bd%d0%b0%d1%81%d1%82%d1%8b%d1%80%d1%8f/>

⁵ Инф. 3, ж., 1949, пенсионерка.

⁶ Инф. 1, м., 1945, пенсионер.

⁷ Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

Илл. 1. Участники экспедиции в трапезной. Фото: Яна Поцелуйко

Даниловский монастырь

1. Вот в Даниловском монастыре тоже воинская часть базировала свои склады⁸.

Собеседник 1945 года рождения, рассказывая о зданиях, построенных пленными немцами, упоминает и о том, что те жили в Даниловом монастыре:

2. Вот, где Народная площадь, там, значит, где мэрия, рядом с мэрией такое здание красивое — его построили, между прочим, пленные немцы в 30-е годы. [Здание мэрии, да?] В послевоенное время. [Вообще много пленные немцы строили в городе?] Ну, они в основном вот Дом культуры построили. Потом я застал, мне было не знаю сколько, года три — их отсюда убрали где-то году в [19]49-м, это мне, значит, где-то было, наверное, три года, если [19]48, они на нашей Октябрьской улице вырыли колодец. И я вот зрительно помню, как я подходил к ним. В моем представлении немцы или кто там был — только потом я узнал, что это немцы рыли. Вот. И я помню, что я подходил к ним, так сказать, чего-то, может, и разговаривал или не разговаривал — я этого не помню, потому что был слишком мал «...» [А к этим немцам как относились в городе?] Ну, я этого не помню. Это лучше... [Ну, по рассказам, может.] Это лучше сказать... Сейчас, наверное, никто этого не помнит, потому что они... У них в основном было в Даниловском монастыре, их содержали, немцев⁹.

Туризм

После того как воинская часть была расформирована, на территории Феодоровского женского монастыря были организованы туристическое бюро и туристическая база. Так о них говорится в путеводителе И. Б. Пуришева, изданном в 1989 году: «На протяжении последних десяти с лишним лет здания бывшего Федоровского монастыря использовались переславской турбазой. Здесь размещались туристские группы, отсюда начинались экскурсии по городу» [Пуришев 1989: 198]. Наши

⁸ Инф. 4, ж., 1974, работница культуры.

⁹ Инф. 1, м., 1945, пенсионер.

собеседники упоминали как собственные поездки через турбюро, так и туристов, посещавших Переславль.

1. Потом, значит, стояла... Экскурсбюро здесь было, помещалось. Вот я на экскурсбюро, когда был здесь, я приходил сюда — здесь какие-то семинары были, проводились, и здесь комплектовались экскурсионные группы и подавали заявки на поездки, автобусы заказывались через них, и на Москву — ездили в Москву. Типа театра, типа, значит, музея, а под это дело закупались в магазинах. В то время-то сложно было с продовольствием — вот все близлежащие области, все использовали, ездили в Москву в основном за продуктами. Владимирская область, Калининская область, сейчас Тверская, Ивановская область, Костромская область, Ярославская — все туда. [Вот это экскурсбюро прям на территории монастыря?] Да, здесь оно размещалось. [А в каком из зданий?] Ой, я сейчас не скажу. Где-то вот здесь вот... Мы так, как я шел — где-то тут у них, я поднимался по какой-то лесенке к ним, вверх куда-то, на второй этаж. Там такой закуток какой-то был. Там несколько, наверное, с десятка экскурсоводов было. [Прилично.] Вот. Да. Ну, автобусов много было — ездили каждый день на неделе почти. Да не почти, а каждую неделю. [Каждый день, да?] Один-два автобуса точно ходили. Все предприятия заказывали, школы заказывали, учителя. Вот. Организации другие. И каждый, особенно наплыв был перед праздниками. [При этом сам монастырь был в достаточно таком разрушенном состоянии, да?] Ну, не скажу, что... Требовал реставрации, церкви, все эти, значит, часовни, все купола все в разные цвета окрашены. А конечно. Сейчас, конечно, он все в праздничном виде. Сейчас смотришь — тогда все облупленные были, облезлые, штукатурка осыпанная, окна забитые или разбитые. Вот. Все было¹⁰.

2. Там не было, там же не было, там монастыря не было. Там была какая-то база туристическая. Там была столовая, где кормили туристов, и были какие-то автобусы. Но я не помню точно, потому что это детские воспоминания, но это точно. Там написано было — «Турист», это кафе было. То есть, монастырь, монастырь — это был так закрытый, где-то забитые досками окна, то есть, это все закрыто¹¹.

Одной из точек притяжения для туристов был Горицкий монастырь. Это связано с его историей: в 1744 году он перестал функционировать как монастырь, а в 1919-м обрел статус музея. Это не могло не повлиять на восприятие: наши собеседники называют его в списке прочих монастырей, но говорят о нем только как о музее.

Дальше — Горицкий монастырь, значит, историко-художественный музей. И там епархия в свое время когда-то была, центральная, так сказать. Вот. [В Горицком, да?] Да. В [19]19 году только там образовался музей¹².

МОНАСТЫРЬ КАК ДЕКОРАЦИЯ

И. Б. Пуришев пишет о реставрации Никитского монастыря, заканчивая главу о нем рассказом о состоянии зданий на момент написания книги: «Древние здания Никитского монастыря производят сейчас грустное впечатление. Большинство из них никак не используется и не охраняется, а это ведет к неизбежному разрушению. Не раз делались попытки передать ансамбль какому-либо ведомству или учреждению, но все они кончались безрезультатно. Сейчас вновь ведется обсуждение дальнейшей судьбы

¹⁰ Инф. 1, м., 1945, пенсионер.

¹¹ Инф. 2, м., 1964, работник сферы туризма.

¹² Инф.1, м., 1945, пенсионер.

монастыря, хочется верить, что этот вопрос наконец-то будет решен» [Пуришев 1989: 153]. Вероятно, Никитский монастырь не был точкой притяжения ни для городских структур, ни для детей в силу своей удаленности от центра (он расположен на северной окраине города). Тем не менее единственный нарратив, связанный с ним, демонстрирует яркое воспоминание из жизни нашего собеседника и заодно показывает важность локуса для культуры.

В Никитском монастыре выступал перед перестройкой или в начале перестройки Караченцов, приезжал в Никитский монастырь с артистами — они выступали, давали концерт «"Юнона" и "Авось"». В этом, прям под открытым небом [нрзб.] небом. Приезжал. [А там как-то сцена была построена или...] Да, там как-то машины были состыкованы, на машинах была типа импровизация, сцена, и выступали они там. Народу был полный... [Вы ходили, да?] Да. Ну, так а там как же не пойти — такое событие и такая рок-опера. В то время тем более Караченцов пел. Вот. Он же пел — слезу прошибал. Там люди стояли, чуть не плакали. Потом в этом, в районе Никитского монастыря снимался фильм «Коммунист», и на Кухмаре, если вы помните такое название. [Вот фильм, к сожалению, не видела...] Урбанский играл, такой артист Урбанский — «Чистое небо» если смотрели... [Вот Урбанского знаю, да.] Ну вот он снимал, как раз он играл коммуниста, и две серии. И потом как бы его сын, что ли, был, еще продолжение было фильма. Вот снималось оно. И снимался здесь «Емельян Пугачев» и «Новый мир». Это, «Война и мир». [Тоже где-то в районе Никитского?] У Никитского монастыря. У Никитского монастыря были построены макеты Москвы — пожар Москвы снимался. И «Емельян Пугачев» — здесь было поле, значит, были поставлены копны, стожки этих, зерновых, ну... [Снопы такие, да.] Рожь, да, снопы. Когда он, если смотрели, там они скачут на конях... [Да-да-да-да.] Эти снопики горят, и вот они скачут. Этот фильм там снимался, да¹³.

ДЕТСКИЕ ПРАКТИКИ

Внимания заслуживают рассказы о детских практиках в пространстве монастырей. Место в этом случае становится лишь площадкой для игр. Можно предположить несколько причин, по которым детей и подростков привлекали монастыри. Во-первых, интерес к пространствам монастырей возникает по той причине, что они закрытые, проникновение на их территорию связано с нарушением запретов: как самого учреждения, так и, вероятно, родительских. Во-вторых, несомненно, сыграло роль то, что монастыри — объекты, обладающие знаковым, символическим значением, которое непременно хочется раскрыть и поведать окружающим. При этом отметим, что это нельзя в полной мере назвать *legend-tripping*, о котором говорит М. И. Байдуж в контексте практики посещения заброшенных зданий:

Феномен включает в себя прежде всего подростковые, но не только, практики посещения мест, известных по локальным легендам как опасные: связанные с обитающими там мифологическими персонажами или с более абстрактными и непсонифицированными угрозами, а также произошедшими здесь ужасающими происшествиями, например убийствами [Байдуж 2018: 46].

Вопреки ожиданиям наши собеседники не рассказывали о легендах и страхах, связанных с проникновением на запретную территорию, а лишь делились воспоминаниями об играх. Можно привести два вероятных

¹³ Инф. 1, м., 1945, пенсионер.

Илл. 2. Туристический автобус у ворот Феодоровского монастыря.
Фото: Арина Куприянова

объяснения этому. Во-первых, основой для подобных легенд обычно становятся места заброшенные, уже лишенные какой-либо функциональности. При этом внутри монастырских стен жизнь шла и в советское время. Они не переставали быть функциональными, хотя направление работы, несомненно, изменялось. Во-вторых, монастыри вписаны в городской текст Переславля-Залесского. Они не выделяются из этого пространства, следовательно, не могут становиться основой для осмысления в виде легенд.

1. [А вы говорили еще, что вот на месте монастыря ничего не было, да, то есть ну в смысле...] Здесь все разрушенное было. [Вы здесь играли в игры какие-то, да?] Здесь да, играли в игры¹⁴.

2. Но потом я узнала от жителей, что здесь вообще вокруг храма Федоровского нашего собора, здесь были одни могилы. В детстве дети в прятки играли. Поэтому как бы ходишь тут и думаешь: «Ходишь по костям»¹⁵.

3. [Где еще любили проводить время в дружеской компании?] Монастыри, на самом деле, монастыри. [Монастыри?] Да. Мы в детстве все монастыри здесь, все подвалы, все эти колокольни, все чердаки, все... [То есть, все открыто было?] Нет. Все было закрыто. Но там же, мы же под стены могли лазать, мы же дети. Мы могли где-то там перезалезть и спокойно. [А расскажите, какие монастыри, куда забирались?] Да все: Даниловский, Федоровский, Никитский — меньше всего, но там это далеко от нас было. Наши вот: Федоровский, Даниловский, вот там все. Все знали. [Расскажите про этот Федоровский монастырь.] Вот это — Федоровский. [Вот девочки там пытались погулять, но им сказали, что без благословения нельзя...] А вы зна... Там не было, там же не было, там монастырь не было <...> То есть мона-

¹⁴ Инф. 3, ж., 1949, пенсионерка.

¹⁵ Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

стырь, монастырь — это был так закрытый, где-то забытые досками окна, то есть это все закрыто. Там вот, в Даниловском, был склад... склад гражданской обороны. Противогазы, какие-то средства против ожогов, я не помню, но вот эти пузырьочки там, баночки, ну куча противогазов. Потому что мы на эти склады попадали... ну, через какие-то там дырки. Там стены... ну, видимо, до нас кто-то тоже залезал, стена, ведь пробивали дырку, чтобы можно пролезть. Я не знаю, как они пробивали, чем. Ну, в общем, мы пытались все это тоже. Вот в эти все ходы лазили. Интересно было. Ну, в общем, вот такое. [А Феодоровский — получается, там была какая-то часть забытая?] В Федоровском? [Да, да, да.] Да. По-любому весь монастырь был закрыт. То есть на территории монастыря была эта база, а сам монастырь, сами эти вот храмы, это все было закрыто. Но в подвалы все равно как-то попадали мы, я не помню, там окно какое-то откроет кто-то. Мы придем, а окно открыто, в подвал залезем. [А что там было в подвале?] Да, в общем-то, ничего. Там интересно — строения, вот эти своды, ходишь по этим подвалам. Ну, воспоминания — детские, там все же как-то страшно еще. [Еще бы!] Это все еще щекочет нервы, да. А потом, а не было фонарей, как сейчас, да, чтоб там все осветить, надо было... [Свечами светили?] Нет, либо факел какой-то делали: там тряпку наматываешь, чем-то его там пропитаешь, но что-то вот такое было, было вот такое. Чтоб яркого света не было, это все перед собой освещали. [Жуть какая!] Ну да. [А не рассказывали какие-нибудь страшные истории, что вот там кто-то в монастырь пошел, залез?] Нет, ну, такие не рассказывали. Но, в общем-то, все равно... жили, этим жили. Там страшные истории — это не сейчас, да. Вот, если посмотреть Данилов монастырь, вот роспись на потолке — там, ну, это детский лепет, если уж говорить. Там показывают, как черти, ну, там Преисподняя такая, значит, черти варят кого-то в котле в этом. Ну... раньше было страшно. Сейчас такие ужастики рисуют, что, в общем-то, ты смотришь и думаешь: как этого можно вообще бояться было? Кого мы хотим напугать этим? [А боялись раньше, страшно было, нет?] Вопрос религии — он не стоял так¹⁶.

Последний рассказ наиболее приближен к идее *legend-tripping*: собеседник говорит о том, что дети приходили туда в том числе за страхом. Но при этом не происходило формирования конкретных легенд о монастырских территориях.

МОНАСТЫРЬ КАК ПОГРАНИЧНАЯ ТЕРРИТОРИЯ

На момент написания работы Феодоровский, Никитский, Никольский и Данилов являются действующими монастырями, Горичский Успенский монастырь остается музеем. Можно было бы предположить, что многообразие ролей, выполняемых монастырскими пространствами, сузилось до одного варианта, но это не так. Монастыри остаются точками притяжения для мирян не только как сакральные объекты, хотя это, безусловно, наиболее очевидная роль монастыря.

Еще в конце 1960-х Переславль-Залесский был включен в туристический маршрут «Золотое кольцо России». Это обеспечивает приток туристов в город и по сей день: по данным, опубликованным на сайте администрации Переславля, в 2015 году город посетили более 367 тысяч человек¹⁷. Монастыри привлекают внимание как паломников, так и светских туристов.

В этих условиях монастыри оказываются в двойственном, пограничном положении: с одной стороны, они остаются религиозными учреждениями, с другой стороны оказываются вынуждены постепенно открываться миру и

¹⁶ Инф. 2, м., 1964, работник сферы туризма.

¹⁷ https://admpereslavl.ru/userfiles/documents/pos.03-0220_16__29.02.2016.DOCX

выстраивать коммуникацию с ним: как личную, так и дистанционную. Так, Феодоровский монастырь активно ведет аккаунты в соцсетях: регулярно выкладываются новые посты и видеоролики, появляются комментарии. Но монастырь стремится к открытой коммуникации не только в онлайн-пространстве. Здесь будет уместно привести цитату из интервью с одной из послушниц.

И вот текущая цель развития монастырской территории заключается в том, чтобы сделать какие-то локальные, локализовать сестринскую зону, сестринскую часть, при этом у нас есть два, как минимум два фактора неперенных, которые обязывают нас оставить открытым монастырь. Во-первых, здесь храмы, здесь богослужения, и люди должны на эти богослужения попадать. [Конечно.] Прихожане. Во-вторых, мы памятник федерального, федеральной... Ну вообще комплекс зданий монастыря — это федеральная собственность, и мы не имеем права полностью закрыть монастырь, какая-то часть должна быть открыта для просмотра, для знакомства любого гражданина. Вот панк приехал, байкер приехал, пятидесятник, буддист. Он имеет право как гражданин Российской Федерации увидеть памятник. [А иностранные граждане?] Ну пусть тоже приходят. [Смеется]. На самом деле это законодательно обусловлено, то есть мы это тоже должны учитывать. Поэтому мы сейчас продумали такой. Мы вначале сели вместе с матушкой и несколько старших сестер, меня тоже позвали как человека, который занимается всеми реставрационными моментами, вот. И у меня была такая речь к матушке. Матушка, смотрите. Мы на дороге, мы в городе, все равно к нам будут приезжать паломники к Андрониковской (вероятно, имеется в виду Андрониковская икона Божьей Матери — А. К., Д. А., Я. П.) и так далее. И у нас есть два пути, две альтернативы: первая — сделать вид, что мы в домике, вообще никого не замечать и, так сказать, это самое. Но это чревато, если мы не контролируем ситуацию, мы ею не управляем, мы просто спрятались, у нас остается только возможность реагировать, тогда ситуация будет управлять нами, а мы будем на нее как-то реагировать. Это чревато на самом деле очень плохими последствиями, потому что это будут тогда как бывают. <...> Ну то есть как бы такая вот мы здесь спрятались, а вы там сами по себе как хотите. В итоге поняли, что нам нужно формировать такие отношения с миром, когда у нас были бы возможности этим процессом управлять, то есть формировать инструменты управления вот этой коммуникацией. И у нас, с одной стороны, есть некий перспективный план развития монастырской территории с учетом зонирования, то есть мы выделим те зоны, которые мы хотим обособить совсем, и они совсем сестринские, и туда не попадает никто, даже послушание и трапезные сестринские отдельно. Есть отдельная у нас зона храмовая, которая общедоступная и так далее, и еще она храмовая и у нас чисто территориально, например матушка предложила сделать музей монастырский в подклете собора. <...> И третью зону, которую мы для себя определили — некая зона гостеприимства — часть от въезда в монастырь до монастырской стены, там, где странноприимный дом, вот этот вот скверик и так далее. Там действительно есть уже более системный план застройки, опять же это связано с проблемами охранной зоны, то есть там очень узкая полоска, где можно что-либо сделать, но это ладно, что-то строить, и это некая буферная зона, которая, с одной стороны, гостеприимная, то есть есть люди, которые и хотели бы, допустим, зайти в монастырь, но боятся: вдруг я там не так одета, вдруг я как-то не так перекрещусь. И вот эта зона гостеприимства, где там будет кофейня, какой-то интересный скверик, удобная навигация симпатичная, удобный вход, освещенный вход, потому что если вы вечером были там, то вы видели... Точнее, не видели. [Практически да.] [Смеется.] Практически ничего не видели. Да, вот эту часть, чтобы она была неким таким, с одной стороны, она бы отсекала совсем праздношатающихся, потому что хоть сейчас это все снивелировалось, но раньше у нас был период, когда к нам заходила молодежь такая, без тормозов. Там, условно говоря, усесться на

Илл. 3. Собор Феодора Стратилата. Могилы монахинь. Фото: Арина Куприянова

лужайке под крестом поклонным, там что-то разложить и общаться и там плеер слушать... То есть у них было такое ощущение, что они в парк пришли. [*Смеется.*] И мы, естественно, старались... Ну или там у нас часто пленэры тут бывают, художники. Стоят там девчонки, в таких шортиках или ребята, им жарко, тот футболку снял, стоит значит с голым торсом, молодые тоже сестры... Ну, это не полагается. Ну, как объяснить... Мы, естественно, стараемся очень деликатно. Но для нас одно из самых важных действий с точки зрения перспективного развития монастыря, ну я бы такую формулировку не использовала, я бы сказала, с точки зрения формирования социокультурной среды вокруг монастыря, может быть, еще более точно можно определить, но пока вот так оно у нас формулируется. Это как раз наша проектная деятельность, потому что оказалось, что она гораздо мощнее работает на формирование вот этой среды, чем вот, собственно, выкладывание стеночек, да, из камушков [*смеется*]¹⁸.

Пространство внутри монастыря зонировано на внешнее, предназначенное для мирян, и внутреннее, куда есть доступ только сестрам, трудницам и другим людям, связанным с монастырем. Эмиль Дюркгейм пишет о разделении сакрального и профанного пространства так: «Во-первых, религиозная жизнь и профанная жизнь не могут сосуществовать в одном пространстве. Чтобы первая могла возникнуть, необходимо подготовить для нее такое место, из которого вторая была бы исключена. Так возникают институты храмов и святилищ: отдельное пространство, предназначенное для сакральных вещей и существ, служащее местом их нахождения, потому что они могут утвердиться, лишь целиком подчинив себе

¹⁸ Инф. 5, ж., 1974, послушница Феодоровского женского монастыря.

определенную область» [Дюркгейм 2018: 523]. Как видно из наших материалов, эта идея одновременно подтверждается и не подтверждается в случае Феодоровского монастыря: часть предполагаемого сакрального («внешняя» территория монастыря) пространства намеренно обращена к мирянам, не переставая при этом быть сакральной: на это указывает комплекс запретов. Но «внутренний» монастырь действительно не стремится перейти эту границу, отгораживаясь от мирского и не пуская его внутрь себя. Способом перехода этой черты служит благословение настоятельницы монастыря.

Мы как исследователи находились в пограничной ситуации: с одной стороны, женская часть экспедиции проживала в паломнической гостинице, а питались мы в монастырской трапезной; оба помещения не предназначены для внешних посетителей. С другой стороны, когда мы зашли за одну из табличек, расставленных на территории монастыря, одна из монахинь не дала нам пройти дальше, аргументируя это тем, что вход туда запрещается без благословения игуменьи. Но в последний день нам провели экскурсию по внутренним пространствам: «В последний день сходили-таки по тайным местам <...> Были в подвале, в склепе (только смелейшие), в башне. Посмотрели на хранение солений, изготовление свечей и что-то еще (?)» [полевой дневник от 31.01.2021]. Несмотря на кратковременность нашего включения в жизнь монастыря, насельницы воспринимали нас не как мирян-туристов.

Невоцерковленные жители города оценивают монастырь с точки зрения канонов светских учреждений. Так, одна из наших собеседниц на упоминание Феодоровского монастыря сразу заговорила о еде:

А Федоровский — это на въезде монастырь. [Да-да-да, мы там живем сейчас.] А, пирожки там плохие, да. [Плохие, да?] Да. Вот хорошие пирожки в Никольском. А мы смеемся, потому что Федоровский — это женский монастырь, видимо, ссылают не тех. Кто пирожки печь не умеет. У них правда плохие пироги, не берем никогда. А в Никольском хорошие¹⁹.

Тобиас Холцленер, говоря о государственных границах, упоминает как разделяющую, так и соединяющую функцию: «Границы разделяют и в то же самое время соединяют людей и предметы потребления друг с другом, часто в очень материальной и телесной форме. Границы — это гибридные объекты. С одной стороны они представляют собой социальные и культурные конструкции, которые выражены через символические характеристики; с другой стороны, они являются также вполне материальными объектами, включающими в себя предметы потребления, тела и экологические системы» [Холцленер 2009: 103]. Эти тезисы кажутся нам верными и в отношении границы «сакральное — профанное» в случае монастыря и города: материальной границей служат монастырские стены, «пограничниками» — насельницы монастыря, вовлеченные в коммуникацию с прихожанами. При этом граница, как физическая, так и символическая, безусловно, проницаема, что способствует сближению двух миров, но все же никогда не становится полностью прозрачной.

¹⁹ Инф. 9., ж., 1963, работница культуры.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

Стоит отдельно упомянуть о паломнических поездках. В них часто совмещаются несколько мест для посещения: за один день паломники успевают посетить и село Годеново, где расположен чудотворный крест²⁰, и Переславль-Залесский. Очевидно, что в формате однодневной поездки невозможно попасть во все монастыри города, поэтому предпочтение в таких турах отдается двум: Никитскому и Никольскому. Так этот выбор комментируется на сайте одной из паломнических служб:

Здесь мы посетим один из древнейших монастырей на территории России, основанный в 1010 году святым благоверным князем Борисом — Никитский Переславский мужской монастырь. Здесь можно будет приложиться к мощам преподобного Никиты Столпника и его веригам, посетить часовню Столп на месте его подвигов, а также окунуться в чудотворном источнике, выкопанном преподобным Никитой в XII веке. Ну и в завершение мы посетим один из самых красивых монастырей Переславля-Залесского, Никольский женский монастырь. Именно сюда в XVII веке был принесен Корсунский Крест князя Владимира, изготовленный в Херсонесе после Крещения Руси. Здесь Вы также сможете приложиться к мощам преподобного Корнилия Переславского и благоверного князя Андрея Смоленского. Здесь же хранится икона с частицей мощей святителя Луки Крымского, и его личные вещи — ведь именно здесь, в Переславле-Залесском, он возглавлял земскую больницу с 1910 по 1917 год²¹.

Это рекламное сообщение фокусируется на сакральных объектах, статус которых определяет значимость монастыря для паломника: мощах и иконах, к которым можно приложиться, а также на святых источниках, обеспечивающих «прямой контакт с благодатью, ради которой и совершается путешествие» [Кормина 2019: 97]. Феодоровский монастырь периодически включают в маршруты автобусных паломничеств, добавляя его к двум другим монастырям или заменяя им Никольский. Для паломников он интересен прежде всего чудотворной «Андрониковской» иконой Божьей Матери. Люди, приходящие к ней, оставляют записки с просьбами о помощи. Она же привлекает и местных жителей. Мы записали две истории о чудесном исцелении.

1. В нашем монастыре наша икона «Андрониковская» — это же замечательная икона, которая помогает. Она нам тоже во многом помогала. Сколько? 11 лет назад моему мужу делали операцию. Мы здесь ходили всей семьей: сын, внуки. Ходили каждый день и молились «Андрониковской». Потому что ситуация была очень тяжелая, у него там гнойный был это... желчный. Ну, спасали его. Ну, спасли. Слава Богу. Я думаю, благодаря молитвам иконы Божьей Матери. Ну, и ходим к иконе, просим. Часто помогает. Если просишь от всей души, то и помогает²².

2. [Просто говорят, что чудодейственная вот эта «Андрониковская» икона.] Она да. Она и спасает меня. Хранит пока, слава Богу. [А есть какие-то прям случаи, что вот человек обратился к этой иконе и потом...] Да вот... [...исцелился там.] ...приезжают очень много народу. Вот человек вот в аварию попал, вот они вот недавно приезжали. Сын, папа, жена у него еще. И мать [нрзб.] вчетвером приезжали. На голове травма большая, ну, после аварии. Рука вообще парализована. Вот они уже при мне раз третий приезжают и благодарят, что у них сын выжил. Из реанимации

²⁰ Сакральному статусу Годеновского креста посвящена статья А. Б. Мороза и Э. С. Семивраговой [2021].

²¹ <https://www.makovec-ps.ru/poezdki/godenovo/>

²² Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

после такой аварии большой. И вот всегда вот мне денег же не жалеют, там раз, то пятьсот, то тысячу дадут. Приезжают всегда вот, не знаю, на эти выходные приедут, не приедут. [То есть каждую неделю, да?] Ну, может быть, раз в две недели, а то, может быть, и в три. Часто их вижу, в общем. Тут много кто часто приезжает. Вот кольца там висят вот эти вот. Кому помогают, там они сразу благодарят ее, Божию Матерь, и вот... Золотые кольца там, крестики, что там еще там? Цепочки какие-то там они вешают же. Это благодарение за то, что Матерь Божья помогла. Кто-то семейные вопросы какие-то даже вот. Очень много семей приезжает. Я много раз вижу все вот это вот, как его, к Матушке приезжают они. И благодарят ее, что она так хорошо помогает, что в семье разлада нету²³.

В один из дней мы тоже встретили паломников в храме: «В то время, когда НВ уже ушел, у иконы Божьей Матери выстроилась очередь из прихожан. Они были скорее похожи на тех, кто только что вышел из туристического автобуса, а не на тех, кто часто посещает церковь. Женщин 10 человек и ребенок — девочка лет пяти» [полевой дневник от 27.01.2021]. Эту группу действительно интересовала икона, а не происходившая в тот момент служба: приложившись к «Андрониковской» иконе, которая, по-видимому, была целью посещения монастыря, они быстро покинули церковь.

МОНАСТЫРЬ КАК ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО АКТИВИЗМА

Феодоровский монастырь реализует проект «Миссия — врач». Этот проект направлен на восстановление комплекса земской больницы, где в начале XX века работал В. Ф. Войно-Ясенецкий (святитель Лука), на обучение сестер милосердия и в том числе на проведение культурных мероприятий.

Бездомный, у которого мы брали интервью, посещает все монастыри города, но милостыню просит именно рядом с Феодоровским: по благословению игумены.

Мне даже здесь запрещают с монашками разговаривать. Нельзя разговаривать. [Потому что женщины?] Ну да. Что я их якобы, кого-то искушаю. Это смешно, это же, блин... Если она приняла этот, свою дорогу, пусть она живет этот... [У каждого монастыря свои правила, получается.] Ну да. Ну, они меня смиряют, типа того, что я же... да ладно, мне все... [Но так они не возражают из-за того, что вы здесь сидите?] Они наоборот мне разрешили. Матушка мне разрешила. Потому что, ну, у меня такая беда, что я буду делать? Меня уже тут все знают, сколько прихожан тут знает, москвичей приезжает²⁴.

В этом нарративе можно увидеть проявление той самой границы: с одной стороны, монастырь помогает ему, с другой — требует соблюдения специфических правил, характерных для религиозного учреждения.

Послушница Феодоровского монастыря немного упоминала и о социальной роли Никитского монастыря:

А Никитский монастырь у него такое своеобразное служение, мало того, что отец Димитрий восстанавливает все заброшенные, разрушенные храмы в округе, то есть у него приписных храмов, я побоюсь точную цифру назвать, но что-то около ста. Мало того, что заброшенный Никитский монастырь восстановил, так еще и вот эти все храмы. И как бы у него это совпадает, к нему все время прибывает-

²³ Инф. 6, м, 1974, бездомный.

²⁴ Инф. 6, м, 1974, бездомный.

ся народ какой-то такой, десоциализированные дядьки какие-то: бомжи бывшие, наркоманы, алкоголики. Вот и у них там значит тоже, у нас вот трудники, у них свое своеобразие, вот у него целая коммуна такая этих ребят. Где-то неподалеку они там живут, они, собственно, и в стройке помогают и сами перевоспитываются через это дело, но у нас было несколько интересных опытов общения с такими ребятами, Матушка звала их помогать²⁵.

Случается и так, что монастырь становится площадкой для благотворительных инициатив мирян. Так, одна из наших собеседниц ухаживает за могилами сестер, похороненных на территории Феодоровского монастыря.

И когда я начала за мать Нектарьей ухаживать, я раскопала рядом. Там стояли три каких-то памятника, откуда-то люди попривозили с этого. Я раскопала рядом как бы типа могилки, цветы насадила, и как бы думаю, это тем, прежде усопшим. Ну, потом уже там дальше начали хоронить уже... уже нынешние. Вот, а мать Нектарья еще не такая старая была. Она была алтарницей, очень добрая была. Хотя мало я знала. Все равно о ней отзывались очень хорошо. [А почему вы решили ухаживать за ее могилой?] Почему? Моя бабушка, дедушка, так случилось, что они, дочь вышла замуж в Ставропольский край. И когда они, ну, уже в возрасте, как... надо же кому-то ухаживать. И дочь их забрала к себе. Ну, они там ушли в иной мир, похоронены. Пока там еще какие-то родственники были, ухаживали за могилами. Кто-то там еще, моя двоюродная сестра — она служила в этом... Ой, скажу. Скажите, в армии она была? Она это, говорила, кто-то из военных там ездил в отпуск, она давала деньги, чтоб еще там поухаживал. И у меня такая, думаю, даже если я приду к брату на могилу или еще к кому, если рядом неухоженная эта, я думаю, ну, уберу-ка я ее, а вдруг моему дедушке и бабушке кто-то тоже, вот даст Бог, приведет и уберет эту могилочку. Потому что у нас нет возможности поехать. Там у нас уже никого абсолютно нету. Дочка ихняя переехала жить, ее брат забрал ближе к себе. И я решила, что, ну, я поухаживаю за могилами. Даст Бог, дедушка и бабушка... мне обидно²⁶.

Визуальный облик монастыря

О Даниловском и Никольском монастырях наши собеседники упоминали редко. При этом речь заходила о визуальном облике монастырей, который в том числе формирует притягательность для туристов.

1. Даниловский Свято-Троицкий. Ну, то, что в Даниловском — это с ума сойти, я туда всех вожу росписи смотреть. Гурия Никитина. Это просто... Я умираю, когда в русской росписи драконы всякие, змеи семиголовые...²⁷

2. Но там служба идет в надвратном храме Никольском. По-моему, батюшки приезжают с Москвы. А служба там... в воскресенье, по-моему, правда, в три часа дня. А как в субботу, не знаю. Но иногда, я иногда туда захожу, потому что там очень много тоже икон таких очень... ну как... и там монашки. Я встречала. Но я не была там на службе, честно говоря. Когда в Успенском была служба, я бывала. Крестный ход возле монастыря. Николая Угодника в Никольском монастыре. Там тоже бывала. Там тоже очень красиво. Там же был этот, водоем сделали, рыбки такие красивые были. Но сейчас я их не вижу там. Там цветов очень много, ухоженное все у них²⁸.

²⁵ Инф. 5, ж., 1974, послушница Феодоровского женского монастыря.

²⁶ Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

²⁷ Инф. 9, ж., 1963, работница культуры.

²⁸ Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

МОНАСТЫРЬ КАК МУЗЕЙ

Свой статус с советских времен не поменял только Горицкий монастырь. Нарративы наших собеседников позиционируют его скорее как музей, нежели церковное пространство, несмотря на периодически проходящие службы. Таким образом, монастырь переходит ту самую границу сакрального и мирского.

1. И по Горицкому монастырю тоже есть решение о том, чтобы передать его церкви. Даже назначен игумен. Но как сказать, куда надо переселить музей, и вот это вот, куда переселять музей? И, скажем так, вот этот вопрос не решен. Есть площадка в центре города, которую предлагают, но там они предлагают за плату, естественно, областные власти никак не могут этот вопрос отрегулировать. Заплатить. [Тем не менее там же службы проводят?] [Да, они проходят.] [нрзб] Надвратная церковь есть²⁹.

2. Я уже ходила по Горицкому монастырю, кто приезжает. Сестра с Херсона приезжала, мы ее все, водили ее. Дети мои с Украины приезжали, водила туда. Я уже ходила туда, рассказываю им, и уже меня агитировали стать экскурсоводом. Мне там очень нравится вот этот музей, где вот эти старинные иконы. Вы там были? [А как он называется?] Что? [Музей.] Музей? Ну, Горицкий музей вот это. Горицкий монастырь — это же музей. Вот это когда в здание заходишь, где... там заходишь³⁰.

3. А потом я еще очень люблю Горицкий за то, что... мало того, что это крепость, реальная крепость, со всех сторон безумно красивая. Особенно на восходе, он прямо горит красным цветом, фантастика. Там феноменальный музей собран. Феноменальный музей! То, что грабаныли в свое время то, что смогли собрать по окрестностям, они это сохранили. А потом, там сохраненный вот этот вот, если вы помните, иконостас³¹.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение последнего века монастыри оставались точками притяжения для жителей города. Воспоминания о XX веке можно поделить на две категории: рассказы о государственных учреждениях и описания детских игр. После возвращения монастырей РПЦ они продолжили быть агрегаторами внимания горожан и туристов. Некоторые из них особенно стремятся к коммуникации с миром, принимая участие в социальных проектах и создавая среду для паломников и туристов. Все монастыри, кроме музейного Горицкого, являются пограничными пространствами, выступая в роли посредников между сакральным и мирским.

Литература

Байдуж, М. И. (2018). Охота на привидения: практики освоения страшного пространства с точки зрения антропологии и фольклористики. *Фольклор и антропология города*, 1(1), 44–58.

Дубовка, Д. Г. (2020). *В монастырь с миром. В поисках светских корней современной духовности*. СПб: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Дюркгейм, Э. (2018). *Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии*. М.: Элементарные формы.

²⁹ Инф. 7, м., 1964, пенсионер, работник культуры.

³⁰ Инф. 8, ж., 1943, пенсионерка.

³¹ Инф. 9, ж., 1963, работница культуры.

- Кириченко, О. В. (2010). *Женское православное подвижничество в России (XIX в. – середина XX в.)*. М.: Алексеевская пустынь.
- Кормина, Ж. В. (2019). *Паломники: этнографические очерки православного номадизма*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Мороз, А. Б., Семиврагова, Э. С. (2021). Животворящий крест в селе Годеново: между двух сакральных центров и за их пределами. *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, 39(3), 184–208.
- Петров, Н. В., Матвеева, Э. Г., Радченко, Д. А., Байдуж, М. И., Петрова, Н. С., Рычкова, Н. Н. (2019). *Истории людей в цифровом формате: методические рекомендации по сбору и визуализации интервью*. М.: Неолит.
- Пуришев, И. Б. (1989). *Переславль-Залесский. Путеводитель по историческим и архитектурным памятникам*. М.: Советская Россия.
- Савоскул, С. С. (2015). *Мой Переславль. О локальном самосознании личности*. М.: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Холцленер, Т. (2009). Восточная пористость: антропология трансграничной торговли и контактов на российском Дальнем Востоке. *Ойкумена. Регионоведческие исследования*, 3(10), 102–111.

References

- Baiduzh, M. (2018). Ghost hunt: Practices of exploring creepy spaces according to anthropology and folklore studies. *Urban Folklore & Anthropology*, 1(1), 44–58. (In Russian).
- Dubovka, D. (2020). *To the convent in peace: Searching for secular origins of contemporary spirituality*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo Universiteta v Sankt-Peterburge. (In Russian).
- Durkheim, E. (2018). *The elementary forms of religious life: Totemic system in Australia*. Moscow: Elementarnye formy. (In Russian).
- Holzlehner, T. (2009). Eastern porosity: An anthropology of cross-border trade and contact in the Russian Far East. *Oikumena: Regionovedcheskie Issledovaniia*, 3(10), 102–111. (In Russian).
- Kirichenko, O. (2010). *Women's Orthodox asceticism in Russia (in the 19th – mid-20th centuries)*. Moscow: Alexeyeva Pustyn'. (In Russian).
- Kormina, J. (2019). *Pilgrims: Ethnographic sketches of the Orthodox nomadism*. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey Shkoly Ekonomiki. (In Russian).
- Moroz, A. Semivragova, E. (2021). The life-giving cross in the Godenovo village: Between and beyond the two sacred centers. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*, 39(3), 184–208. (In Russian).
- Petrov, N., Matveeva, E., Radchenko, D., Baiduzh, M., Rychkova, N. (2019). *People's stories in digital format: Guidelines for collecting and visualizing interviews*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Purishev, I. (1989). *Pereslavl-Zalessky. A guide to historical and architectural monuments*. Moscow: Sovetskaya Rossiya. (In Russian).
- Savoskul, S. (2015). *My Pereslavl. On the local self-awareness of the individual*. Moscow: Institut Etnologii i Antropologii RAN. (In Russian).

«Жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться»: Никита Петров об индивидуальной памяти человека и проекте «Народная история России»

БЕСЕДА И КОММЕНТАРИИ ЯНЫ ПАВЛИДИ

Для цитирования:

Петров, Н. В. (Автор), Павлиди, Я. И. (Инт.). (2021). «Жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться»: об индивидуальной памяти человека и проекте «Народная история России». *Фольклор и антропология города*, IV(1), 192–201. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-192-201.

Никита Петров — руководитель проекта «Народная история России: перекрестки локальных цивилизаций» (pastandnow.ru), поддержанного Фондом президентских грантов (№ 20–1–036197), старший научный сотрудник Центра изучения фольклора и антропологии города, заведующий Лабораторией теоретической фольклористики ШАГИ ИОН РАНХиГС, доцент Центра типологии и семиотики РГГУ (Москва). В интервью рассказывается о пролегоменах проекта по устной истории, внутренней кухне исследователей и некоторых методологических наработках. Расшифровка интервью подверглась небольшой редакции: были удалены паузы и фальстарты предложений.

“A LIFE YOU’VE BEEN ALLOWED TO BRISKLY TOUCH”: NIKITA PETROV ON INDIVIDUAL MEMORY AND THE PROJECT “THE PEOPLE’S HISTORY OF RUSSIA”

Interview and comments by Yana Pavlidi

TO CITE THIS ARTICLE:

Petrov, N. (Auth.), Pavlidi, Ya. (Int.). (2021). “A LIFE YOU’VE BEEN ALLOWED TO BRISKLY TOUCH: NIKITA PETROV ABOUT INDIVIDUAL MEMORY AND THE PROJECT “THE PEOPLE’S HISTORY OF RUSSIA”. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, IV(1), 192–201. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-192-201

Nikita Petrov leads the project “The People’s History of Russia: Crossroads of Local Civilisations” (pastandnow.ru) that is funded by the Presidential Grant Foundation (# 20–1–036197). He is a Senior Research Fellow at the Center for Urban Folklore and Anthropology Studies, the Head of the Laboratory for Theoretical Studies in Folklore (SASH ISS RANEPa) and an Assistant Professor at the Centre for Typological and Semiotic Folklore Studies (RSUH), Moscow. The interview dwells upon the prolegomenons of an oral history project, the inner workings of the research group and some of the methodological developments. The transcription of the interview involved some editing: pauses and false starts were omitted.

Расскажите о запуске проекта. Как из одной идеи родилась «Народная история России»?

Это не одна идея, а комплекс идей. В одном интервью я рассказывал о том, что основой для этого проекта стала работа фольклориста (см. [Канатова 2021]). Начиная с 1999 года мы ездили в экспедиции, в том числе фольклорно-этнографические: несколько раз с Н. В. Дранниковой, один раз с Ю. А. Новиковым и постоянно (с 2008 года) с А. Б. Морозом. С Андреем Морозом и студентами в экспедициях в основ-

ном работали, собирая интервью по вопросам-программам: «Свадьба», «Похороны», «Насекомые», «Растения», «Зима» и т. д., — вопросов довольно много, и они охватывают практически все аспекты народной культуры¹. Где-то с 2010 года я стал понимать, что люди на самом деле готовы рассказывать не только о темах, входящих в сферы нашего интереса. Отвечая на наши «фольклорные» вопросы, они говорили о своих впечатлениях от места, где живут, о своем месте и роли в истории, о своей биографии и жизни в деревне и в городах; связывали в историях свою частную жизнь с событиями локального, общенационального и мирового масштаба. История становления колхозов, аспекты личной биографии, эмоционально окрашенные нефольклорные истории в этих экспедициях зачастую оказывались за рамками наших исследований, за границами того, что мы расшифровывали. «Как жилось при Ельцине» — это рассказ, который вписывает судьбу человека в историю 1990-х, «как жилось при Горбачеве» — в середину-конец 1980-х. Это такие точки отсчета глобальной истории (на самом деле, не только российской, но и мировой), где человек чувствует себя комфортно, где его путь вписан в эту траекторию, в этот хронологический вектор. И прошлое в таких рассказах не мыслится только как нормативная практика поколений: «А как наши бабушки раньше делали?». Настоящая жизнь и частная устная история находятся где-то между строк фольклорных карточек и при этом остаются за границами официальной исторической науки. Мне на уровне ощущений было обидно терять устные истории людей, хотелось их задокументировать. Документальным источникам часто отдают предпочтение. Есть историки, которые занимаются глобальными и частными событиями. Есть микроистория Карло Гинзбурга, который обращался к документам. Письменный ли дневник, письмо, фотография или записка — все это имеет статус документа. Но то, что при этом остается в головах у владельцев этих документов, находится где-то вне. А ведь это тоже

¹ Программы можно посмотреть на сайте Лаборатории фольклористики РГТУ [<http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/exped.html>].

разнообразная и прекрасная реальность с огромным количеством фактов: от вариантов заточки коньков-канадок, на которых ребенком катался в середине XX века, — до сигарет, купленных в ларьке в 1990-е.

Еще одна точка отсчета была связана с фольклорной картой Москвы, над которой мы работали в 2013–2016 годы вместе с А. Б. Морозом и О. В. Беловой. Мы хотели собрать все, что было связано с фольклорными дефинициями города. Но то, что мы собирали, не всегда укладывалось в понятие «фольклор». Когда мы брали интервью у Вячеслава Всеволодовича Иванова, он говорил о своей жизни и лишь в конце, упомянув юродивого Витюшу, подытожил: «Пожалуй, из фольклора я помню в основном его»: «Ну, больше ничего такого фольклорного я не знаю» [Petrov 2015: 20]. Это меня утвердило в мысли, что то, что мы делаем, — это не только и не столько про фольклор, сколько про жизнь людей, связанную с местом и с осмыслением себя в пространстве здесь и сейчас.

Третья важная вещь — это мои занятия мнемоническими механизмами и антропологией памяти. Мне всегда было интересно, как происходит компрессия информации в головах у людей: почему, например, большие исторические периоды пропускаются как незначимые, а такие маленькие детали, как жевание гудрона, игра в Nintendo, йо-йо или тамагочи в 1990-е годы, запоминаются. Игрушка «уйди-уйди», заточка ножей или старьевщик оказываются триггерами для запуска целой цепочки воспоминаний, которой, к сожалению, не остается места в официальной истории. Вот так постепенно и сформировалась идея, которая сейчас называется «Народная история России».

Мне всегда хотелось записать людей, чьи биографии и чьи впечатления уйдут вместе с ними. Я знаю, как бывает трудно брать интервью у собственных родителей, расспрашивать их. Это редко когда бывает структурированное или даже полуструктурированное интервью, чаще — какие-то отдельные разговоры на 5, 10 или 15 минут, где ты всегда вовлечен в эту историю прошлого. Но при этом, когда ты говоришь папе или маме: «А давай запишем с тобой интервью», — то получаешь примерно следующий ответ: «Ну какое интервью? Что я могу сказать об этой жизни? Кому это нужно?». Поэтому важно, чтобы собирали интервью и расспрашивали люди, скажем, немножко чужие, которым можно было бы что-то рассказать впервые. Это очень похоже на поездные разговоры, когда совершенно незнакомый собеседник выкладывает тебе свои личные переживания. И это, конечно, функция психотерапевта, когда ты невольно становишься соучастствующим и молчаливым проектировщиком воспоминаний о прошлом.

И еще все это связано с большой географией. Многие из тех, кто приезжает в Москву, живет в ней какое-то время и собирается оставаться, испытывают определенного рода фрустрацию. Потому что люди в столице, например, ходят быстрее, чем обычно, и ты еще не до конца понимаешь, как ориентироваться, поэтому первое время можешь быть подавлен, пытаешься понять окружающее пространство. Людей очень много, и все они разные. Москва может быть одновременно теплым уютным городом и холодным непонятным монстром. Мне всегда было интересно понять, кто он такой — настоящий москвич, и что он может рассказать. Что могут рассказать люди, приезжающие в Москву, какие интеграционные тексты они создают, чтобы лучше адаптироваться. И, наконец, мне всегда было важно понять, что рассказывают об этом городе бездомные и мигранты. Именно на соединении всех этих нарративов и получился первый проект, где мы сосредоточились на столице («Историческая память города: общедоступный портал устных

рассказов о Москве»).

Второй проект назывался «Историческая память городов: от столицы к регионам». По сути, это продолжение и экстенсивное расширение первого проекта, но с добавлением одной важной детали. Нам хотелось, чтобы люди на местах, которые занимаются прекрасными вещами, но делают это под лейблом «краеведение», поняли, что это не только краеведение, но еще и особенно значимая для себя и других история, которую можно развивать в разные конфигурации: культурные, исторические, партисипаторные, социальные и т. д. Мы встречались с людьми, которые живут в Нижнем Новгороде, в Выксе (город в Нижегородской области), Иванове, Шуе, Рязани, Луховицах, и пытались показать, как можно работать с интервью и с живой памятью. Это, конечно, еще и социальная история, потому что на местах мы познакомились с местными актерами локальной истории, которые создавали и создают невероятно талантливые события: библиотекарь и культурный проектировщик Анна Медведева, замечательный экскурсовод и создатель музея Ирина Маслова, Людмила Синюткина, которая занималась городскими легендами. В других городах после поездок и лекций появлялись разные проекты, открывались музеи и выставки — люди начали делать потрясающие и важные вещи. Наверное, такая культуртрегерская деятельность отдает «остапобендеровщиной», но она в любом случае приносит свои плоды и результаты, и это очень здорово. Расскажи людям, чем ты занимаешься, — вдруг им это понравится, и тогда ваши векторы, ваши дороги на какой-то момент пересекутся и, может быть, будут потом идти параллельно.

Далее все усложняется, потому что конфигурация тех материалов, которые мы собираем, довольно непростая: это и интервью (коллективное, тандемное), и полевые дневники — наблюдения самих собирателей, которые они в той или иной степени фиксируют. «Народная история России» нацелена, с одной стороны, на понимание того, как устроен нарратив, как устроен человек и как устроена коммуникация. С другой — это социальная история, и здесь мне хочется верить, что когда-нибудь по этой базе данных можно будет восстановить и написать множество симпатичных работ, которые я бы условно назвал «К вопросу о глубинной памяти» или «Вопросы к русской памяти»: в какой степени наш нарратив зависит от того, кто именно перед нами, и почему, в каких обстоятельствах это все происходит и т. д. Все это фиксируется в полевых дневниках, и, конечно, любой исследователь может этим воспользоваться.

Еще один этап «Народной истории России» — это то, как люди разговаривают о территориях, которые никогда не принадлежали только одному государству, о местах пограничных и трансграничных. Это города между российской и эстонской, литовской, финской, норвежской и другими границами. Мы ездили на пограничье от Северо-Запада и до Юга (украинская, белорусская и русская стороны). Общение с людьми, проживающими там, — это потрясающий опыт, после которого возникает ощущение, что государство существует в качестве внешних границ, потому что люди мыслят себя совершенно по-другому. Они находят самые разные способы, чтобы сломать административные препоны, которые мешают им жить на своих территориях, в собственных лакунах и анклавах. Вот те базовые точки отсчета — концептуальные, географические и личные, которые позволили проекту начаться.

Вы сказали, что достаточно трудно брать интервью у своих близких. А что происходит в ситуации, в которой собиратель берет интервью в родном городе и в какой-то момент сам превращается в рассказчика?

Это тоже довольно сложная история. По идее, если я позиционирую себя как социальный антрополог, то я хорошо понимаю, что имею определенное влияние на конкретное интервью. Поэтому моя задача либо молчать, либо превращаться в полноценного собеседника и рассказчика — и превращать это в объект постоянной рефлексии. Интервью у нас очень разные: кто-то просто задает ряд вопросов и получает на них ответы, а кто-то ведет абсолютно полноценную беседу, в которой не разделить интервьюера и рассказчика. Некоторые интервьюеры больше рассказывают, чем слушают, другие умеют слушать и молчать. Это уже больше социальная сторона вопроса, нежели научная, она показывает, как важно уметь говорить и как важно уметь слушать — и тому, и другому. Если мы говорим об интервьюировании людей, с которыми были долгие взаимоотношения и которых мы любим, то здесь могут быть разные траектории. Некоторые люди могут обижаться, если это, например, отношения «учитель — ученик»: «Это же я должна брать у вас интервью, а не вы у меня». Если это бывшие одноклассники или однокурсники, с которыми вы вместе ударяетесь в воспоминания детства, но при этом рядом с вами находится диктофон, то все эти воспоминания в расшифровке превращаются в бессвязный набор отрывочных текстов. И здесь вы делились все-таки впечатлениями, а не историями. Поэтому должна быть дистанция, либо временная, либо возрастная. Или человек должен очень хорошо понимать цель своего рассказа. Если человек это понимает в первый момент своего рассказа, а потом забывает и просто начинает общаться, тогда интервью складывается.

Первое, что видишь, когда заходишь на сайт - карта с различными точками на ней. С деревней и городом понятно: там можно найти нужное место. А как вы поступаете с территорией, поиск координат которой вызывает сложности?

Здесь два варианта, очень простых. Исходя из архитектуры проекта: либо мы находим эту точку и все-таки уточняем место до географических координат, либо ставим какой-то неопределенный квадрат. Ставить полигоны и линии на карте тоже можно. Или же это уходит во второй большой блок, то есть в само интервью, и никак не кодируется и не оформляется. Мы все-таки привязаны к карте, которая дает нам базовое ощущение и основание для разметки территории. Если привязать рассказ к какому-нибудь месту не получается, он все равно никуда не исчезает и просто остается в интервью. В целом есть похожие проекты, где на основании интервью человека выстраивается карта его перемещений, условной миграции от одного региона в другой, от одной точки в другую (см. более подробно [Петров 2021]). Но здесь важны именно сами перемещения. У нас пока такого нет, но сделать таймлайн можно, это будет еще одной важной аналитической процедурой развития — как люди перемещались по России.

Какие рассказчики вам запомнились?

Об этом можно говорить часами. Очень сложно выделить какого-то определенного человека и сказать, что именно он мне запомнился. Безусловно, мне запомнились интервью с Вячеславом Всеволодовичем Ивановым, потому что это величина и фигура, и в то время я еще не очень понимал, как можно расспрашивать. Это было великолепно, когда он рассказывал

про jardin botanique, про Москву 1930-х годов, про деревянный дом своего папы, про то, как они вместе с братом и гувернанткой-француженкой гуляли по Ботаническому саду. Чудесное интервью было с Николаем Всеволодовичем Котрелевым и с его женой Татьяной Фоминичной. Мы беседовали два раза. Николай Всеволодович сначала долго выпытывал о том, что мы делаем и зачем. Это нормальный, на самом деле, вопрос. Поэтому мне приходилось в самом начале концептуализировать то, зачем мне это нужно и почему я это спрашиваю. И после этого мне открылась какая-то совершенно другая Москва, дореволюционная и раннесоветская, сохранившая в себе немного монархического строя и православного быта, где патриархальный уклад в доме выстраивается так, что оказывается формирующим для личности самого Николая Всеволодовича. Дальше — это и районы города, которых сейчас нет: несуществующая Катуаровка, в которой можно было бегать, жечь шины, играть. По его рассказам можно было буквально представить не только ментальную карту района, но и почти фактологическую карту конкретной территории. Совершенно чудесное было интервью было с Марком Григорьевым, который работает в газете «The Village Нижний Новгород». Марк сам журналист, замечательный молодой парень, который где-то на двадцатой минуте, казалось, просто забыл о том, что у него берут интервью, и начал рассказывать про свое детство, про свой маршрут: дом — детский сад — школа. Дима Четыре, прекрасный нижегородский фотограф и экскурсовод, который тоже поначалу тушевался, но потом понял, что бояться нечего. Про такое мало кто спрашивает, кроме нас, и именно момент слияния собеседников оказывается каким-то эмоционально формирующим, потому что человек тебе рассказывает, и ты вместе с ним идешь по этим местам: заходишь в садик, вместе куришь за школой. Я могу, например, пересказать практически все интервью из города Урюпинска. В Архангельске это интервью с моей классной руководительницей Надеждой Валерьевной Илимурзиной, которая рассказывала не только про Архангельск, а про родную Каменку и процесс становления учителем. И этот ее голос, интонация, личные воспоминания о первой любви — все оказывается теми самыми моментами, когда ты начинаешь любить человека, потому что сейчас ты проживаешь кусочек его жизни, он позволяет тебе это делать, и это невероятное чувство. Сложно выделить одно или два интервью — я могу выделить сто-двести и про каждое из них рассказать. Мы как-то долго работали с интервью Дмитрия Макарова из Выксы, журналиста, который занимается историей Выксунского района (Нижегородская область)². На примере этого текста хорошо видно, что когда ты полностью вычитываешь текст и проникаешься им, то в какой-то момент начинаешь чувствовать себя тем самым рассказчиком, в нашем случае — самим Дмитрием. Это, конечно, апроприация чужих чувств и индивидуальной памяти, и если сейчас меня спросить про места и точки из той беседы, я, наверное, буду излагать версии Дмитрия почти как свои. И только хорошо понимая источники своих знаний, мы понимаем, что между индивидуальной памятью и коммуникативной существует некоторый shift.

На примере проекта можно проследить, как работает человеческая память. Особенно интересно, когда административные границы не совпадают с границами, которые выстраивает сам человек. Когда он рассказывает, например, о поляне, которая была именно на том самом месте, но при этом никакой поляны там никогда не было.

² Интервью размещено на сайте «Народная история России» — см. [https://pastandnow.ru/mdv-001-01].

Да, это потрясающий эффект. Здесь я бы разделил ответ на несколько частей. Первое, это о чем говорите вы, настоящий историк назвал бы искажением. Но мы говорим, что это ментальная проекция, и с этой ментальной проекцией можно работать, понимая, что человек на самом деле сейчас находится не в своих тридцати пяти годах. Он — семилетний мальчишка, для которого именно здесь и существует та самая поляна, дом, речка, заборы, переулки. И нужно говорить про то, что историки, конечно, колонизировали точность факта, хотя на самом деле факт может быть совершенно разным. Это то, что называется или искажениями, или, наоборот, неverified вещами. Особенно интересно, что когда ты о чем-то таком рассказываешь, тебе говорят: «А как это проверить? Нужны документальные источники». И ты долго начинаешь объяснять, что история выстраивается через альтернативные нарративы, которые могут быть разной степени верифицируемости и достоверности. Говоришь о том, что летопись или другой письменный источник настолько же плохо верифицируемы, как и устный рассказ.

Вторая часть тоже классная и связана с первой. Мне бы очень хотелось осуществить еще один проект. Сначала человек рассказывает тебе здесь и сейчас про свое прошлое, про свое детство, про улицы, переулки, различные места. Особенно здорово, если на момент своего рассказа он не находится в описываемом пространстве, и оно далеко от него — 1000 километров, 5000 или 8000 километров, не столь важно. А потом ты берешь и приводишь рассказчика к этим местам, чтобы он, предварительно прочитав свое интервью, еще раз провел тебя по этим точкам. Я почти уверен, что то пространство, которое ему казалось широким, длинным и большим, на самом деле сожмется до очень небольшого пятка. И когда человек начнет понимать работу своей памяти, возникнет момент огромного удивления. Это достаточно стабилизирующая работа, потому что через два-три дня ты вливаешься в это новое пространство и начинаешь лучше осмыслять свои старые воспоминания о нем. И это очень здорово — сводить различные темпоральные и географические разломы в одном каком-то пространстве и времени.

Когда читаешь в интервью о каких-то важных исторических событиях, то понимаешь, что истории людей очень похожи. Если это, например, «лихие 90-е», то тебе рассказывают про дефицит, очереди, криминал. Складывается ощущение, что по этим текстам можно изучать историю целого государства.

Я немного другого мнения. Да, интервью, которые мы собираем, на сайте размечаются по сюжетам: гигиенические практики, детство, школа, здоровье, бездомные, любимые места, взаимоотношения с соседями — сюжетов много. По идее, эти сюжеты выделяются из самих интервью и, возможно, действительно оказываются реперными точками той самой глобальной истории, в которую человек себя вписывает. С другой стороны, мне кажется, настоящее находится где-то дальше, потому что это — экзотизация прошлого. Например, человек рассказывает про «лихие 90-е», про дефицит и большие очереди. Фольклорист бы сказал, что это типичный мотив. Это все просто и хорошо, но мне кажется, это только начало, триггер, и настоящее чуть-чуть дальше. Поэтому человека нужно обязательно расспросить до конца, узнать, где он сам в этой истории. И окажется, что главный вовсе не дефицит, а девяностые воспринимаются совершенно по-разному. Для одних это романтическое время золотого прошлого, детства, когда жевали гудрон и были голодными, но при этом счастливыми. Для других — это

озлобленность или растерянность (если говорить о людях чуть постарше). То есть в реальности это не про моральное отношение к тому или иному времени, а про то, где в это время был сам человек, что он думал и чем жил. И мы понимаем, что это моменты формирования мировоззрения, которое опирается на глобальные точки в истории. Но настоящее все-таки дальше. Настоящее — это способ заточки коньков, на самом деле.

Да, я сейчас поняла, что, когда рассказчик вспоминал про дефицит и талоны, он на самом деле вспоминал про тот самый вкусный торт, за которым стоял в очереди вместе с мамой.

Знаете, есть люди, которые занимаются травматичным советским прошлым, а про это время есть такой мем: «При Сталине был пломбир очень вкусный». Они говорят: «Ну, конечно, был очень вкусный пломбир, но при этом сдобренный кровью». Совершенно понятно, почему пломбир этот был сдобрен кровью. Но вкусный пломбир, порядок в стране, да бог знает что — что угодно — оказывается риторическим обоснованием того, что прошлое для многих рассказчиков из этого мнемонического сообщения было хорошим. И вот тут, безусловно, начинается конфликт идеологических суждений о прошлом и риторик. Но мне кажется, что в этом нет никакой противоречивости: пломбир действительно был для них вкусным, потому что это их детство, это был, возможно, их первый пломбир. Просто это время совпало со временем правления Сталина. Мне очень интересно думать о том, что будет с людьми, которые выросли сейчас, в 2010-е или 2020-е годы: будут ли наши дети, даже дети детей, воспринимать это время как золотое и совершенно замечательное. Мне кажется, что так оно и будет, потому что история идет своим чередом, острые углы сглаживаются, если нет проработки тяжелого наследия прошлого, но это разговор не для нашего интервью.

Конечно же, самые интересные воспоминания — детские. Мы проводили несколько лекций и семинаров для детей и их родителей. Я пытался спросить у них про первые воспоминания, отделив родителей от детей. Удивительно, что дети там были 8–9 лет — они впервые всерьез задумывались о том, что помнят. Такое редко бывает. И первые вещи были, конечно, тактильные: очень многие помнят различные прикосновения, некоторые — побои, нежные поглаживания, руки. Вторыми идут уже какие-то фактурные вещи: запахи, которые преследовали их в детстве, яркие цвета, пятна. И третье — это, конечно, звуки. Вот на совокупности всех этих ощущений и выстраивается какой-то первый образ. Хотя, возможно, это ложная память, которую сформировали у ребенка родители, но мне хочется верить, что человек помнит себя и мир в основном через чувства и эмоции. Я очень люблю одну историю от Николая Котрелева: он купил мороженое и ходил с ним по маршруту, но при этом маршрут его — это не путь, который он прошел ногами, а мороженое, которое он съел по пути. Так определяется и время, и пространство. Или, например, «Олимпиада, данная нам в ощущениях». Наталья Петрова написала про это статью, там тоже совершенно чудесный материал [Петрова 2021]. Олимпиада 80-го года — чем она должна была запомниться? Спортсмены, соревнования? Нет, совершенно не этим.

Истории про иностранцев?

И не историями про иностранцев. Олимпиады как спортивного события для жителей Москвы en masse, по сути, не было. Событие стало точкой отсчета для личных ощущений и эмоций: продукты в магазины завезли,

кого-то выслали за 101-й километр, стало просторно и хорошо гулять по городу. Именно в этих рамках и нужно делать какие-то исследования, показывать, что все это — совсем не только про события.

Еще хотела спросить вас о будущем приложении: что в нем будет, какие функции оно будет выполнять, чем оно будет отличаться от сайта?

В обычных путеводителях всегда есть некоторый набор фактов: в этом доме жил великий писатель Максим Горький с такого-то по такой-то год, он написал такие-то работы, это дом архитектора Шехтеля, он построен тогда-то... И на самом деле, мы уже привыкли воспринимать информацию таким образом. Идея приложения для смартфонов совсем в другом. Сейчас она реализуется с частичным функционалом, но суть такая: есть различные маршруты, есть различные точки. Человек выходит на какой-нибудь маршрут, подвигает движок, кнопку «я на маршруте», и приложение ему предлагает: можно пойти вот туда, можно — вот сюда, здесь семь точек, здесь — восемь, здесь один километр, здесь — три. Дальше все, кто зарегистрировался в этом приложении, видят, что этот человек сейчас находится на маршруте, и могут дать ему запрос на присоединение. Получается, что это еще и такой устно-исторический Tinder, где люди могут усваивать историю и территорию вместе. Это первая важная вещь. Вторая важная вещь — это истории, которые будут не просто начитанными текстами, а маленькими кусочками аудио, рассказанных людьми, которые имеют свои представления об этом пространстве. Подходишь к какой-нибудь точке и слышишь, как детский голос говорит тебе: «А здесь я ел мороженое!». И ты понимаешь, что это не про архитектора и не про дом, а про что-то уже совершенно другое. Но если вы, например, интроверт и хотите изучать пространство в одиночестве, вы можете просто поставить режим «интроверта» и гулять самостоятельно. Есть еще один функционал, который мы бы хотели реализовать в будущем: если вы вдруг тоже захотите что-то рассказать про какое-нибудь место, то сможете включить диктофон/телефон, записать себя и отправить на эту точку маленькое воспоминание. И если оно будет соответствовать определенным критериям, мы поместим его в маршрут. Критерии эти довольно субъективны: если воспоминание соответствует полноте текста и его главной теме, если оно довольно эмоциональное и оно ваше, и если на месте записи не дует сильный ветер, перекрывающий ваш голос, есть вероятность, что история войдет в маршрут. Но главное отличие нашего приложения от стандартных экскурсионных — это то, что истории о разных местах будут рассказывать сами люди. Не один человек, не диктор, а многие голоса людей, которые про эти места что-то знают.

Каким вы представляете будущее проекта «Народная история России»?

Одна из ситуаций развития этого проекта — когда другие люди начнут собирать интервью самостоятельно. Сейчас такой функционал уже реализован. Если вы ткнете на существующую точку на карте и захотите добавить свои воспоминания к уже существующему месту, то вы сможете это сделать. Наша задача — максимально попытаться сделать это именно народной историей, чтобы люди сами могли делиться своими воспоминаниями. Но в этой связи возникает ряд сложных концептуальных вопросов: в какой форме они поделятся, что это будет за информация, кто это будет проверять. А так, конечно, глобальная задача для нашей карты — вся Россия, каждый ее район, каждый город, чуть ли не каждый дом и квартира, чтобы можно было создать целый слой, диахронический срез самых

разных вещей. Понятно, что это невозможно, но если человек складно рассказывает и хочет чем-то поделиться, то мы тут. Мы можем реализовать это разными способами.

Одной Россией проект, конечно, не ограничивается. Если все получится, в дальнейшем мы постараемся собрать интервью с экспатами — людьми, проживающими здесь и говорящими на других языках: испанском, итальянском, английском, немецком, чешском, польском и т. д. Мне кажется, это очень здорово, когда человек из Китая приезжает, например, учиться в университет РАНХиГС: он здесь мало что знает, у него есть только диаспора, община и несколько китайских магазинчиков. Он думает: «Как здесь жить?». И приложение ему предлагает, что с этим можно сделать, оно для него — путеводитель по новой территории. Сейчас такая опция есть для новых жителей городов, которые приезжают и выбирают себе квартиру, и это радует. Я два раза видел, как в метро люди смотрят *pastandnow.ru*, а потом открывают «Циан» и сравнивают свои впечатления с тем, что рассказывают люди. Им важно само ощущение от пространства, где они будут жить. Практическая польза проекта во многом связана с выбором для себя новой территории, где ты живешь, гуляешь, думаешь и любишь. Возможно, мы добавим еще какие-то документальные вещи: письма, марки, автобусные билеты, фотографии. Выглядеть это будет как дополнительный материал к информации о рассказчике: вот фото того самого дома, который снесли, вот счастливый трамвайный талончик, по которому высчитывалось нужное количество цифр. Очень важно, чтобы люди буквально проживали истории других людей, потому что тогда они становятся человечными и, наверное, более честными по отношению к себе. Когда ты вслушиваешься и вчитываешься в интервью, то понимаешь, что люди очень разные и что невозможно судить их по критериям добра и зла. И вот тогда ты хранишь каждого в сердце и в памяти, потому что это еще одна жизнь, к которой тебе позволили немного прикоснуться.

Литература

- Канатова, Е. (2021). Никита Петров — о том, зачем собирать, слушать и читать истории о городах [интервью]. *Московская высшая школа социальных и экономических наук*. Режим доступа: <https://www.msses.ru/media/intervyu/nikita-petrov-o-tom-zachem-sobirat-slushat-i-chitat-istorii-o-gorodakh/>
- Петров, Н. В. (2021). Цифровые архивы частной памяти. Шаги/Steps, 7(1), 29–56.
- Петрова, Н. С. (2021). Олимпиада, данная нам в ощущениях (по материалам проекта «Народная история России»). Шаги/Steps, 7(1), 136–150.
- Petrov, N. V. (2015). "I Live in the Place Where the Troopers Wait, and Alexander Pushkin Is Walking...": Memories of Vyacheslav Vs. Ivanov and Tatiana M. Nikolaeva about Moscow in 1930–1950s. *Russkii Arkhiv*, 7(1), 15–26.

References

- Kanatova, E. (2021). Nikita Petrov on why one should collect, read and listen to stories about cities [an interview]. *Moscow School of Social and Economic Sciences*. Retrieved from <https://www.msses.ru/media/intervyu/nikita-petrov-o-tom-zachem-sobirat-slushat-i-chitat-istorii-o-gorodakh/> (In Russian).
- Petrov, N. (2015). "I live in the place where the troopers wait, and Alexander Pushkin is walking...": Memories of Vyacheslav Vs. Ivanov and Tatiana M. Nikolaeva about Moscow in 1930–1950s. *Russkii Arkhiv*, 7(1), 15–26.
- Petrov, N. (2021). Digital archives of private memory. Шаги/Steps, 7(1), 29–56. (In Russian).
- Petrova, N. (2021). Olympic Games recounted via feelings (based on materials of the project "The People's History of Russia"). Шаги/Steps, 7(1), 136–150. (In Russian).

НАУЧНЫЕ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТИ И ИХ ОНЛАЙН-РЕСУРСЫ: MEMORY STUDIES ASSOCIATION И ORAL HISTORY ASSOCIATION

МАРГАРИТА АЛЕКСАНДРОВНА ТИХОНОВА ^[1]

✉ MARGARITA.A.TIKHONOVA@MAIL.RU
ORCID: 0000-0001-9198-2705

^[1] РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ, МОСКВА, РОССИЯ

Для цитирования статьи:

ТИХОНОВА, М. А. (2021). НАУЧНЫЕ АССОЦИАЦИИ ПО ИЗУЧЕНИЮ ПАМЯТИ И ИХ ОНЛАЙН-РЕСУРСЫ: MEMORY STUDIES ASSOCIATION И ORAL HISTORY ASSOCIATION. *Фольклор и антропология города*, IV(1), 202–211.
DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-202-211.

SITES AND ONLINE RESOURCES OF THE MEMORY STUDIES ASSOCIATION AND ORAL HISTORY ASSOCIATION

Margarita A. Tikhonova ^[1]

✉ MARGARITA.A.TIKHONOVA@MAIL.RU
ORCID: 0000-0001-9198-2705

^[1] RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES, MOSCOW, RUSSIA

TO CITE THIS ARTICLE:

TIKHONOVA, M. (2021). SITES AND ONLINE RESOURCES OF THE MEMORY STUDIES ASSOCIATION AND ORAL HISTORY ASSOCIATION. *URBAN FOLKLORE & ANTHROPOLOGY*, IV(1), 202–211. DOI: 10.22394/2658 3895-2021-4-1-202-211. (IN RUSSIAN).

Объединение ученых в ассоциации по сферам специализации можно назвать основной тенденцией западноевропейской науки новейшего времени. В сфере устной истории переход от индивидуальных исследований к коллективным проектам произошел в середине 1970-х [Орлов 2014], для memory studies временем объединения послужил «кризисный» период конца 1990-х — начала 2000-х [Сафронова 2018]. Целью создания профессиональных ассоциаций часто служит необходимость согласовать подходы, сформированные в рамках существующих исследовательских школ, групп и сетей, создание общего понятийного аппарата, включение в общий диалог ученых, занимающихся узкоспециальными и региональными вопросами, а также повышение видимости исследовательского поля для спонсоров.

В этом обзоре я опишу принципы работы двух одних из самых известных исследовательских ассоциаций — Memory Studies Association (Нидерланды) и Oral History Association (США). Обе организации позиционируют себя как просветительские и открытые к сотрудничеству и поэтому

предоставляют открытый онлайн-доступ к своим ресурсам. Большая часть полезных материалов аккумулирована на их сайтах, о которых речь и пойдет ниже. Я постараюсь ответить на следующие вопросы: что можно найти на сайтах MSA и ОНА и как это использовать, какие формы взаимодействия Ассоциация исследований памяти и Ассоциация устной истории предлагают своим членам, в чем преимущества вступления в международную исследовательскую ассоциацию, а также есть ли подобные ассоциации в России.

MEMORY STUDIES ASSOCIATION

Ассоциация исследований памяти (Memory Studies Association, MSA) возникла в 2016 году. Сопредседателями Ассоциации выступают Дженни Вюстенберг¹, Алин Зирп², Джеффри Олик³ и избранная в 2021 году Сара Генсбургер⁴. Ассоциация исследований памяти зарегистрирована как некоммерческая организация в Нидерландах, в Маастрихтском университете. Главный информационный ресурс MSA — веб-сайт www.memorystudiesassociation.org. Современным исследователям памяти он может быть полезен сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, в подразделе Memory Cloud (раздел Resources) собрано большое количество подкастов и видеолекций на английском языке, созданных членами Ассоциации и касающихся различных направлений memory studies. Поиск осуществляется с помощью поисковой строки и/или фильтров: имя спикера, категория, год записи. Так, например, выбрав из списка категорий вариант Collective Memories, в числе прочих записей вы можете найти подкасты двух докладов, прозвучавших на симпозиуме After the War: Commemorating the Great War in Ireland в июле 2016 года, один из них посвящен мотиву жертвенности в европейской поэзии 1912, 1914 и 1916, другой — памяти жителей Хорватии и Югославии о Первой мировой войне. Если же выбрать из списка спикеров, например, Барбару Торнквист-Плеву (Barbara Törnquist-Plewa), профессора восточно-центральноевропейских исследований Лундского университета (Швеция), можно найти видеозапись ее лекции о политике памяти в современной Украине, в которой представлена попытка рефлексии с постколониальной перспективы. Кроме того, пройдя по предоставленной внутренней поисковой системой MSA ссылке, помимо лекции Барбары Торнквист-Плевы, вы можете найти лекции других спикеров, представленные на конференции Provincializing

¹ Дженни Вюстенберг (Jenny Wüstenberg) — адъюнкт-профессор истории XX века Университета Ноттингем Трент (Великобритания), PhD в области государственного управления и политики; соучредитель Европейского совета исследований в области транснациональной памяти и идентичности (Council for European Studies' Research Network on Transnational Memory and Identity), сопредседатель сети междисциплинарных исследований памяти Ассоциации германских исследований (German Studies Association's Interdisciplinary Memory Studies Network); автор книги «Гражданское общество и память в послевоенной Германии» [Wüstenberg 2017].

² Алин Зирп (Aline Sierp) — доцент кафедры европейских исследований в Маастрихтском университете (Нидерланды), PhD в области сравнительной европейской политики и истории; соучредитель Европейского совета исследований в области транснациональной памяти и идентичности; автор книги «История, память и трансевропейская идентичность: объединения разрывы» [Sierp 2014].

³ Джеффри Олик (Jeffrey Olick) — младший профессор социологии и истории Виргинского университета (США), заведующий кафедрой социологии; одна из ключевых книг — «Политика сожаления: о коллективной памяти и исторической ответственности» [Olick 2007].

⁴ Сара Генсбургер (Sarah Gensburger) — профессор социальных наук Французского Национального центра научных исследований (CNRS), PhD в области социологии, автор книг «Память на моем пороге: хроники района Батаклан» [Gensburger 2019], «За пределами памяти: действительно ли мы учимся у прошлого?» [Gensburger, Lefranc 2020].

European Memory во Франкфурте в сентябре 2015 года.

Во-вторых, в подразделе Centers and Projects (раздел Resources) опубликован перечень исследовательских центров, институтов и сетей, занимающихся изучением памяти. Среди них, например, есть Институт исследований Холокоста (Королевский колледж Холлоуэй, Великобритания), Центр по изучению рассказывания историй, опыта переживания и памяти (Университет Турку, Финляндия), Центр по изучению современных конфликтов (Факультет медиа и коммуникаций, Университет Сингидунум в Белграде). Помимо названия исследовательского центра, в перечне указана ссылка на его сайт, а также имя и электронный адрес контактного лица, с которым можно связаться по поводу сотрудничества. Кроме того, любой посетитель сайта может предложить внести в перечень исследовательских центров собственный проект или организацию⁵.

В-третьих, в разделе Digital MSA размещается афиша онлайн-мероприятий Ассоциации, на которые после предварительной регистрации может попасть любой желающий. Ссылка на регистрацию и напоминание о встречах публикуются в официальной группе Ассоциации на Facebook⁶. Встречи dMSA проходят около восьми раз в год, формат может быть различным: круглый стол, вебинар, презентация книжных новинок. Трансляция онлайн-встреч ведется на канале Ассоциации на YouTube⁷, там же в открытом доступе выложены их записи. Члены MSA могут подать заявку на проведение собственного мероприятия в рамках dMSA.

Остальные разделы сайта доступны только зарегистрированным пользователям. Процедура регистрации включает оплату членства в MSA. Доступно два варианта членства: спонсируемое и поддерживающее. Спонсируемым членам Ассоциации бесплатно предоставляются все права и преимущества, также у них есть возможность получить дорожный грант для выезда на ежегодную конференцию MSA. Чтобы стать спонсируемым членом, необходимо написать письмо на электронный адрес Ассоциации (см. сноску 5) с кратким обоснованием причин обращения.

Для поддерживающих членов MSA размер взносов определяется их академическим опытом — чем больше стаж работы исследователя, тем выше ежегодная плата. Членом Ассоциации может стать не только ученый, но и, например, предприниматель или человек любой другой профессии, заинтересованный в развитии memory studies и жизнеспособности MSA.

Члены Ассоциации исследований памяти получают свободный доступ к новейшей литературе по теме — им предоставляется бесплатная подписка на Memory Studies Journal и скидки на книжную продукцию одного из известнейших британских издательств Palgrave. Для членов Ассоциации, зашедших на сайт MSA под своей учетной записью, открыт его полный функционал: раздел со ссылками на рекомендуемую литературу, учебные курсы преподавателей — членов MSA, регулярно обновляемый список академических и прикладных вакансий в сфере memory studies, тематические дискуссионные форумы и раздел с советами по поводу карьерного роста.

Кроме этого, молодые члены Ассоциации могут подать заявку на программу

⁵ Для этого нужно написать членам исполнительного комитета MSA на электронный адрес info@memorystudiesassociation.org

⁶ Ссылка на группу: <https://www.facebook.com/memorystudies>

⁷ Ссылка на канал: <https://www.youtube.com/channel/UCVCaCQ35rB45iWgLf0zoUxA>. Помимо записей онлайн-встреч Digital MSA, здесь в открытом доступе находится множество других полезных видео, например записи лекций и докладов со встречи-конференции MSA, которая в 2021 году проходила в Варшаве.

стажировки. В круг возможных обязанностей стажера входит помощь в организации ежегодной конференции, подготовка заявок на финансирование, публикация обновлений на сайте и в соцсетях. Таким образом, стажировка в MSA позволяет включиться в профессиональное сообщество и тесно сотрудничать с учеными и практиками из разных стран уже на ранних этапах исследовательской карьеры⁸. Для членов MSA с большим академическим опытом предусмотрена возможность стать наставником стажера и/или записать собственный учебный курс.

Одной из площадок взаимодействия членов Ассоциации являются методологические семинары и мастерские, а также исследовательские группы. Любой участник MSA может присоединиться к одной или нескольким рабочим региональным или национальным группам либо создать свою. Уже сегодня на сайте представлено более 18 рабочих групп с различной тематикой (например, Digital Memories, Witnessing, Family Memory and Intergenerational Exchange), а региональные группы охватывают такие регионы и страны, как Польша, Африка, Азия, Скандинавский регион, Латинская Америка и Юго-Восточная Европа. Работа в группах позволяет исследователям, работающим в одном поле, создавать коллаборации, обмениваться идеями и изучать теоретические, методологические и эмпирические подходы коллег.

Одним из главных мероприятий MSA является ежегодная встреча-конференция, каждый год объединяющая более 500 участников и посвященная актуальным проблемам memory studies. Например, в 2020 году конференция проходила в американском Шарлотсвилле, печально известном по выступлениям националистов в августе 2017 и 2018 годов. Организаторы предложили участникам поразмышлять над проблемами демократии, памяти и кризиса⁹. Глобальная цель ежегодных конференций — объединить ученых и практиков в растущей области исследований памяти со всех уголков мира и сделать MSA центральной дискуссионной площадкой в этой сфере. Ближайшая (шестая) конференция Ассоциации исследований памяти пройдет в июле 2022 в Сеуле¹⁰. Предполагаемая тема конференции — солидарность и ключевая роль коллективной памяти в создании, укреплении или исследовании различных форм солидарности. Подать заявку на конференцию можно по электронной почте (conference@memorystudiesassociation.org).

Кроме того, начиная с 2021 года, члены Ассоциации имеют возможность номинироваться на книжную премию, спонсором которой является журнал Memory Studies. К участию в конкурсе допускаются авторы монографий на английском языке, посвященных различным аспектам исследований памяти и написанных не позднее чем за два года, предшествующих конкурсу.

В целом сайт MSA дает исчерпывающее представление о деятельности организации и позволяет быстро найти нужную информацию. Основные разделы сайта переведены на распространенные языки мира, среди которых португальский, русский, голландский, китайский, японский, испанский, латышский, турецкий и др. Помимо сайта, информация об актуальных мероприятиях и деятельности MSA публикуется в социальных сетях.

⁸ Судя по последней информации с сайта [https://www.memorystudiesassociation.org/about_the_msa/#~:text=interns,дата обращения 15.11.2021], в MSA пока нет стажеров. Чтобы подать заявку на стажировку, необходимо отослать свое CV на электронный адрес, указанный в 5-й сноске.

⁹ Подробнее о конференции MSA 2020 в Шарлотсвилле можно прочесть здесь: [<https://www.memorystudiesassociation.org/charlottesville-conference-2020-call-for-papers>]

¹⁰ Анонс конференции 2022: [<https://www.memorystudiesassociation.org/conference-seoul-2022>].

Сегодня Memory Studies Association активно привлекает новых членов. Ассоциация заинтересована в создании национальных отделений. Свои отделения MSA уже открыты в Великобритании, Польше, Канаде и Индии. В 2018 году журнал «Историческая экспертиза» выступил с инициативой создания русского отделения MSA [Зирп 2018: 267], но до сих пор в общедоступном списке национальных исследовательских сетей России нет¹¹. Однако известно, что некоторые российские ученые¹² входят в одну из рабочих групп MSA — PoSoCoMeS (Post-Socialist and Comparative Memory Studies). Собственные мероприятия и мероприятия дружественных организаций группа анонсирует в социальных сетях, записи открытых семинаров PoSoCoMeS, доклады членов группы на различных конференциях и интервью с исследователями memory studies на русском и английском языке можно найти на YouTube-канале группы¹³.

ORAL HISTORY ASSOCIATION

Ассоциация устной истории (Oral History Association, ОНА) существует более 50 лет. Идея создания организации родилась в 1966 году из дискуссии Джеймса Минка (James V. Mink) и Луиса Старра (Louis M. Starr), сотрудников двух крупнейших исследовательских центров устной истории в США, расположенных в Университете Колумбия и Калифорнийском университете. Сегодня ОНА координирует множество проектов и обеспечивает взаимодействие политиков, ученых, предпринимателей и других людей, интересующихся устной историей как способом сбора и интерпретации воспоминаний.

ОНА представлена в интернете сразу несколькими информационными площадками. Главная из них — официальный веб-сайт <https://www.oralhistory.org/>. На сайте собрана большая библиотека материалов на английском языке, касающихся теоретических оснований и практик устной истории¹⁴. Эти материалы могут быть полезны специалистам в области антропологии, социологии, этнографии, фольклористики и локальной истории.

Наибольшая концентрация полезных материалов представлена в разделе Resources. Например, в подразделе ОНА Principles and Best Practices в одноименной брошюре [ОНА Principles and Best Practices 2018] собраны методические рекомендации по подготовке к интервью, сбору информации, сохранению и размещению обработанного материала. Особенное внимание авторы рекомендаций уделяют этическим аспектам работы интервьюера: необходимости полно и честно описывать свои институциональные, профессиональные, политические и другие связи, брать у собеседника информированное согласие на интервью и его публикацию, искать собеседников, способных представить разные точки зрения на проблему исследования,

¹¹ <https://www.memorystudiesassociation.org/national-networks-non-members-menu>

¹² Например, Дарья Хлевнюк, научный сотрудник ИГИТИ ВШЭ и сооснователь PoSoCoMeS, Сергей Эрлих, доктор исторических наук и главный редактор журнала «Историческая экспертиза», Мария Мацкевич, старший научный сотрудник ФНИСЦ РАН.

¹³ <https://www.youtube.com/channel/UCswvSMeezmREYJwbbVbMNvQ>

¹⁴ См., например, серию брошюр, составленных членами ОНА: подробное руководство по проведению собеседований по устной истории с ветеранами вооруженных сил [Sommer 2015], справочник для практиков устной истории по юридическим вопросам [Neuenschwander 2014] (автор брошюры приводит примеры, актуальные для законодательной и судебной системы США), руководство по использованию устноисторического метода в проектах, связанных с локальной [Mercier, Buckendorf 2010] и семейной историей [Barnickel 2010].

четко документировать и публиковать метаданные интервью. Отдельные руководства посвящены принципам и лучшим практикам архивирования [ОНА Archives Principles] и методикам дистанционного интервью [Considerations for Remote Oral History Interviewing].

В подразделе Web Guides to Doing Oral History собраны ссылки на учебники и руководства от практиков устной истории из ведущих университетов США. Например, в открытом доступе здесь можно найти учебник Барбары Соммер и Мэри Куинлан, написанный в формате вопросов и ответов, разработанный специально для неспециалистов [Sommer, Quinlan 2005]. Другие руководства ориентированы скорее на профессиональных исследователей устной истории и посвящены технологиям и лучшим практикам записи звука, цифровому редактированию полевых аудио, практическим советам по проведению интервью. Отдельные пособия, например такие как The SOHP Practical Guide [SOHP Practical Guide 2018] и Step by Step Guide to Oral History [Moyer 1999], ценны, в первую очередь, обширной библиографией.

ОНА оказывает методическую поддержку не только исследователям-практикам, но и педагогам. В подразделах Oral History in Education и Oral History Association Educator's Resource можно найти инструкцию по внедрению практик устной истории в учебный процесс в школе и вузе.

Не менее полезным представляется и раздел Blogs, Webinar & Podcasts. Здесь опубликованы ссылки на записи сессий ежегодной конференции ОНА [ОНА 2020 Virtual Meeting 2020], которая в 2020 году прошла онлайн, а также несколько подкастов [Amplified Initiative 2018], записанных в 2018 году на панельных дискуссиях конференции ОНА (Organization of American Historians). В данном разделе также размещена ссылка на дополнительный информационный ресурс ОНА, блог журнала Oral History Review (<https://oralhistoryreview.org>). В блоге публикуются мультимедийные материалы, не дублирующие публикации сайта и журнала. Для облегчения поиска по записям слева на главной странице блога расположен список тематических категорий.

На сайте можно увидеть ссылки на другие ассоциации США, члены которых занимаются исследованием устной истории. Они указаны в разделах ОНА Partners и Centers and Collections. Список исследовательских центров устной истории других регионов мира опубликован в разделе Regional and International Organizations. Наибольшее количество представленных на сайте организаций расположены в Северной и Южной Америке, хорошо представлены также Европа, Азиатско-Тихоокеанский регион, Африка и Ближний Восток.

Разделы сайта, посвященные ежегодным встречам-конференциям, конкурсам и премиям, а также журналу Oral History Review, носят скорее ознакомительный и рекламный характер, так как возможность посетить эти мероприятия и опубликоваться в журнале доступна только членам ОНА, для которых разработан отдельный сайт, недоступный незарегистрированным пользователям.

К основным преимуществам членов Ассоциации устной истории можно отнести включенность в профессиональное сообщество, возможность вступать в рабочие группы и группы по интересам, возможность посещать семинары и вебинары ОНА в течение года, а также доступ к архиву вебинаров, бесплатная подписка на журнал The Oral History Review, а также доступ к цифровому архиву номеров (самый ранний выпуск в архиве

датируется 1973 годом), частичная или полная оплата входа на Ежегодную конференцию ОНА.

Доступно два варианта членства — индивидуальное и для организаций. Дополнительным преимуществом для организаций-партнеров ОНА является возможность рекламы на сайте и в информационных бюллетенях, выходящих 5 раз в год.

Таким образом, на сайте ОНА собрано большое количество материалов, ценных для исследователей устной истории в методологическом отношении, однако поиск этих материалов затрудняется сложной системой ссылок и отсутствием внутреннего поиска. В пространстве соцсетей ОНА представлена в том числе в Twitter (https://twitter.com/ОНА_network).

Деятельность обеих рассмотренных в обзоре ассоциаций строится похожим образом: бюджет составляют членские и благотворительные взносы, а также средства, привлеченные с помощью рекламы организаций-партнеров. Большая часть этих денег идет на организацию ежегодной конференции, тревел-гранты, различные премии и стипендии. Обе ассоциации предоставляют своим членам возможность публиковать результаты своих исследований в тематических журналах (Oral History Review и Memory Studies). Члены ассоциаций объединяются в рабочие группы на основании своих исследовательских интересов. У каждого из них есть возможность выбирать членов исполнительного комитета и быть избранным. Обе ассоциации нацелены на привлечение новых членов и расширение исследовательской сети.

Существуют ли подобные межинституциональные объединения ученых в России? В последние несколько лет в российском академическом сообществе появилось сразу несколько ассоциаций, занимающихся изучением памяти: в 2016 году был создан Центр цифровой гуманитаристики ПГНИУ¹⁵, одно из приоритетных направлений которого — digital memory studies¹⁶, в 2018 году открылся Центр изучения культурной памяти и символической политики ЕУ СПб¹⁷, объединяющий историков, политологов, социологов, антропологов и других исследователей общества, в 2019 году как часть MSA начала свою работу исследовательская группа PoSoCoMeS¹⁸, о которой речь уже шла выше. Эти организации ориентированы на международное сотрудничество: их члены выступают с докладами на научных конференциях за пределами России, а также инициатируют и организуют подобные конференции в рамках своих институций, на их онлайн-ресурсах в открытом доступе находится множество полезных материалов, коллекция которых постоянно пополняется.

Кроме того, российских ученых и профессионалов других сфер объединяют также прикладные проекты по исследованию устной истории и сохранению исторической памяти, такие, например, как центр изучения эго-документов «Прожито», фонд развития гуманитарных исследований

¹⁵ <http://dh.psu.ru>

¹⁶ Один из проектов Пермского ДН центра — Digital History of Virtual museums — посвящен изучению архивных копий (snapshots) сайтов виртуальных музеев, хранящихся в веб-архивах [<http://virtualmuseumhistory.com>]. Подробнее о методе, его потенциале и ограничениях см. [Поврозник 2020]. В 2021 году также был запущен учебный курс «Веб-история социума и его институтов», разработанный руководителем центра Надеждой Поврозник. Материалы курса выложены в сеть и доступны по адресу: [<http://webhistoria.ru>].

¹⁷ <https://eusp.org/memory-studies>

¹⁸ <https://www.posocomes.org>

«Устная история», общество «Международный Мемориал»¹⁹, проект «ВикиГолоса». Однако их приоритетная задача — скорее выпуск исследовательских «продуктов»²⁰, чем интеграция ученых в профессиональное сообщество и решение методологических проблем.

Таким образом, в российском сообществе исследователей памяти так же, как и за рубежом, наблюдается тенденция к консолидации. Уже сегодня существует немало объединений на межинституциональном уровне, однако единой исследовательской сети пока не возникло, а некоторые перспективные группы и проекты страдают «регионализмом» и остаются выключенными из общей дискуссии. Как мне кажется, решить эту проблему может создание общероссийской ассоциации ученых, которая могла бы функционировать как форум исследователей различных регионов и областей знания. При этом, как показывает опыт зарубежных и отечественных коллег, онлайн-формат общения и взаимодействия вполне жизнеспособен.

Литература

- Зирп, А. (2018). «Ассоциация исследований памяти надеется стать по-настоящему всемирным объединением, способствующим выдающимся исследованиям и научному обмену». Интервью с А. Зирп. *Историческая экспертиза*, 2018(2), 258–267.
- Орлов, И. Б. (2014). Устная история. В В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин (Ред.). *Теория и методология истории: учебник для вузов*, 335–355. Волгоград: Учитель.
- Поврозник, Н. Г. (2020). Веб-архивы в реконструкции истории виртуальных музеев: потенциал и ограничения. *Вестник Пермского университета. История*, 4(51), 95–105.
- Сафронова, Ю. А. (2018). Третья волна memory studies: двадцать три года против шерсти. *Политическая наука*, 2018(3), 12–31.
- Amplified initiative (2018). *Amplified initiative*. Режим доступа: <https://oralhistoryassociation.libsyn.com/website>
- Barnickel, L. (2010). *Oral history for the family historian: A basic guide*. Oral History Association.
- Considerations for remote oral history interviewing (2020). *Considerations for remote oral history interviewing*. Режим доступа: <https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2020/09/Remote-Interviewing-Resources.pdf>
- Gensburger, S. (2019). *Memory on my doorstep: Chronicles of the Bataclan neighborhood, Paris 2015–2016*. Paris: Leuven University.
- Gensburger, S., Lefranc, S. (2020). *Beyond memory: Can we really learn from the past?* New York: Palgrave Macmillan Memory Studies.
- Mercier, L., Buckendorf, M. (2010). *Using oral history in community history projects*. Oral History Association.
- Moyer, J. (1999). *Step-by-step guide to oral history*. Режим доступа: https://dohistory.org/on_your_own/toolkit/oralHistory.html
- Neuenschwander, J. A. (2014). *A guide to oral history and the law*. Oxford: Oxford University Press.

ОНА 2020 virtual meeting (2020). *ОНА 2020 virtual meeting*. Режим доступа: <https://oralhistory.aviaryplatform.com/collections/1110>

ОНА archives principles (2019). *Oral History Association archives principles and best*

¹⁹ 4 октября 2016 года организация «Международный Мемориал» включена в реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ.

²⁰ Все они существуют в открытом доступе в сети: текстовый корпус личных дневников «Прожито» [<https://prozhito.org>], архив мемуарных бесед «Устная история» [<https://oralhistory.ru>], общедоступный портал устных рассказов «Народная история России» [<https://pastandnow.ru>], архивы и базы данных «Мемориала» [<https://www.memo.ru/ru-ru/collections/databases/>].

- practices complete manual*. Режим доступа: <https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2019/11/OHA-Archives-Principles-and-Best-Practices-Complete-Manual.pdf>
- OHA principles and best practices (2018). *OHA principles and best practices*. Режим доступа: <https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2020/06/OHA-Principles-and-Best-Practices-Original-and-Archives-updated-Oct-2019.pdf>
- Olick, J. (2007). *The politics of regret: On collective memory and historical responsibility*. New York: Routledge.
- Sierp, A. (2014). *History, memory, and trans-european identity: Unifying divisions*. New York and Abingdon: Routledge.
- SOHP practical guide (2018). *A practical guide to oral history*. Режим доступа: https://sohp.org/wp-content/uploads/sites/69/2020/02/01_A-Practical-Guide-to-Oral-History_SOHP_2018.pdf
- Sommer, B. (2015). *Doing veterans oral history*. Oral History Association.
- Sommer, B. W., Quinlan, M. K. (2005). *Capturing the living past: An oral history primer*. Режим доступа: https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2018/06/Capturing_the_Living_Past_-_An_Oral_History_Primer-3.pdf
- Wüstenberg, J. (2017). *Civil society and memory in postwar Germany*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

- Amplified initiative. (2018). *Amplified initiative*. Retrieved from <https://oralhistoryassociation.libsyn.com/website>.
- Barnickel, L. (2010). *Oral history for the family historian: A basic guide*. Oral History Association.
- Considerations for remote oral history interviewing (2020). *Considerations for remote oral history interviewing*. Retrieved from <https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2020/09/Remote-Interviewing-Resources.pdf>
- Gensburger, S. (2019). *Memory on my doorstep: Chronicles of the Bataclan neighborhood, Paris 2015–2016*. Paris: Leuven University.
- Gensburger, S., Lefranc, S. (2020). *Beyond memory: Can we really learn from the past?* New York: Palgrave Macmillan Memory Studies.
- Mercier, L., Buckendorf, M. (2010). *Using oral history in community history projects*. Oral History Association.
- Moyer, J. (1999). *Step-by-step guide to oral history*. Retrieved from https://dohistory.org/on_your_own/toolkit/oralHistory.html
- Neuenschwander, J. A. (2014). *A guide to oral history and the law*. Oxford: Oxford University Press.
- OHA 2020 virtual meeting (2020). *OHA 2020 Virtual meeting*. Retrieved from <https://oral-history.aviaryplatform.com/collections/1110>
- OHA archives principles (2019). *Oral History Association archives principles and best practices complete manual*. Retrieved from <https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2019/11/OHA-Archives-Principles-and-Best-Practices-Complete-Manual.pdf>
- OHA principles and best practices (2018). *OHA principles and best practices*. Retrieved from <https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2020/06/OHA-Principles-and-Best-Practices-Original-and-Archives-updated-Oct-2019.pdf>
- Olick, J. (2007). *The politics of regret: On collective memory and historical responsibility*. New York: Routledge.
- Orlov, I. (2014). *Oral history*. In V. Alekseev, N. Kradin, A. Korotaev, L. Grinin (Eds.). *Theory and methodology of history: A textbook for universities*, 335–355. Volgograd: Uchitel'. (In Russian).
- Povroznik, N. (2020). Web archives in reconstruction of history of virtual museums: Potential and limitations. *Bulletin of Perm University. History*, 4(51), 95–105. (In Russian).
- Safronova, Yu. (2018). The third wave of memory studies: Going against the grain for twenty-three years. *Political Science*, 2018(3), 12–31. (In Russian).
- Sierp, A. (2014). *History, memory, and trans-european identity: Unifying divisions*. New York

and Abingdon: Routledge.

Sierp, A. (2018). "The Memory Studies Association hopes to become a truly global association that promotes outstanding research and scientific exchange." An interview with A. Sierp. *The Historical Expertise*, 2018(2), 258–267. (In Russian).

SOHP Practical Guide. (2018). *A practical guide to oral history*. Retrieved from https://sohp.org/wp-content/uploads/sites/69/2020/02/01_A-Practical-Guide-to-Oral-History_SOHP_2018.pdf

Sommer, B. (2015). *Doing veterans oral history*. Oral History Association.

Sommer, B. W., Quinlan, M. K. (2005). *Capturing the living past: An oral history primer*. Retrieved from https://www.oralhistory.org/wp-content/uploads/2018/06/Capturing_the_Living_Past_-_An_Oral_History_Primer-3.pdf

Wüstenberg, J. (2017). *Civil society and memory in postwar Germany*. Cambridge: Cambridge University Press.

Научный журнал
Academic journal

Фольклор и антропология города
Urban Folklore & Anthropology

2021, 1–2. Т. IV

Основан в мае 2018 года
Established in May, 2018

Научный редактор

Е. Ф. Югай

Редактор английского текста

М.-В. В. Моррис

Корректурa

О. М. Пономарев

Верстка, дизайн

В. Ф. Лурье

Academic Editor

E. F. Yugai

English Language Editor

M.-V. V. Morris

Copy Editor

O. M. Ponomarev

Layout Editor, Designer

V. F. Lurie

ISSN: 2658-3895

Адрес редакции: 119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82, корп. 9
Postal address: 82 bldg. 9, Vernadskogo Avenue, Moscow, Russia, 119606

Учредитель издания: Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

The journal is published by The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
In case of reprinting, reference to the journal is obligatory.

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.
All articles published in the journal have been peer-reviewed.

Подписано в печать 01.08.2021

Формат 70×100/16

Тираж 500 экз. (первый завод — 200 экз.)

Отпечатано в типографии РАНХиГС

119571, Москва, просп. Вернадского, 82, стр. 9

Номер Свидетельства о регистрации СМИ в Роскомнадзоре: ПИ № ФС77-73157 от 22.06.2018 г.

© Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

© Авторы

© The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

© Authors